

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Горбачев-Фонд)

Гражданское общество:
настоящее и будущее

1937–2007:
память и ответственность

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МОСКВА 2007

Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) был учрежден в декабре 1991 года. Президент Фонда — Михаил Сергеевич Горбачев, вице-президент — Ирина Михайловна Горбачева-Вирганская

Горбачев-Фонд — международная, неправительственная, неприбыльная организация. В деятельности Фонда на добровольных началах могут принимать участие юридические лица и граждане любых государств. Горбачев-Фонд постоянно сотрудничает с ведущими университетами, фондами, международными организациями, государственными структурами и неправительственными объединениями в разных странах мира.

Концепция Фонда основана на убеждении, что в условиях глобализации стране и миру нужно новое мышление, новое прочтение идей прогресса и гуманизма, разработка принципов более справедливого миропорядка. Фонд содействует открытому диалогу между экспертами и общественностью, стремясь к использованию результатов научных исследований в интересах развития гражданского общества, становления ученых и политиков нового поколения.

Исследовательская работа Фонда с начала его существования велась по нескольким направлениям:

- глобальные проблемы,
- экономическое развитие и социальные проблемы в России и мире,
- европейский процесс,
- история Перестройки в СССР,
- новейшая история России.

Фонд проводит международные и российские конференции, семинары, круглые столы.

По результатам исследований и конференций публикуются монографии и сборники материалов.

Общий девиз работы Фонда — “К новой цивилизации”.

**Международный фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ**

**1937–2007:
ПАМЯТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Москва, 2007

УДК 94(47+57)

Г 67

Горбачевские чтения. Вып. 5.: Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007: Память и Ответственность / Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев–Фонд). — М.: Горбачев–Фонд, 2007. — С.

*Под редакцией О.М. Здравомысловой
Компьютерный набор И.Г. Вагина, О.Е. Котова*

ISBN 5-86493-139-X

© Горбачев-Фонд, 2007.

От редактора

В очередном, пятом выпуске «Горбачевских чтений» мы публикуем материалы конференции «Гражданское общество в России: настоящее и будущее», приуроченной к 15-летию Горбачев-Фонда и круглого стола «1937–2007: Память и ответственность», организаторами которого были Горбачев-Фонд и Международное общество «Мемориал».

Понятие гражданское общество вошло в наши публичные дискуссии в конце 80-х годов. Именно тогда, в годы Перестройки началась современная история гражданского общества в России. На рубеже 80–90-х годов страна бурлила, масса людей готовы были участвовать в публичной политике, в создании — говоря современным языком — нового общественного проекта. Пассивное, аполитичное общество эпохи «застоя» на наших глазах превращалось в общество граждан. Формировалась публичная политика, создавались независимые общественные движения, объединения, организации, к числу которых принадлежит и Международный фонд социально-экономических исследований — Горбачев-Фонд. Поэтому тема «Гражданское общество в России: настоящее и будущее» неслучайно была выбрана как центральная тема конференции, посвященной 15-летию Фонда. Выступления на конференции опубликованы в первой части «Горбачевских чтений».

Сильное, влиятельное гражданское общество создает условия для утверждения реальной демократии в России, но сегодня, как и 15–20 лет, назад продолжает звучать вопрос: «существует ли в нашей стране гражданское общество»? Некоммерческий сектор, несомненно, есть, и он развивается, но в публичной сфере присутствие гражданского общества ощущается мало — его активность вытесняется на периферию публичной политики, которая становится монополией элит.

Поэтому исключительно важен глубокий анализ проблем и вызовов, с которыми сталкивается гражданское общество в России. Один из таких вызовов можно было бы назвать «борьбой за историю», которая становится особенно острой, когда приходит очередная «круглая дата», связанная с тем или иным историческим событием. В 2007 году исполнилось 70 лет с начала Большого террора (1937–1938), стоившего народам СССР многих сотен тысяч жизней. Осмыслению этой трагедии и исторической памяти о ней посвящены материалы, опубликованные во второй части «Горбачевских чтений».

Содержание

От редактора 3

Гражданское общество в России: настоящее и будущее

М.С. Горбачев: «Мы прошли путь как реальный институт гражданского общества» 8

И. Тенденции формирования гражданского общества

В массовом сознании должно выработаться прагматическое сознание того, что есть гражданское общество

А.А. Аузан 9

Массовое сознание относится к структурам гражданского общества весьма настороженно или противоречиво

Л.Д. Гудков 13

Общество – это другие

Б.В. Дубин 22

Возникают инициативные группы людей, которые пытаются самоорганизоваться

К. Клеман 25

Результатом становления и критерием развития гражданского общества является гражданин

С.Г. Патрушев 30

Является ли нынешний русский национализм формой гражданского общества?

Э.А. Паин 36

Какая модель гражданского общества формируется в России?

А.С. Макарычев 43

Гражданское общество возникает, когда люди начинают понимать границы своей несвободы

А.В. Шубин 47

Научный спор о гражданском обществе должен продолжаться

Н.Ю. Беляева 51

II. Пространство гражданского общества и механизмы его взаимодействия с властью

Взаимодействие с властью как вызов для НКО	
<i>А.Б. Суслов</i>	54
Пространство гражданского общества: внешние и внутренние границы	
<i>И.Н. Куклина</i>	56
Развитие женских организаций — важный показатель становления гражданственности	
<i>С.Г. Айвазова</i>	66
Многие проблемы в гражданском обществе не отрефлексированы потому, что связь с интеллектуалами недостаточно тесная	
<i>Т.Д. Жданова</i>	71
Главная проблема гражданских организаций в том, что их профильная работа почти никак не представлена в информационном пространстве	
<i>А.Ю. Даниэль</i>	77
Гражданское общество нуждается в своей газете	
<i>А.К. Симонов</i>	81
Гражданское общество застряло посередине: оно есть, но оно не развивается	
<i>И.М. Хакамада</i>	83
Гражданские активисты политически ангажированы, но они не стремятся завоевать политическую власть	
<i>Й. Зигерт</i>	87
Принцип создания сверху структур гражданского общества, безусловно, порочен	
<i>Ю.А. Джигладзе</i>	89
Нужно, чтобы развивались демократические процессы	
<i>М.С. Горбачев</i>	93
<i>Доклады, присланные на конференцию</i>	
Анатомия и контексты правозащиты	
<i>В.Р. Шмидт</i>	96

1937–2007: Память и ответственность

М.С. Горбачев: «Мы должны сделать все, чтобы общество шло по пути демократии»110

И. Большой террор в сегодняшнем общественном сознании и в национальной памяти

Сегодняшняя тенденция направлена на то, чтобы отодвинуть память о политическом терроре на периферию сознания

А.Б. Рогинский116

Хранителем памяти является только разнообразное и глубокое общество

Б.В. Дубин123

Школьный учебник как «вместилище» принятой в обществе исторической позиции

Н.П. Соколов128

Современное историческое знание о Большом терроре и публичная память о нем заметно разошлись

И.А. Флиге131

Дети, родившиеся в начале 90-х годов, попали в пространство, где нет передачи памяти

И.Л. Щербакова137

Память нужна не только, чтобы помнить, но и чтобы понимать, что происходит

Г.А. Явлинский139

II. Конструкции прошлого и социальная ответственность

Вина и ответственность – те наши возможности, которые открывают сознательный путь к прощению и одновременно, к забвению

В.А. Подорога143

Большой Террор и имперское измерение СССР

А.И. Миллер150

Большой террор в корне изменил национальное мировоззрение

А.Ю. Даниэль153

«Что это было?» История после травмы

О.М. Здравомыслова160

Память о репрессиях – это мы сами	
<i>Н.И. Кизай</i>	163
Как общность мы находимся сейчас в процессе поиска ценностей	
<i>А.А. Аузан</i>	168
Мы почувствовали драматизм того времени	
<i>М.С. Горбачев</i>	173

Из выступлений в дискуссии

<i>А.В. Антонов-Овсеенко</i>	174
<i>Р.А. Медведев</i>	176
<i>Л. Нетто</i>	178
<i>Н.Н. Огородник</i>	180
<i>Э.М. Раутбарт</i>	183
<i>Б.Ф. Славин</i>	184
<i>Ю. Примаков</i>	191
<i>Ю.Н. Афанасьев</i>	194

Доклады, присланные на конференцию

Трагедия 1937 года	
<i>З.Л. Серебрякова</i>	195
Сталин после Сталина	
(концепт Сталина в рабочей практике президиума ЦК КПСС 1954-1964)	
<i>К.В. Юхевич</i>	209
Very dangerous	
<i>В.Л. Шейнис</i>	220
Могила неизвестного зэка	
<i>Г.С. Померанц</i>	226

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Михаил Горбачев:

«Мы прошли путь как реальный институт гражданского общества»

В феврале 1992 г. состоялась презентация Горбачев-Фонда, то есть сегодня мы отмечаем его 15-летие.

Фонд — реальный институт гражданского общества, который закалился в боях: что с нами бы ни делали, мы выстояли. Мы прошли свой путь, как, наверное, проходят его все институты гражданского общества, и считаем, что свою роль всегда выполняли достойно. Наш пример — это пример того, что всегда можно делать что-то позитивное.

Фонд ведет исследовательскую работу, которая, в основном, посвящена тому, как начинались и как продолжают реформы в России, какой вид они принимают сегодня. Мы восстанавливаем историю по частям — в частности, в этом году реализуется большой проект, связанный с периодом Перестройки.

Фонд уделяет много внимания такой нужной сейчас нашему обществу благотворительной деятельности.

Во всяком случае, нам не стыдно. Еще одно: мы независимы. Фонд — это площадка, куда приходит много людей, где почти каждый день проходят встречи, регулярно проводятся круглые столы и конференции. Люди могут откровенно говорить здесь о том, что они думают.

Поэтому спасибо вам за то, что вы пришли сегодня. И тема для разговора у нас, по-моему, подходящая.

I. Тенденции формирования гражданского общества

**В массовом сознании должно выработаться
прагматическое сознание того,
что есть гражданское общество**

Александр Аузан,

*Институт национального проекта «Общественный
договор»*

Почему идет спор о существовании гражданского общества, и есть ли новый этап в процессах его самоорганизации?

Вопрос о российском гражданском обществе сейчас обсуждается в интеллектуальных дискуссиях. Ранее, в 90-е гг., интеллектуалы, по-моему, легко обходились без этого понятия. Напротив, сейчас я не знаю людей, которые в интеллектуальных кругах отрицали бы существование российского гражданского общества. Тем не менее, в массовом сознании это отрицается.

Зададим вопрос — почему? На мой взгляд, отрицание гражданского общества связано не с тем, что люди *не ощущают его*. К примеру, люди прекрасно знают, что если существо\ют проблемы с ребенком, которого забирают в армию, то нужно бежать в Комитет солдатских матерей. А по поводу репрессированных — идти в Мемориал. А если вырубка леса — есть Гринпис и Социально-экологический союз. То есть люди знают, куда обращаться. Это значит, что «деревья» признаны, а «леса» в общественном сознании нет.

Я думаю, что объяснение этого феномена состоит, в том, что с гражданским обществом связываются нереально высокие ожидания. Примерно, та же история происходила с такими понятиями, как «демократия» и «рынок» в конце 80-х годов. Считали, что демократия и рынок — это, когда всё хорошо, и все проблемы решаются.

Подобные ожидания связаны с гражданским обществом. Значит, если у нас «не все хорошо», то какое же это гражданское общество? Как будто гражданское общество — это храм, на котором написано, что все работает правильно, любая несправедливость преследуется и прочее, прочее.

Я думаю, что это нереалистичное представление, связанное с завышенными ожиданиями. И я полагаю, что хорошо бы это представление прошло путь понятия «рынок», а не понятия «демократия». Заметим, что в отношении рынка сейчас мало кто утверждает, что он не нужен. Все к нему относятся как к некоторой машинке, которая что-то умеет делать, а что-то делать не умеет. И уже не возлагают на рынок ожиданий, связанных с всеобщим счастьем в стране. С демократией пока не так...

Хотелось бы, чтобы в массовом сознании выработалось достаточно прагматическое сознание того, что есть гражданское общество. И оно бы не только использовалось, но и соответствующим образом понималось.

Думаю, что на этом пути есть три препятствия, которые влияют и на нынешние формы гражданского общества, и на формы понимания, что такое гражданское общества.

Препятствие номер один. Мы проходим точку самого слабого общества за последние пятнадцать лет. Динамика социального капитала, норм доверия в обществе сейчас находится на минимуме. На вопрос — доверяете ли вы людям, или можно ли доверять людям — 77% отвечают отрицательно. В конце 80-х — начале 90-х годов было совершенно не так. Именно тогда мы могли наблюдать выход больших масс людей на улицы, причем по протестным поводам. Люди доверяли друг другу, доверяли тем, кто их зовет на эти улицы, несмотря на проблемы средств массовой информации, которые были и тогда.

Низкие нормы взаимного доверия создают очень слабую основу для того, чтобы институты гражданского общества признавались как *формы самоорганизации, а не как организации, куда могут обращаться клиенты для решения своих вопросов.*

Можно ли говорить о новом этапе становления гражданской активности? Я думаю, что мы наблюдаем признаки гражданской активности в виде движения автомобилистов, или движения дольщиков, которые испытали трудности, доходящие до

трагедии, в строительстве квартир, или протестов людей, проживающих в общежитиях. Но при такой низкой норме взаимного доверия это могут быть, на мой взгляд, протестные акции — при этом достаточно спорадические и не слишком многочисленные.

К счастью, такие вещи, как низкий уровень взаимного доверия, преодолеваются исторически, даже если мы ничего не делаем. Другое дело, в каких формах будет происходить это преодоление: возникнет ли доверие в формах землячества, этнических групп, криминальных группировок или профессиональных ассоциаций, некоммерческих организаций, местных сообществ?

Препятствие номер два — отношения разных групп в обществе. Я все время повторяю, что самая популярная в России фраза звучит так: «я с этими на одном поле не сяду». Это идеология. Это агрессивный изоляционизм, который касается отношений с другими, с разными. Надо сказать, что более сложные формы гражданского общества — это все-таки мост, который строится не вдоль реки, а поперек, не между людьми, у которых однородные интересы, а между людьми, у которых разные интересы.

А мы сейчас живем в стране, где все мосты строятся вдоль реки, а не поперек. Единственный мост поперек реки — это охраняемый мост в Кремле, который связывает между собой разные общественные группы. В таких условиях мы вряд ли можем иметь на сегодняшний день серьезные комплексные гражданские действия.

На мой взгляд, началось преодоление идеологемы: «мы с этим на одном поле не сядем». Потому что диалог на одном поле не требует взаимного согласия, не требует ни в коей мере взаимной любви и дружбы, а только готовности разговаривать друг с другом.

Препятствие номер три — это действия власти. В тех непростых условиях, которые мы сейчас проходим (а я полагаю, что они сейчас тяжелее для гражданского общества, чем 90-е годы) очень важно — создает ли власть условия для преодоления этих двух первых препятствий: взаимного недоверия и нестыкованности различных групп.

На мой взгляд, власть этого не делает. В некоммерческом законодательстве необходимы изменения. Оно старое — 1995 г. в своей основе. Оно не способствует достаточно легкой, по-

движной и широкой самоорганизации. Но изменения-то идут в противоположном направлении!

Можно долго рассказывать о том, какие издержки создал бессмысленный и беспощадный закон, принятый в конце 2005 года. Но мне, скорее, важно зафиксировать парадоксальную связь: у нас это не единственный закон, который принимается без расчета, какое бремя он накладывает на тех, кто живет в стране, и может ли он работать или не может.

Парадокс состоит в том, что работающие институты гражданского общества позволяют не принимать таких законов, позволяют фильтровать их. В данном случае, этот закон направлен против институтов, работа которых связана с оптимизацией других законов.

Тем не менее, это достаточно давнее историческое явление — гражданское общество в России, поэтому я хочу закончить историческим анекдотом. Николаю I начальник Третьего отделения приносил утром на утверждение судебные приговоры по противогосударственным делам. Император читает: «Кучер Ермолай зашел в кабак, где висел портрет государя. Несмотря на замечание урядника: «Сними шапку перед портретом государя», кучер сказал: «Плевал я на твоего государя». Приговор: пять лет каторжных работ».

Николай пишет резолюцию: «1. Каторжные работы отменить. 2. Портреты государя в кабаках более не вывешивать. 3. Передать кучеру Ермолаю, что царь на него плевал тоже».

На мой взгляд, из этих трех пунктов следует — что нужно было бы делать. Я полагаю, что власть должна «отменить каторжные работы» нынешней отчетности и контроля для гражданского общества. Я думаю, что власть должна перестать «вывешивать портреты государя», создавая липовые организации. Потому что, кажется, признано, что гражданское общество должно существовать.

Наконец, историческая традиция наплевательского отношения Николая к Ермолаю все-таки подлежит преодолению.

Массовое сознание относится к структурам гражданского общества весьма настороженно или противоречиво

Лев Гудков,
Левада-Центр

На вопрос — есть ли в России сегодня гражданское общество? — можно с равным успехом дать два взаимоисключающих ответа. Оно есть, и в доказательство приводятся соответствующие цифры о количестве разнообразных некоммерческих организаций — благотворительных, правозащитных, любительских (по интересам), информационных и проч. В отчете общественной палаты упоминается, что, в целом, насчитывается 360 тыс. организаций. Однако совершенно очевидно, что здесь соединено все: от ветеранских — до спортивных объединений, от профсоюзов — до школьных родительских комитетов. Оценки экспертов показывают более скромные, но и более реальные или адекватные нашей теме данные. Я думаю, что можно говорить о 20–40 тыс. функционирующих независимых неправительственных организациях. А это значит, что какой-то материал для размышления и статистического анализа их деятельности есть. Достаточно ли этого, чтобы говорить о наличии каких-то начатков гражданской солидарности, общественных движений? — Трудно сказать, если не принимать во внимание саму их роль, ту функцию, которую они играют в обществе.

Другими словами, проблема не в количестве организаций. Внушительный массив организаций, который Общественная палата представила в своем отчете, собирая все, что только можно, лишь бы они подпадали под определение: «объединения, образующие промежуточные звенья между властями, государством и населением» еще не нельзя называть в социологическом смысле «обществом».

Если посмотреть, из кого состоят эти 360 тыс. организаций, то половина из них окажутся — профсоюзами (причем в большой мере — это осколки прежних огосударственных профсоюзов, которые были не формой самоорганизации ра-

ботников, а «приводным ремнем» администрации, одним из бюрократических инструментов массового производственного управления). К ним следует прибавить также различные остатки старых, еще советских добровольно-принудительных организаций, типа ветеранских объединений, жилищно-строительных, гаражных или дачно-садовых кооперативов, религиозные объединения и т.п. Все они были слегка замаскированной формой распределения привилегий или допущенных сверху видов самодеятельности, разрешенных государством и прочее. Такие объединения лишь очень условно можно отнести к тем или иным видам самоорганизации, поскольку порядок их функционирования — устав, границы, цели, рамки, нормы — был задан властью, само их существование представляло собой государственно санкционированные или государственно инспирированные виды деятельности. Поэтому неслучайно, что (если посмотреть опять же на статистику) больше половины тех организаций, которые считаются «общественными», финансируется из бюджета. Кроме того, еще около четверти организаций, так или иначе, постоянно поддерживаются властями.

Новые образования — объединения самих граждан по своей собственной инициативе (автономные объединения по интересам, по убеждениям, на базе каких-то независимых от власти и государства ценностных оснований) составляют очень маленькую часть организаций из всего перечня, приводимого Общественной палатой. Они являются либо результатом адаптации к российским условиям практик общественных инициатив и объединений, характерных для западных демократий, и, соответственно, поддержанных западными благотворительными фондами, ставящих своей задачей помощь развитию гражданского общества в России, стимулирование частных инициатив, направленных на общее благо и интересы. Либо — что совсем редко — формами самоорганизации российского общества, каких-то локальных групп интересов и общественных движений. Поэтому разбираться с тем, что такое организации гражданского общества, нужно сегодня с большой осторожностью и со вниманием к функциональным особенностям разных объединений. Особенно, учитывая нынешнюю практику администрации президента по созданию

разнообразных имитаций и симулякров гражданского общества, во множестве производимых действующим режимом, в целях разложения, нейтрализации независимых общественных движений, подмены их ручными организациями, управляемой «демократией». А если это не удастся, то — дискредитации автономных образований, стравливания участников НКО между собой, разжигания между ними внутренних конфликтов, а затем их подавления или уничтожения.

В этом плане, правильнее будет сказать, что ситуация радикально изменилась с приходом Путина и его окружения, со сменой внутривластного курса, последовавшего после ухода Б. Ельцина. 1990 гг., при всей их противоречивости, были временем появления и развития автономных организаций, процессов самоорганизации общества, эффективной работы российских представительств западных фондов, сделавших очень много полезного для становления гражданского общества в России. Конечно, западные фонды не могли компенсировать пассивность, аморализм, приспособленчество российского общества, но они делали, что могли. И в эти годы власти (что очень существенно), по крайней мере, не препятствовали их деятельности и развитию гражданской солидарности.

Сегодня картина другая. Сегодня со стороны властей разного уровня идет мощное давление на независимые от государства (то есть от власти предрежущих) организации. Достаточно сказать, что бюджеты НПО за последние четыре-пять лет сократились в три раза, Независимые от государства источники поддержки автономных или благотворительных организаций иссякли, поскольку их спонсоры не в состоянии противостоять произволу властей, панически боящихся «оранжевой заразы». Многие зарубежные фонды просто сворачивают деятельность и уходят. Давление на структуры гражданского общества оказывается очень сильное: это и налоговый пресс, и бесконечные проверки, стремление к мелочной регламентации и контролю их работы, попытки спровоцировать конфликты внутри этих организаций и расколоть их.

С другой стороны, выстраиваются витринные, декоративные показушные формы самоорганизации общества. В директивном порядке при всех министерствах и ведомствах создаются общественные Советы, представительские комитеты

(представляющие то «общество», которое хочет видеть нынешняя власть), фонды во главе с Общественной палатой, которая, в принципе, должна, конечно, показать миру новое «лицо гражданского общества», не критикующее или контролирующее действия чиновников любого уровня, а льстящее власти или, по крайней мере, поддакивающее ей, хорошо управляемое и прочее. Все это заставляет относиться критически к любым официозным заявлениям или статистическим данным о функционировании организации гражданского общества.

Можно сказать, что пока мы имеем дело — в очень большой степени — с возникновением общественных организаций *при власти, инициированных властью и работающих на власть*. И в очень небольшой степени с очень небольшой частью объединений на принципах гражданской солидарности, гражданской инициативы, гражданского участия, социальной ответственности.

Массовое сознание относится к структурам гражданского общества весьма настороженно или противоречиво. И не только потому, что официальная пропаганда всячески старается дискредитировать неправительственные организации или, что чаще, просто лжет о том, чем они занимаются. Весь социально-политический опыт населения — и советский (приспособления к тоталитарному, репрессивному государству, выжимавшего из людей все, что можно для целей создания агрессивной супердержавы), и постсоветский — сводился к одному: приспособлению к бесконтрольной власти, пассивному выживанию, опоры только на тех, кому можно было доверять. Этот круг составляли лишь самые близкие люди — родственники, друзья, в меньшей степени — коллеги по работе. Люди не могли и сегодня не могут влиять на власть, от которой они ждут решения своих проблем, поскольку при советской системе, равно как и после краха коммунистической власти, никаких других источников обеспечения в сверхэтатизированном и подконтрольном социуме, просто не было. В этом причина сохраняющегося массового государственного патернализма.

Если люди не могут влиять на власть, то они не чувствуют никакой ответственности за ее действия, а значит — за происходящее в стране. Тем самым оказались подорванными сами основы гражданской, социальной солидарности. Сегодняшнее российское общество — это атомизированное множество людей, не до-

веряющих друг другу, с подозрением относящихся к идеалистической риторике политиков и правозащитников, к разговорам об общественном благе и желательности взаимной помощи и поддержке, общих интересах. Это не общество (если не брать моменты коллективной ненависти, волн страхов и ярости, связанных с внешними и внутренними угрозами), а множество разобщенных и цинично настроенных людей, принужденных следовать каким-то внешним, не ими установленным правилам.

Приведу некоторые данные наших общероссийских опросов (табл. 1-7). 90% знают о деятельности общественных организаций, многие даже одобряют их, но в целом, население не хочет принимать в их деятельности личного участия.

Таблица 1

Часто ли можно встретить сегодня готовность у людей объединяться для решения своих проблем или для решения общих, не касающихся их лично проблем?

Готовность объединиться для решения...	Очень часто + довольно часто	Редко + никогда	Затруднились ответить
...своих проблем	18	75	7
...общих проблем, не касающихся их лично	9	80	11

В % к числу опрошенных, октябрь 2006, число опрошенных (N=...) 3000

Таблица 2

В какой мере Вы можете повлиять на то, что происходит в...?

1. в полной мере + в большой степени;
2. незначительно + не могу влиять
3. затруднились ответить

	1	2	3
В семье	90	9	1
На работе	36	47	17
Доме, где Вы живете	32	64	4
Городе/Районе	8	86	5
Стране	3	90	7
Мире	3	90	7

В % к числу опрошенных, октябрь 2006, N=3000

Таблица 3

Ощущаете ли Вы ответственность за то, что происходит...?

1. в полной мере + в большой степени;
2. незначительно + не могу влиять
3. затруднились ответить

	1	2	3
в семье	94	5	1
На работе	45	37	18
Доме, где вы живете	40	55	5
Городе/районе	15	79	5
Стране	10	82	8
Мире	6	84	10

В % к числу опрошенных, октябрь 2006, N=3000

Таблица 4

**В какой мере вы могли бы полагаться
в трудных жизненных ситуациях на...**

1. в полной мере + в большой степени;
2. незначительно + не могу полагаться
3. Нет таких людей или организаций

	1	2	3
Родственники	83	14	2
Друзья, знакомые	64	31	3
Соседи	28	63	4
Коллеги	28	47	19
Начальство	11	53	24
Национальная община	3	18	65
Религиозная община	5	29	52
Люди, оказавшиеся в той же ситуации	14	37	23
Общественные организации	6	60	36
Государственные учреждения	6	67	27

Таблица 5

Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие государственных решений (участвуя в выборах, общественных акциях и демонстрациях, дискуссиях и т.п.)?

	В стране	В вашем городе, районе, регионе
Да	15	23
Нет	83	75
Затруднились ответить	2	2

В % к числу опрошенных, февраль 2006 г., N=1600

Таблица 6

С каким из суждений вы бы скорее согласились:

Год опроса	Число опрошенных	«Людям можно доверять»	«С людьми надо быть осторожным»
1991	4800	36	41
1995	2000	24	76
1998	1700	22	74
2005	1800	22	77
2006	3000	22	74

В % числу опрошенных, затруднившиеся с ответом не приводятся

Таким образом, об общественных организациях знают многие, но лично участвовать в их работе, либо оказывать им какую-то поддержку — скажем, денежную, посылкой одежды, какими-то еще натуральными вкладами, готовы от 0,3% до 0,5%, максимум до 1% опрошенных. Наибольшей известностью пользуются, во-первых, старые формы — ветеранские организации, спортивные, туристические и т.п., с одной стороны. А с другой — небольшое число новых, инициатива, деятельность которых очень высоко оценивается и поддерживается. Это, прежде всего Комитет солдатских матерей — безусловный авторитет в этом смысле. В меньшей степени известный, но столь же авторитетен — Мемориал, около четверти населения знают о нем, слышали о его работе. Общество потребителей знают, порядка 28%. Так что доверие к этим организациям достаточно высоко.

Основная масса людей, в общем, мало сталкивается в повседневной жизни с общественными организациями, а, следо-

Таблица 7

Какое влияние на развитие общества, на Ваш взгляд, оказывают власти и общественными организациями:

1. *Значительное;*
2. *Не существенное или никакого;*
3. *Только вред;*
4. *Ничего не знают об этом.*

	1	2	3	4
Федеральные власти	23	58	3	17
Местные и региональные власти	17	65	3	15
Правозащитные организации	8	58	1	32
Международные благотворительные фонды	8	51	1	40
Общественная Палата РФ	8	48	2	42
Общества инвалидов	7	65	1	27
Российские благотворительные фонды	7	58	1	35
Международные экологические организации	7	57	1	35
Политические партии и движения	6	62	10	22
Профсоюзы	6	61	2	22
Местные экологические организации	4	53	1	42
Религиозные организации и движения	5	48	6	41

(в % к числу опрошенных)

вательно, и не имеет к ним никакого отношения — во всяком случае, в массовых опросах никаких ценностных установок в этом плане мы не находим.

Сама идея гражданского общества мало понятна для посттоталитарного социума. Когда мы спрашиваем: что такое гражданское общество? Имеете ли вы какое-нибудь представление об этом? — три четверти говорят, что они не знают, что это такое. Некое смутное представление о гражданском обществе есть лишь у примерно, четверти населения. Массовая историческая память не дает в этом смысле никаких примеров.

Но мнения у людей, почему это так, есть. Так, на вопрос: *как вы считаете, сформировалось ли к настоящему времени в России гражданское общество, а если нет, то почему* — граждане дают вполне разумные и рациональные ответы (подобно

Шуре Балаганову из «Золотого теленка», ориентируясь на интонацию вопроса). Наиболее частые ответы сводятся к тому, что условия жизни в России не предполагали и не допускают свободы людей (42% ответов). Это означает, что люди и сегодня чувствуют себя несвободными, зависимыми от государства. А раз так — то откуда взяться солидарности?

Второй по частоте ответ (почти столько же — 39%): люди в России не готовы к инициативной самостоятельной деятельности. Они не осознают свои интересы и не готовы отстаивать их.

Третий по частоте ответ (35%): люди опасаются, что нынешние игры в демократию долго не продлятся, и власть рано или поздно начнет сводить счета с инициативными.

Четвертый по распространенности ответ (34%) — власть препятствует появлению по-настоящему не зависимых от нее объединений граждан, потому что ... не желает оказаться под контролем общества.

Наконец, более четверти — 27% — респондентов отвечали: люди не понимают пользы, которую могли бы принести им такие объединения.

Иначе говоря, 65%, то есть более 2/3 респондентов, не сталкиваются с работой НКО, и не имеют мнения, собственно-го отношения к деятельности этих организаций. В целом, это проявление очень важной особенности или черты нынешней постсоветской политической культуры, сложившейся, конечно, намного раньше. Этот тип отношения к происходящему характерен для различных авторитарных, не мобилизационных и переставших быть идеологическими режимов: его главная особенность — пассивная адаптация к репрессивному и коррумпированному государству, к административному произволу, бесконтрольной власти. Данный тип отношения можно описать так: отчуждение от любых других действующих лиц, если только это не «свои». Главный принцип можно выразить одним словом — «не высовывайся».

Приспособление к постоянному давлению государства, к постоянным предписаниям сверху, к привычной манере командовать людьми, указывая им, что они должны делать и хотеть, стремление властей контролировать людей во всем, порождает ответную реакцию — склонность обходить начальство, лукавить, обманывать его, минимизировать взаимодейст-

вие внутри принудительных коллективов, контактировать, но не вступать в солидарные отношения друг с другом.

Именно эта особенность — крайняя слабость или подавленность механизмов моральной, гражданской, социальной *солидарности* — сегодня основное препятствие для развития институтов гражданского общества. Население очень чувствительно к негативному отношению властей к автономным общественным формам, к враждебному отношению начальства к любым видам общественной независимости и самостоятельности. Оно готово поверить в то, что эти организации, фонды, союзы, благотворительные общества имитируют свою благотворительность, прикрывая тем самым свою «настоящую коммерческую деятельность», что они выступают агентами чужого влияния, США, Березовского и прочее, и прочее. И это довольно большая часть — примерно треть населения— людей, готовых принять подобную интерпретацию деятельности структур гражданского общества, тиражируемую подчиненными властям СМИ и органами государственной пропаганды. Другая же часть либо пассивно отбивается от этого, как от всякой слишком назойливой пропаганды, либо не склонно ей верить.

Общество — это другие

Борис Дубин,
Левада-Центр

То, что мы имеем сегодня в виде того, что называет себя или называется кем-то общественными организациями, организациями гражданского общества и т.д., как правило, лишь *обозначает* присутствие гражданского общества в российской среде. Некто ставит такие обозначения в расчете на кого-то. То есть власть строит под себя целый ряд организаций, которые для тех или иных целей (можно обсуждать, что это за цели и с каким успехом это делается) можно использовать, говоря языком театральных декораторов, как *выгородку* под названием гражданское общество.

Каково участие самих россиян в этом? Российский человек (причем это связано не только более взрослая и пожилая часть российского населения, но и более молодые слои россиян) продолжает оставаться человеком государственным. Он себя так или иначе без государства не мыслит.

Поэтому среди так называемых общественных организаций или независимых организаций он для себя выделяет именно те, которые напоминают ему известные ему государственные организации. Прежде всего это организации попечительского типа. В какую роль себя при этом ставит российский человек? Он ставит себя в роль человека стигматизированного, чего-то лишённого и надеющегося на то, что государство или какая-то другая организация, которая напоминает государство, ему поможет.

Именно поэтому наиболее известны и пользуются наибольшим доверием такие организации, как профсоюзы, объединения инвалидов, садово-дачные товарищества, то есть все то, что напоминает россиянину, особенно более старшему, об опыте другого, государственного, в этом смысле более определённого (как он сегодня считает), более стабильного, более надежного существования.

В этой связи важно, что сами россияне на 60, на 80, на 90% (все зависит от того, какого типа вопросы мы задаем) не считают себя принадлежащими к обществу. Общество — это другие. Перефразируя известную фразу Сартра «Ад — это другие», можно сказать: у нас общество — это другие. Это «кто-то» занимается чьими-то делами в «Мемориале». Это кто-то там занят в Обществе защиты прав потребителя. Кто-то — в Комитете солдатских матерей, но не я, только не я.

Разрозненные «я» осознают себя как «мы» только в отношении государства, а не в отношении других людей и форм их объединений.

Очень часто (и в этом, кстати, отчасти сказывается и официальный запрос, и официальная трактовка того, что такое гражданское общество) за гражданское общество принимаются любые социальные сети, включая сети взаимоподдержки и взаимопомощи среди родственников и соседей. Но это не гражданское общество.

Формы гражданского общества объединяют разных людей. Именно для разных людей создаются такие социальные формы, которые будут существовать и вне этих конкретных людей, которые сейчас создали эту форму. Социальные формы, институты, движения создаются *над* конкретными людьми, которые сейчас их организовали, и способны воспроизводиться, несмотря на смену этих людей. Напротив, сети взаимопомощи — соседские и родственные — связаны с конкретными людьми и распадаются, как только распадается то, на чем эта сеть держалась: умирает кто-то из родственников, кто был как бы центром этой паутины, и т.д. и т.д.

Хочешь — не хочешь, а такого рода объединения, которые можно уже называть общественными организациями или, по крайней мере, зародышами общественных организаций, зародышами общественных движений, в последнее время, по моей экспертной оценке, стали проявляться более активно. Иначе говоря, вынужденным образом отвечая на давление власти, в том числе мягкое давление (просачивание, проникновение внутрь), отдельные инициативные группы, более сообразительных из числа наших соотечественников, не потерявших навыков активности, инициативы, дальновидности, начинают самоорганизовываться.

Мы располагаем пока очень небольшим материалом, подтверждающим эту тенденцию. Она еще слабо проступает на тех больших, массивных данных, которые мы собираем нашими полевыми опросами. Но в отдельных сферах, о которых я знаю, в частности в том, что касается правозащитной деятельности, в том, что касается литературных, художественных организаций, клубов и т.д. и т.д., в последние несколько лет именно в ответ на мягкое и жесткое давление со стороны официальной власти люди начинают самоорганизовываться.

Какова перспектива этого — удастся ли выдержать напор извне, удастся ли перешагнуть за наличный состав тех людей, которые создали здесь и сейчас это объединение во многом под себя, как оно всегда и бывает? Так или иначе, задача в том, чтобы дальше удерживать эту форму за пределами и уже вне усилий тех конкретных людей, которые ее создали, и их конкретных видов, которые, может быть, исполнились, а может быть, и нет в этой форме.

Иначе говоря, о каком-то будущем этих организаций можно говорить. Но хочешь — не хочешь, контекст, рамку задает сегодня противостояние, с одной стороны, государственной власти, с другой стороны, пассивной адаптирующейся массы. Между ними пока еще почти ничего нет.

Возникают инициативные группы людей, которые пытаются самоорганизоваться

Карин Клеман

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что в последнее время — и это мой основной тезис — возникают инициативные группы людей, которые пытаются самоорганизоваться. Я попытаюсь показать, насколько это перспективно с точки зрения «гражданского общества», и какое это имеет значение.

Я работаю, в основном, на основании качественных методов и смею утверждать, что массовые социологические опросы не могут, на мой взгляд, охватить это явление — появление новых инициативных групп, зародыша настоящего гражданского общества. Потому что пока это очень небольшая часть населения, и микросоциологические ситуации. Такими массовыми опросами нельзя этого даже пощупать.

Мы проводим анализ на основе ежедневного мониторинга коллективных действий по всей стране, и включенного наблюдения различных общественных мероприятий, которое мы проводим уже два года, а также глубинных интервью с активистами разных уровней и направлений деятельности.

Исследование новых социальных движений началось в мае 2004 года, поэтому мы уже в состоянии оценить некоторые тенденции. Действительно, с момента первых массовых выступлений против монетизации возрождается то, что можно называть социальным движением.

Пока трудно судить, насколько в России можно говорить о *социальных движениях* в строгом научном смысле этого сло-

ва, но можно «мягко» использовать этот термин. В таком понимании, *социальное движение — это форма неформального, неинституционального объединения людей, граждан, действующих солидарно для достижения каких-то определенных целей, связанных с социальными изменениями в обществе.*

Основной тезис заключается в том, что гражданское общество, которое состоит в первую очередь, из этих социальных движений, протестных движений, формируется сейчас снизу вне институциональных рамок и в основном, через протестные действия.

Сразу уточняю, что, говоря о протестных действиях, я не призываю к «кровавой революции». Я специально это отмечаю, потому что в России — даже в научном сообществе — социальный протест слишком часто ассоциируется с кровью и насилием. На самом деле, протестное движение — это совершенно нормальное, обычное выражение, это достойный объект науки. И все больше и больше социологических исследований посвящено именно этой теме, этой проблеме — развитию социальных и протестных движений, особенно на Западе. К сожалению, в России это направление исследований пока почти не развивается

Начнем с лета 2004 года, когда обсуждался законопроект о так называемой монетизации льгот. Уже тогда были созданы различные коалиции общественных организаций — черныбыльских, профсоюзных, правозащитных, организаций инвалидов, Мемориал. Они выступали вместе против законопроекта и организовали митинги — достаточно крупные для таких организаций — с требованием внесения поправок. Например, в митинге в Москве летом 2004 года участвовали около 4 тыс. человек.

Январь-февраль 2005 года — уже массовые выступления, отчасти спонтанные. По крайней мере, люди спонтанно начали выступать, пенсионеры в первую очередь. Потом подключились другие категории населения. В целом считается, что за месяц приняли участие в этих выступлениях 500 тыс. людей. Конечно, если сравнить эту цифру с населением в целом в России — капля в море. Но, тем не менее, уже можно, несомненно, говорить о крупномасштабных выступлениях.

Следующий пример — это движение, которое появилось на волне протеста против монетизации и до сих пор продолжает существовать. Это сетевая структура, объединяющая комитеты протестных действий разных городов страны. Тогда, во время «антимонетизационных акций», во многих городах были созданы координационные советы гражданских или протестных действий. И самое главное с точки зрения формирования движенческих установок — то, что эти региональные структуры до сих пор действуют, более того, многие из них вошли в межрегиональную сеть. Один из примеров такой сети — СКС (Союз Координационных Советов России).

Еще один пример — жилищное движение. Это движение, которое развивается наиболее интенсивно с конца 2005 года. Люди выступают по разным проблемам: и против повышения тарифов, и против сноса, и против выселения. Почти каждый день в том или ином городе России сейчас проходят акции, проводимые инициативными группами против того или иного аспекта жилищной политики.

Следующий пример — движение жителей общежитий. Это одно из наиболее структурированных движений на сегодняшний день. Появившись в середине 2005 г., оно существует до сих пор.

Движение «обманутых соинвесторов» — наверное, самое известное. Поскольку по каким-то причинам (может быть, потому что проблема касается среднего класса) о нем говорят в СМИ. Движение началось с конца 2005 года и существует до сих пор, набирает силы.

Еще пример: активизация молодежных организаций. Надо учесть, что они все теснее сотрудничают с инициативными группами, которые возникают спонтанно. Происходит сближение с рядовыми гражданскими инициативами. Можно отметить тенденцию, одновременно, и радикализации молодежных организаций, и их сближения с инициативными группами других общественных движений.

Достаточно новое явление — трудовые конфликты. Я бы сказала, что мы наблюдаем сейчас возрождение традиции трудовых конфликтов. Самый известный эпизод — это забастовка на «Форде», но есть и протестные выступления нефтяников Тюменской области, и пикеты солидарности с рабочими, с

профсоюзом «АвтоВАЗа» (г. Тольятти) и т.д. Эти события происходят именно сейчас.

Стоит еще подчеркнуть, что все еще продолжают акции протеста против последствий монетизации. Пример — Астрахань, когда зимой 2006 г. несколько тысяч людей митинговали против решений местного парламента за восстановление льготного проезда. Или в Новосибирске — против повышения тарифов на телефонную связь. Есть пример Ижевска, где координационный совет гражданских действий регулярно организует массовые акции (несколько тысяч участников) в защиту социальных прав, Барнаула, где в митинге участвовали около пяти тысяч людей, выступающих против отмены социального проездного билета.

Деятельность этих сетей и движений не сводится только к протесту, есть и конструктивные моменты самоорганизации: форумы и конференции, где люди собираются, чтобы обсудить общие проблемы и формы и способы взаимодействия.

Подведу итог: на мой взгляд, именно в рамках этих социальных инициатив, новых гражданских структур происходит изменение политической культуры, возникают новые нормы, новые ценности, возникает и развивается солидарность на деле.

Как можно было понять из выше описанных фактов, инициативные группы постепенно устанавливают контакты между собой, расширяют круг своих целей и союзников. Многие из них уже не ограничиваются какой-то одной частной проблемой, которая привела к возникновению инициативной группы: как защитить свой двор, как получить лекарство и т.п. Но по мере расширения опыта совместных действий расширяется и круг тем.

Не всегда, но очень часто, создаются сети взаимодействий. То есть происходит процесс становления солидарных отношений между людьми, и уровень доверия в новой активистской среде, как свидетельствуют результаты количественного исследования, намного выше, чем, в среднем, у населения.

В установлении солидарных отношений большую роль играет лидер. Лидер — это отнюдь не всемогущий человек или вождь. Лидер — это тот человек, который инициирует коллективные действия, берет не себя ответственность, благодаря

которому во многом возникает чувство своих *полномочий*. Понятие полномочия — очень важно для анализа социальных движений. Это то, что наращивается способом участия в совместных действиях. И постепенно у людей, которые раньше не понимали, что они могут быть гражданами, возникает ощущение, что они что-то могут, на что-то влияют.

В активистской среде есть потенциал преобразования властных отношений снизу, поскольку инициативные группы существуют на добровольной основе, не имеют бюджета (большинство из этих групп, естественно, не получают гранты). Это люди, которые действуют по разным причинам и руководствуясь разными мотивами, отчасти связанными с защитой собственного интереса и права, но отчасти связанными с альтруистическими установками, с солидаристским стремлением.

Есть очень много разных причин вступления в активистскую среду, разные мотивации, но главное то, что в этой среде образуются новые социальные отношения, которые не являются патерналистскими, то есть не следуют традиционной советской модели социальных отношений. В то же время в активистской среде не формируется либеральная модель отношений, в соответствии с которой действует большинство некоммерческих организаций (НКО) — модель предоставления социальных услуг клиентам.

В заключение приведу цитату из интервью: «Нет, мы не помогаем людям. Мы вместе с ними будем действовать, только если они сами придут к выводу о том, что они должны себе самим помогать».

Хотелось бы обратить внимание на то, что в России существует огромный разрыв между НКО и гражданским обществом, которое представляют социальные движения — именно в этом смысле о гражданском обществе пишут теоретики социальных движений на Западе. Разрыв несколько сократился во время выступлений против монетизации, когда многие НКО, в том числе, например, Мемориал, Комитет солдатских матерей, участвовали в акциях протеста совместно с другими организациями и пенсионерами. Но, разрыв не был преодолен, и существует до сих пор.

Есть явное доказательство этому: когда НКО — сообщество бурно обсуждало законопроект о НКО и даже пыталось как-то выразить свой публичный протест, это не вызвало никакой реакции со стороны населения, даже среди самой активной его части. Не было никаких массовых выступлений. Населению, грубо говоря, было наплевать. И это при том, что незадолго прошли массовые выступления против монетизации. Очевидно, требуется пересмотр алгоритма действий большинства российских НКО.

Результатом становления и критерием развития гражданского общества является гражданин

Сергей Патрушев

Институт социологии РАН

Хотел бы обратить внимание на две модели гражданского общества, которые созданы государством в России. Одна модель — это стадион в Питере летом 2006 года, куда очень трудно было попасть. Потому что снимали некоторых потенциальных участников мероприятия — Социального форума — с поездов, где-то в Чите, достаточно далеко от Питера. А когда они попали на этот стадион, их окружили плотной стеной, не давая выйти.

Вторая модель гражданского общества, которую сейчас всячески пропагандируют, — это Общественная палата Российской Федерации. Когда обсуждался законопроект, я предлагал назвать ее Общественной палатой при Президенте Российской Федерации. Это было бы более точно. Первым пунктом в законе среди ее задач записано, как известно, привлечение граждан к реализации государственной политики.

Очевидно, что это разные модели.

Хотел бы также вернуться к вопросу об истории российского гражданского общества. Очевидно, что, как и в случае

западного гражданского общества, об этой истории нельзя говорить ранее, чем в общественном дискурсе возникают понятия «права», «правовое государство», «правовой статус индивида». До тех пор, пока не сформировалось понятие политического процесса и т.п. Реальное гражданское общество в России могло появиться только тогда, когда возникли некоторые конституционные гарантии, которые касались не только отдельных людей, не только отдельных сословий, но приобрели более-менее массовый характер. Когда это произошло? Это историкам виднее. На эту тему много уже написано. Но вряд ли ранее начала прошлого века.

В этой связи еще одно замечание. Проблематика гражданского общества обсуждается в России, по меньшей мере, с конца 1980-х годов — с тех пор, когда мы начали изучать неформальные движения. Не только участвовать в них, но и изучать их, публиковать статьи о них

Когда мы впервые столкнулись с западными коллегами по этому сюжету, они были удивлены. Они не могли понять, из какого, по их мнению, затхлого угла мы вытащили это понятие гражданское общество, которое уже устарело. Мы не сразу смогли объяснить подобную реакцию. Потом догадались: они просто живут в условиях гражданского общества. А для нас тогда это было чем-то новым. Вскоре, правда, обнаружилось, что и западные коллеги вновь заинтересовались этой проблематикой, тема снова актуализировалась. За последние два десятилетия появилось огромное количество работ, посвященных проблемам гражданского общества, идет напряженная дискуссия.

Замечу, что гражданское общество понимается как ассоциативное общество, т.е. общество, являющееся результатом некой самоорганизации, создания неких ассоциативных структур. А это общество как таковое без прилагательного «гражданское». Далее, гражданское общество понимается как публичное пространство — где возможно формирование политической повестки, политическое участие и т.д. Наконец, гражданское общество в последнее время часто определяется как «хорошее общество». Надо иметь некий общественный идеал. Вот и говорят, что гражданское общество — то самое хорошее общество, в котором приятно жить. На эту тему тоже есть достаточно много исследований.

Подчеркну только одну мысль: если нет индивида, который исполняет публичную и обеспеченную правовой санкцией конституционного государства роль гражданина, то говорить о гражданском обществе не приходится. Таким образом, результатом становления и критерием развития гражданского общества является просто-напросто гражданин. То есть переход из состояния массы, которая адаптировалась, не зная, что ей дальше делать, к состоянию, когда человек понимает объем тех прав и свобод, которыми он располагает по Конституции. Но это первичный слой. Его можно в школе освоить, выучить.

Сложнее второе — умение, обладание компетенциями для того, чтобы эти права реализовывать. И здесь существенный вопрос, как это происходит в тех новых общественных движениях.

В докладе Общественной палаты о состоянии гражданского общества есть интересный момент. Его авторы специально оговаривают, что в докладе не будут рассматриваться политическая и экономическая активность. А как трактуется политическая активность? Только как завоевание и удержание власти. Это слишком узкое понимание. Все-таки политика есть способ постановки и решения важных общественных проблем, прежде всего. Именно поэтому и только тогда мы можем говорить о том, что гражданское общество есть, по существу, демократическое общество. Это тоже к вопросу о критериях.

Приходится подчеркнуть, что дискуссии по поводу гражданского общества в России происходят сегодня в специфической ситуации.

Во-первых, как уже говорилось, создана Общественная палата, призванная, по мнению законодателей, учитывать, выражать и защищать «интересы всех самоорганизующихся гражданских структур». Отсюда неслучайно появление странных суждений о том, что, наконец-то, возник главный институт гражданского общества, после чего дело, наконец, уже пойдет. Конечно, это открытие, что в гражданском обществе существует иерархия институтов: главных, не главных и прочих.

Во-вторых, права человека и гражданина продолжают оставаться на периферии массового сознания и общественных практик. Это подтверждают многие социологические обследования. И уж точно — на периферии практической деятель-

ности власти. Нет, она в принципе знает, какие у нее есть права, но что касается прав граждан, об этом много слов и слишком мало дел.

В-третьих, чрезвычайно важное обстоятельство связано с продолжающимся размытием фундамента, глубочайшего основания любой социальности — нормативно-ценностного комплекса социального доверия.

Хотел бы напомнить, что в 1989 году, по данным тогдашнего ВЦИОМа еще Заславской и Левады, уровень социального доверия в Советском Союзе был 54 процента. Потом он рухнул до 25 процентов в 90-м году, слегка поднялся (до 38 процентов) в 91-м и начал монотонно снижаться. С 1995 года выше 24 процентов он, в общем-то, не поднимался. По последним данным, на исходе минувшего года уровень социального доверия составлял 22 процента.

В исследованиях, которые мы проводили в середине прошлого десятилетия, было показано, что *тенденции социальной дезинтеграции* или, точнее, проблема социальной неинтеграции возникают при уровне доверия, не превышающем 30 процентов. Если мы имеем более низкий уровень, то для предотвращения *социальной атомизации* необходимы какие-то особые способы. Эти особые способы были найдены российским социумом. Они были созданы двумя путями.

Первый путь — фрагментация. *Российский социум* — социум *фрагментированный*, в рамках которого оказалось возможным осуществление некоторых социально устойчивых взаимодействий. Частично это сети, частично другие формы, относительно устойчивые, где уровень доверия выше. Но это доверие так называемое «специфическое». Оно не распространяется за пределы этих в принципе локальных общностей.

Второй способ был найден в конце 90-х г.г. со сменой политического режима или с укреплением предыдущего режима. Я имею в виду вертикализацию власти (точнее, ее централизацию и концентрацию), которая призвана «стянуть» фрагменты, компенсировать дефицит самоорганизации. В итоге можно говорить о том, что российскому социуму все еще не удалось преодолеть социокультурный и политико-институциональный барьер, отделяющий его от современной социальности, современного общества, т.е. перейти к интеграции не

только общих, но и общественных интересов, вступить в период самоорганизующегося социального воспроизводства на правовых основаниях.

Следствием и свидетельством этого является также фантастическое *недоверие практически ко всем социальным и политическим институтам*, которые существуют в России, за исключением института президента, т.е. Путина. Это хорошо известно. Для сравнения: лидером доверия среди общественных институтов США в 2005 г. являлась полиция (6,2 балла по 10-бальной шкале, где 10 — «полностью доверяют»). В России милиция, по нашему опросу осенью 2006 года, получила 2,4 балла по той же шкале (кстати, такое же доверие к государственному аппарату). Впрочем, есть хорошая весть: достаточно приличный уровень доверия российские респонденты выказывают к судебным институтам, правда, не российским (отечественная судебная система получила 3,2 балла), а зарубежным (Европейский суд по правам человека получил 5,7 балла).

Недоверие к институтам результируется в недоверии к российскому государству: ему склонен доверять только каждый десятый респондент.

Мы получили эти данные при обследовании участников новых социальных движений: через одну из сетей общественных инициатив, которые сейчас формируется в России, была опрошена выборка из 800 респондентов, сформированная методом «снежного кома».

Большинство наших респондентов полагает, что влияние граждан на принятие политических решений падает. Причем наиболее пессимистическую точку зрения по этому поводу высказывают наиболее компетентные респонденты, а именно руководители общественных структур.

Характерно, что эта оценка сопряжена с констатацией того, что власть в России усилилась. Получается, что чем сильнее становится власть, тем меньше граждане на нее влияют.

Далее, как следует из наших данных, одним из изменений, связанных с деятельностью общественных организаций, является накопление социального капитала, понимаемого как социальное доверие (среди активистов общественных организаций оно достигает 37% выше, чем в социуме) и взаимодействие.

Проблема состоит в том, что накопление социального капитала в рамках общественных структур не трансформируется в рост социального капитала всего социума. Одной из причин является недостаточность усилий общественных структур по привлечению граждан к общественной деятельности, или — самодостаточность таких структур. Они нередко оценивают эффективность своей деятельности не по уровню гражданской включенности или успешности решения проблем, а по количеству принятых с их личным участием или вследствие проявления их инициативы постановлений, указов, законов. Другая, пожалуй, более важная причина — оценка влияния граждан, общественности на процесс принятия решений. Российская власть «не допускает влияния общественности на принятие политических решений» так считает каждый пятый респондент, наблюдающий общественную активность со стороны, и каждый второй, непосредственно участвующий в работе общественных объединений в качестве руководителя или сотрудника.

Во-вторых, наши данные показывают, что процесс становления общественных структур и новых общественных практик связан с трансформацией социальных акторов, изменением их социокультурного типа, формированием иной нормативно-ценностной конфигурации микросреды.

Эта ситуация большей частью одинаково истолковывается ими: институциональные формы деятельности, политические переговоры, участие в выборах и суд (как, впрочем, и разного рода тайные сговоры) не имеют сегодня, по мнению респондентов всех групп, больших шансов на успех. Отсюда — скептическое отношение к неэффективной, по мнению респондентов, общественной активности.

Наши респонденты вполне обоснованно полагают, что демократическое правление в равной мере предполагает как политическое представительство, так и возможность граждан участвовать в принятии политических решений, и только после выполнения этих двух условий можно рассматривать демократическую власть как результат партийной борьбы, победы на выборах или обсуждать проблему профессиональной реализации властных полномочий. Представления респондентов о демократии суммируются в низкой удовлетворенности ее состоянием в России: оценка 2–3 балла по 10-балльной шкале.

Общественные организации и движения, возникающие как самоорганизующиеся свободные ассоциации, могут быть и при определенных обстоятельствах являются носителями социального проекта, который в той или иной степени реализуется в их практиках. Иными словами, общественная организация конституируется как «другая социальная реальность» на основаниях, которые представляются желаемыми и для «первой реальности».

Современное политическое развитие России нуждается в демократизации существующей институциональной среды. Коллизии российского реформаторства, мировой опыт показывают, что решить эту задачу способны, в частности, социальные движения.

Развертывание новых социальных движений может иметь далеко идущие последствия в плане социетальных и политико-институциональных перемен, в том числе перспектив формирования гражданского общества в России.

Является ли нынешний русский национализм формой гражданского общества?

Эмиль Паин

д.полит. наук, Институт социологии РАН

Говоря о процессах самоорганизации населения, нельзя не затронуть *вопрос о националистических движениях*, которым нельзя отказать в самоорганизации — это свойство заметно отличает их от таких организованных сверху квазигражданских институтов как Общественная палата или движения «Наши», «Молодая гвардия» и др.

Так не является ли русский национализм, и националистические организации в России, своеобразной формой развития гражданского общества? Если же сегодня не является, то не может ли так случиться, что при определенных условиях на основе националистических организаций выкристаллизуются институты настоящего полноценного гражданского общества?

У националистических движений помимо самоорганизации можно найти множество других внешних признаков, которые сближают их с институтами гражданского общества.

Во-первых, они, преимущественно руководствуются не корыстными соображениями как криминальные группы, а общественными интересами в том виде, в каком они их себе представляют. Разумеется, их трактовка общественных, национальных интересов заметно отличается от той, которая принята в демократических обществах. Скажем, для националистов идеальное российское общество — это расово однородное и этнически иерархизированное образование, во главе которого стоят представители «своего» этноса (в их терминологии — «нации»). Вместе с тем по сугубо формальным признакам они общественно ориентированы.

Во-вторых, националисты все больше тяготеют к публичной, демонстративной деятельности, к публичной политике;

В-третьих, они креативны, поскольку объединены не только негативной консолидацией по принципу «против», но и деятельностью направленной на развитие своих членов. Скажем, большинство группировок скинхедов занимаются физической культурой. Почти все отечественные «нации» заняты идеологическим воспитанием своих членов. Кого-то от такой идеологии может тошнить, но формально — это форма просвещения. Некоторые из этих группировок заняты деятельностью внешне похожей на правозащиту, хотя истинным правозащитникам может не нравиться то, что они защищают таких преступников как Буданов или Квачков

В-пятых, это самая массовая, самая активная и самая устойчивая часть нашей современной самоорганизации. Русские молодежные националистические организации, все в большей мере консолидируются в единую сеть. Даже по официальным данным только в молодежных организациях националистического толка, объединяемых идеей «Россия для русских», сегодня состоит около 50 тысяч чел. По данным же независимых экспертов, их численность примерно вдвое больше. Если к этой категории добавить людей, поддерживающих организации по идеологии близкие к русскому национализму, то мы увидим, что сегодня эту идеологию активно поддерживают уже сотни тысяч наших сограждан. С национализмом ны-

не может поспорить по популярности лишь традиционализм и патриотизм. Но если присмотреться к этим идеологемам, то окажется, что это три лика одного и того же явления — негативной консолидации. Традиционализм — это фобия к новому, особенно к тому, которое приходит извне. Патриотизм — не вообще, не теоретически, не тот каким он мог бы быть, а тот какой есть в наших конкретных условиях, это — фобия к внешнему врагу. Национализм же — это фобия к врагу внутреннему, прежде всего к другим этническим группам, особенно к иммигрантским. Так что эти идеологемы не конкуренты, они поддерживают и подпитывают друг друга.

Социолог Николай Попов недавно провел опрос, который показал, что почти половина его респондентов считают, что в России нет партии, которая удовлетворяет их интересы, а из тех, кто хотел бы создать новую партию, подавляющее большинство видят ее как партию националистического толка. Так что потенциал у этого направления огромный.

Является ли нынешний русский национализм формой гражданского общества? Попытка ответа на этот вопрос показывает, что большинство современных подходов к определению такого общества, основанных на применении сугубо формальных индикаторов (часть из них, такие как «самоорганизация», «публичность», «социальная ориентация» и другие, я использовал) не способны отличить даже фашистские группировки от подлинных институтов гражданского общества. На мой же взгляд, большинство группировок современного российского национализма, не говоря уже об откровенных нацистах — это вовсе не теневое гражданское общество, *это анти-теза гражданскому обществу*. Прежде всего, члены таких организаций исповедуют не гражданскую, а верноподданническую идеологию, а их главной целью является — построение государства, основанного на сегрегации этнической и социальной. Они стремятся к усилению авторитаризма и к созданию такого режима, который исключает саму возможность свободной самоорганизации граждан. В этом смысле они, безусловно, не являются частью гражданского общества.

А теперь я ставлю прямо противоположный вопрос: возможно ли в недалеком будущем превратить русский национализм в гражданское общество? Например, нельзя ли транс-

формировать этнический национализм в гражданский, переводя противопоставление — «мы» — «они» из этнической сферы (где «мы» — русские, «они» — чурки, черные, инородцы и т.п.) в социально-политическую? Такой национализм тоже использует ресурсы негативной консолидации, только здесь «мы» — это народ России, общество, а «они» — власть, узурпирующая наши права. Подобная трансформация наблюдалась в истории множества европейских стран, а сама технология трансформации дихотомии «мы — они» вообще универсальна. Проявлялась она и в России, вспомним знаменитый лозунг: «Превратим войну империалистическую в гражданскую». В сравнительно недавней истории России наблюдались удивительные трансформации. Скажем, в красной армии под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой тюрьму народов» воевали представители казачества, которые всего лишь несколькими годами раньше были оплотом трона, участвовали в этнических погромах и в репрессиях против тех, кто потом стал их командирами. То есть такого рода превращения, которые чкобы невозможны в России, в действительности, здесь уже были.

Что касается нашего времени и стихийной массы нынешних националистов, то нетрудно заметить следующее. Во-первых, идейный национализм, не говоря уже о фанатичном, характерен лишь для небольшой части (менее 10%) тех, кого чохом причисляют к русским националистам., Основная же масса людей разделяет лишь преходящие и неустойчивые ксенофобные настроения, а вовсе не идеологию национализма. Во-вторых, этнофобии зачастую являются лишь оболочкой протестных настроений и протестного поведения. В этнически однородных русских районах люди долго, могут мириться с произволом властей, и дикого, вороватого бизнеса, но стоит врагам принять облик этнически чужого («не наш начальник, не наш бизнесмен»), как мгновенно происходит консолидация людей, охваченных чувством протеста. Кондоподога это показала, да и многие другие районы это показывают. Если нет реального «этнически чужого», то его придумают. Конкретной личности придумают легендарную этническую биографию, как придумали ее Ельцину, а сейчас ее придумывают Путину.

Так вот если «отшелушить» социальные требования людей от грязи этнофобии, то под ними вскрывается вполне ра-

циональное недовольство реальными социально-политическими проблемами. Недовольство, связанное с произволом чиновничества, с преступностью, коррупцией, дороговизной, нерегулируемой миграцией и др. Это превращенная форма протестного поведения. Огромное количество социальных движений в истории развивалось под оболочкой этнических и религиозных войн.

Вопрос — так ли непреодолим барьер, отделяющий людей от понимания, что источником произвола выступают не «понаехавшие», а местные начальники, приватизирующие власть в своих корыстных интересах? Так ли невозможно это изменить?

На мой взгляд, сегодня такие превращения мало вероятны. Назову лишь несколько тому причин.

Прежде всего, единственная сила, которая могла бы быть заинтересована в таких изменениях — либералы и демократы — как огня, боятся самого слова «национализм», также как и «традиционализм», и «патриотизм». Да и националисты воспринимают либералов и демократов как своих основных врагов, поэтому политический союз между ними пока невозможен.

На использование энергии национализма претендуют и не без основания, совсем другие силы. Поразительно, парадоксально, удивительно то, что на русский национализм делают ставку сторонники имперских проектов. В теории национализм и имперский порядок — это противоположности. И казалось бы это положение справедливо для России. Лозунг «Россия для русских!» абсолютно противоположен традиционному имперскому лозунгу «Все народы — подданные одного государя». Рост этнической подозрительности плохо сочетается со стремлением удержания народов в едином государстве. Однако разработчики новых имперских проектов не ставят перед собой задачу обоснования возможностей сколько-нибудь устойчивого функционирования империй, их задача — всего лишь мобилизовать этническое большинство в нынешних конкретных условиях и, в этом разработчики проектов построения новой империи действительно могут опереться на русский национализм и его стремление к этническому доминированию. Оно сегодня характерно и для значительной части русского населения, поскольку имеет компенсаторный характер

и связано с недостатками участия во власти всего населения страны — не только меньшинств, но и представителей этнического большинства. *Когда народ лишают возможности чувствовать себя хозяином страны, он находит утешение в стремлении почувствовать себя хозяином, хотя бы по отношению к меньшинствам.* Именно на эту особенность массового сознания опираются все современные национал-экустремистские проекты возрождения имперского устройства России.

Российская власть, безусловно, сегодня дрейфует в сторону имперского национализма, однако в последнее время в рядах национал-имперской партии усиливаются позиции еще более радикального крыла, представителей которого не удовлетворяет нынешний режим, сохраняющий пусть и декоративные и сужающиеся, но все же элементы либерализма. К тому же новые имперские националисты считают нынешний режим неустойчивым. «Состояние максимальной неустойчивости постсоветского гибрида либерального и патерналистского типов государственности, отмечает М. Юрьев, — было достигнуто еще в период позднего Ельцина... наша нынешняя псевдомодель не нравится всем, может быть, не так сильно, но зато всем». Если М. Юрьев под «всеми» понимает всех своих единомышленников, то он прав — в этих рядах недовольство нынешним режимом действительно растет и становится массовым. Еще недавно национал-имперские активисты считали президента «своим парнем», «крутым державником», а сейчас подобные настроения угасают и вытесняются все более критической оценкой режима. Не редкостью становятся и националистические демонстрации под лозунгом: «Смерть системе». Представители крайнего крыла имперских националистов предлагают уже не косметический ремонт прежней империи, а конструирование новой — Третьей империи. Она третья по счету после царской и советской и в подражании Третьему рейху. Новая империя, в отличие от нынешнего осколка, должна, по мнению разработчиков этого проекта, *выдвинуть цель территориальной экспансии.* Для когорты новых имперских националистов имперский проект — это, прежде всего, инструмент мобилизации российского общества с помощью амбициозной идеи мирового господства. Отсюда вытекает постановка заведомо утопического проекта построения новой Рос-

сийской империи, значительно превосходящей по масштабам советскую — империи, простирающейся от Владивостока до Лиссабона. В последней и весьма популярной книге Юрьева Российская империя покоряет и Америку (!) Использование утопий как средства мобилизации давно известно и в этом Юрьев явно подражает отцам основателям третьей германской империи. Он и не скрывает своего восхищения перед политехнологическим талантом Гитлера, выдвинувшего мобилизующую идею «нового порядка» и расширения жизненного пространства нации.

Имперско-фашистские силы в нынешних условиях России не могут прийти к власти в результате демократических процедур, да они, и не заинтересованы в демократии. Мала вероятность их прорыва к власти в результате военного переворота, хотя такая возможность и обсуждается в их кругах. Зато вполне вероятно «тихое» и постепенное обновление власти и роста в ней удельного веса национал-имперских сил.

Я вовсе не считаю, что фашизация России является фатально неизбежной, но хочу лишь подчеркнуть, что нынешние тенденции в развитии русского национализма, подталкивают его скорее к фашизации к поддержке идеи установления тоталитарного режима, чем к гражданскому обществу.

И все же, силам, заинтересованным в ином направлении развития России, в ее демократизации, в развитии гражданского общества не стоит относиться к русскому национализму только как врагу и угрозе. Нельзя забывать о массе людей, для которых он является лишь формой выражения протеста в связи с реальными проблемами нашей общественной жизни. Нельзя мириться с тем, что эти массы при бездействии демократических сил могут дрейфовать в сторону объединения с идеологизированным и организованным национал-экстремизмом.

Я убежден: если новое будет приживаться в России, в том числе и *демократически новое*, то только в форме чего-то привычного, традиционного, укоренившегося. В этой связи, без освоения идеи патриотизма и, отчасти, ценностей культурного традиционализма, культурной специфичности России, сегодня монополизированных националистами — никакого демократического движения быть не может.

Национально-государственная идея, которая считается какой-то частью «ультра прогрессивных» демократов устаревшей, на самом деле будет доминирующей в мире в обозримой перспективе. Мир еще долго (а может быть и никогда) не будет жить «единым человеческим общежитием», ни форме мировой республики, ни в форме мировой империи. Это показал Европейский Союз, для большинства членов которого национально-государственная идентификация выше общеевропейской. Это, безусловно, доказывает Америка, для которой американская идентичность выше трансатлантической или западной, а уж про остальной мир и говорить нечего. Большинство стран этого остального мира, и Россия в том числе, лишь осваивают первые ступени национально-государственной идентичности. Следовательно, задачи формирования политических наций будут у нас чрезвычайно актуальны. При этом они не разрешимы без трансформации национализма этнического в национализм гражданский. Эту задачу можно отложить, но нельзя отменить.

Какая модель гражданского общества формируется в России?

Андрей Макарычев

*Нижегородский государственный лингвистический
университет*

Логика нашего обсуждения предполагает переход от социологического и исторического языков к языку политологическому. Еще одно обстоятельство, которое я хотел бы отметить, тоже связано с динамикой того обсуждения, которое происходит. Мне кажется, что мы совершенно естественным образом сдвинулись от обсуждения проблемы наличия или отсутствия гражданского общества к проблеме, которая состоит в том, какая модель гражданского общества формируется в России. И вот как раз именно под этим ракурсом я бы и хотел рассмотреть проблему в своем выступлении, где будет

очень небольшой привкус теоретических вопросов. Мы посмотрим на современные российские дискуссии с точки зрения состояния мировой политической мысли.

Мой основной тезис состоит в том, что в России наблюдается сосуществование и переплетение двух различных концептуальных подходов, двух различных моделей того, что представляет собой гражданское общество. Первая модель условно может быть названа государственно-центричной, потому что она фактически трактует гражданское общество как некую сферу общественных отношений, так или иначе, прямо или косвенно патронируемых государством. Второй подход имеет совершенно другую семантику, связанную с глобализацией, интернационализацией, транснационализацией и пр. Вот об этом я бы и хотел в течение нескольких минут сказать.

Первый подход, фактически, базируется на мысли о том, что в основе всех социальных отношений лежат интересы политические. Ссылка на политизацию в данном случае, которая прозвучала у предыдущего выступающего, вполне характерна. Я хотел бы обратить внимание на то, что эта совокупность идей очень хорошо представлена в рамках левой европейской мысли. Это неомарксисты и т.н. новые левые. Именно в рамках этого теоретического сегмента эти идеи обсуждались наиболее активно. Здесь можно привести несколько наиболее ярких фамилий, начиная с Мишеля Фуко и заканчивая более современными авторитетами на этом поле типа Алена Бадью, Эрнеста Лаклау и т.д. Если возвращаться к Фуко, то он оставил нам очень интригующую фразу о том, что противопоставление государства и гражданского общества непродуктивно — ни теоретически, ни практически. Что имелось в виду? Мне кажется, что эту фразу можно трактовать двояко. Во-первых, и государство, и гражданское общество представляют собой две разные модели организации власти. И то, и другое представляет собой властные отношения. Это первая трактовка, которая возможна и которая теоретически, на самом деле, хорошо прочитывается. Но интереснее вторая интерпретация, согласно которой формирование гражданского общества требует некоего первоначального жеста или акта со стороны власти. Первоначальный политический импульс, первоначальный толчок идёт сверху, социальная структура формируется властью.

Таким образом, гражданское общество, исходя из этой трактовки, есть политический конструкт. Оно возникает не само по себе, как трава растет, а оно учреждается, патронируется, цементируется, конструируется, структурируется и т.д. В этом смысле можно сказать, что социальные отношения — это частный случай отношений политических. Здесь я задаю вопрос: не та ли самая логика прослеживается в действиях нынешнего президента России, суть которой состоит в том, что государственный патронаж необходим для сферы, лежащей вне государственных отношений? Здесь упоминалась Общественная палата в качестве вполне определенного примера. При наличии времени можно было бы провести логическую связь между этими рассуждениями и концепцией суверенной демократии.

Есть и вторая точка зрения или вторая концептуальная модель, под знаком которой прошли 90-е годы. Ее суть состоит в том, что гражданское общество как бы автоматически тяготеет к международной среде, мировому сообществу, оно неизбежно глобализируется и на определенном этапе перестает быть внутренним феноменом. Оно ищет себя вовне и соответственно испытывает влияние со стороны внешних структур.

В различного рода теориях есть такое понятие, как *spill-over*, или эффект распространения, расплескивания, перемещения определённых практик за границы своего политического сообщества, включая умение мыслить себя в более широком контексте. И здесь, если говорить о тех словах, которые уже для нашего лексикона вполне привычны, можно упомянуть и различного рода сетевые конструкции, такие концепты, как трансферт политических практик, которые передаются из одного политического пространства в другое и т.д.

Мне кажется, что эта модель, будучи либеральной в своей основе, основана на мысли, что внешнее влияние на те процессы, которые происходят внутри государства, не только желательны, оно необходимо. Я сам неоднократно участвовал, в том числе в качестве организатора, в различного рода проектах, связанных с анти-коррупционной направленностью. Могу сказать, что эта схема работает. Формируются зоны совместного пересечения между институтами международного сообщества и внутренними структурами, которые готовы эту политическую повестку дня, эту модель реализовывать. Отмечу,

что эта модель, на самом деле, весьма актуальна, несмотря на изменение политического режима в России. Могу сказать, что, допустим, есть такая глобальная схема действия, которая называется Инициатива по прозрачности в добывающей промышленности (EITI в английском варианте), суть которой состоит в том, что гражданское общество побуждается к тому, чтобы каким-то образом контролировать доходы от добычи, транспортировки и переработки энергетических ресурсов. Инициатива была задумана на уровне глобальных структур. Сейчас мы видим процесс ее реализации в таких странах, как Казахстан, Монголия, Азербайджан. В профессиональных кругах начинается обсуждение вопроса о том, применима ли для России подобного рода модель и не может ли Россия найти себя в ее рамках?

В заключение я бы поставил вопрос, что следует из сосуществования этих двух разных моделей, двух разных представлений о гражданском обществе — государство-центричной модели и той, которая ориентирована в сторону глобальных потоков, глобальных тенденций. Наверное, эти модели будут так или иначе уживаться друг с другом. Возможно, они как-то будут делить общее пространство. Вероятно, можно предположить, что в нынешнее десятилетие государство-центричная модель пока набирает некую динамику и пытается вытеснить другую модель. (Здесь я просто сошлюсь на характерное замечание Президента на Мюнхенской конференции по этому поводу, поскольку оно было адресовано некоммерческим организациям, связанным так или иначе с финансированием из-за рубежа.)

Более интересный вопрос состоит в том, дадут ли эти две модели пространство для возникновения *третьей альтернативы*, о которой многие здесь говорили. Альтернативы, связанной с самоорганизующимися ростками гражданского общества, которые не были бы патронируемы государством, но и одновременно не были бы и неким аксессуаром глобальных структур, институтов международного сообщества. Я подозреваю, что в ближайшие годы четкого ответа на этот вопрос не будет. Но сам факт, что многие выступающие возвращались именно к этой третьей альтернативной модели самоорганизующегося гражданского общества, мне кажется, очень характерен.

Гражданское общество возникает, когда люди начинают понимать границы своей несвободы

Александр Шубин

Институт всеобщей истории РАН

Хотелось бы прежде всего определиться с дефинициями. Мы, историки понимаем гражданское общество по-разному, что уж говорить о публицистах, политологах и т.п. Я буду понимать под гражданским обществом не какое-то «хорошее общество», а гораздо более конкретное явление. Это горизонтальное (основанное на равноправных связях) поле креативных, социально-активных общественных (не государственных и не коммерческих) организаций. Социальная креативность — это и есть суть гражданского общества.

Кондопога стала проявлением активности не гражданского общества, и не потому что там люди руководствовались какими-то державными принципами. В гражданском обществе таких людей очень много. В кондопожском бунте не было постоянной креативной работы. Может быть, там теперь возникнет сеть, но в бунте она не проявилась.

В гражданском обществе вы найдете очень разных людей, в том числе и националистов. Здесь недопустим никакой маккартизм, разделение на чистых и нечистых по идейному принципу. В гражданском обществе действуют и люди, которые придерживаются авторитарных идей. Но ведь и среди демократов встречаются сторонники Пиночета. Что же их исключать? В гражданское общество люди приходят не за идеологической чистотой демократии. Они начинают собираться прежде всего вокруг дела. Так развивалось и неформальное движение 80-х гг.

У нас это движение стало выходить в легальную политическую плоскость после 1986 г. Нельзя сказать, что СССР представлял собой какой-то ледяной монолит до 1986 года, и вот появился Михаил Сергеевич, сделал магические пассы, и всё сразу задвигалось, растеклось и растаяло. Такая картина неверна, прежде всего, потому, что советское общество было

очень живым обществом. Внутри него было много разных течений и движений — и неформальных, но там не было одного — там не было поля. То есть кэспешники знали о доповцах, но не очень дружили с ними. Доповцы знали о диссидентах, но шарахались от них. Единого поля не было, не было этой системы связей, которую обеспечивает определенная политическая надстройка. Под политикой я, конечно, понимаю общественно значимое целедостижение, а не борьбу за власть. Борьба за власть — это, очевидно, только часть политики.

Таким образом, *возникновение поля гражданского общества связано с появлением именно политических неформалов*. Откуда они взялись и почему это стало возможным именно во время Перестройки? Очевидно, потому что было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования за вольномыслие. Вот, собственно, одно из важнейших достижений Михаила Сергеевича Горбачева. Это он сделал, а остальное инициировали уже мы, преодолевая сопротивление бюрократии.

Слово «гласность», насколько я понимаю, было задолго до Перестройки, а что касается реализации гласности, то тут самиздат поспорит, конечно, с официальной прессой. Свобода слова у нас возникла в 1990 г., когда самиздат просто начал уже тиражироваться на уровне официальных изданий. Это вечный спор неформалов и реформаторами, кто шел впереди.

Итак, наступил момент, когда неформалы просто сошлись, посмотрели друг на друга, познакомились, и эту дату мы можем прославить как день рождения гражданского общества в нашей стране. До этого момента были сектора, элементы, фрагменты гражданского общества где-то с 50-х годов (в 20-е гг. оно было выкорчевано). Общественные движения развивались подспудно. Но в августе 1987 г. состоялась «встреча-диалог». Очень странное названное, оно сложно согласовывалось партийными структурами, чтобы они разрешили дать помещение. Обратите внимание: для того, чтобы сойтись вместе легально, пред глазами прессы, нужно добиться некоего разрешения у властей. А власти, которые сами уже полуформалы (там были, между прочим, партийные функционеры, которые неформалам очень сочувствовали) говорят: ребята, вот это можно сказать, а вот это нельзя; нас уволят, пожалейте. Не-

формалы пришли и сказали всё, что хотели, и функционеров не уволили. Потом, правда, некоторых неформалов начали исключать из комсомола и институтов. Борьба продолжалась.

Считается, что гражданское общество возникает тогда, когда люди начинают понимать свои права и свободы. Я бы сказал с точностью до наоборот. Может быть, оно возникает тогда, когда люди начинают понимать границы своей несвободы. Ведь большинство ныне живущих в России людей своей несвободы не понимают. Они Конституцию читали, им в школе объяснили. Они думают, что они свободны. Они думают, что если они идут голосовать, то от этого что-то зависит очень важное в раскладах власти, государственной структуры. Они не понимают, что имеют дело с элитократией, а не демократией. Неформалы понимали свою несвободу и постоянно прощупывали, насколько можно расширить сферу свободы. И, собственно говоря, реальная демократия в итоге и сводится к этой сфере свободы и самоуправления.

Неформальное движение возникало на основе своеобразной теории малых дел. Мы «чистили речки», мы протестовали против застройки Битцевского парка. Но очень быстро все эти инициативы утыкались в политическую проблематику. Это очень важная черта гражданского движения вообще. Если какая-то организация состоит сплошь из «державников», которые верят во власть и преданно на нее смотрят, то либо она очень быстро перестанет быть гражданской, либо они пересмотрят свою точку зрения, занимаясь практикой. Вот мы сейчас занимаемся жилищными проблемами, и люди, которые верили в Путина в 2001 году и тогда начали заниматься гражданскими делами, почему-то сейчас перестают верить. Сколько ни уговаривай: наш президент самый лучший, а они все равно не верят. А почему? Потому что они постоянно утыкаются на эту систему, где главу управы прикрывает префект, префекта прикрывает мэр, мэра прикрывают... Ну и так далее. И выводы делаются очень быстро.

Такая политизация гражданского общества происходила и тогда стремительнейшим образом, потому что любой акт сопротивления со стороны власти — «не разрешим митинг, демонстрацию», «здесь поправьте текст, здесь поправьте лозунг» — вызывает радикализацию и политические выводы. Не-

формальное движение того времени очень быстро выстроило полный и очень сложный спектр политических идей справа на лево. Там было все — и анархисты, и монархисты, и пост-индустриальные идеи. Мы были самой свободной страной в 90-м году. Когда делегация общественных движений приезжала в Германию, немцы пожимали плечами и говорили: как можно, почему вы взяли анархистов? И мы понимали, как не свободно это западное общество. Сейчас этот «немецкий» вопрос нас, конечно, уже не удивляет.

Потом начались расколы — вплоть до баррикад, разделивших нас в 1993 г. Гражданское общество было обескровлено походом неформалов во власть и в бизнес. Потому что возможна конверсия движений. Здесь нет жестких границ. Всё постоянно мигрирует. Из гражданского общества люди могут уходить во власть и там потом становиться людоедами или оставаться приличными людьми. «Скоро все мои друзья выбьются в начальство, и, наверное, мне тогда станет одиноко». Впрочем, мы, неформалы, до сих пор иногда пользуемся связями, наработанными в ту замечательную эпоху.

Люди, которые ушли во власть и бизнес, уже не являются частью гражданского общества. Люди приходят и уходят — гражданское общество остается. Что с ним происходит?

С ним происходит две вещи. Во-первых, с начала 90-х гг. и в нашем обществе в целом, и в гражданском обществе, в частности — происходит *примитивизация политических и общественных идей*. В Перестройку произошел такой всплеск, возникло такое разнообразие, что затем естественным образом пошло упрощение, уплотнение, адаптация к массовому сознанию. Идеи нужно как-то объяснить, подстроить их под конъюнктуру. И в итоге сами носители начали очень упрощать свои идеи, а потом и забывать старые сложные конструкции.

Второе, что произошло, это уже после шоковой терапии — это *профессионализация общественных структур*. Еще раз напоминаю: если они стали коммерческими, то они вышли за рамки гражданского общества; равно как если их состав назначается президентом, как Общественная палата. Это государственная структура, а не гражданская. Но есть некий «сухой» остаток, где люди, занимаясь этой работой, стали специалистами по решению тех или иных гражданских проблем.

Они стали юристами-самоучками, они стали орговиками, они стали журналистами и идеологами. Но профессионализация несет и печальные последствия. Очень резко сократилась численность, и группы приобрели своеобразный профессиональный эгоизм. Когда они сотрудничают друг с другом, они иногда друг от друга скрывают списки своих членов, чтобы не поделиться ими. Выход из этого положения возможен, но он связан со временем, когда пойдет новая волна. Это произойдет, когда возникнет новая общественная ситуация, вполне возможно — вовсе не из-за действий гражданских движений. И тогда возникнет возможность преодолеть нынешний кризис с его профессиональным эгоизмом, идейной ограниченностью. Выход — в свежих идеях, выход — в свежих людях.

Ничего принципиально нового придумать нельзя. Все «свежие идеи» остались там — в Перестройке. Но и люди-то там остались, потому что все мы жили в Советском Союзе, мы — советские люди. Хотя теперь появляется и подающая надежды молодежь. Может быть, это *будущие* советские люди.

Научный спор о гражданском обществе должен продолжаться

Нина Беляева,
Высшая школа экономики

Почему до сих пор идет спор: существует ли гражданское общество в России?

Мне кажется, сам этот спор имеет две принципиальные стороны. Одно дело — научный спор в котором обсуждаются вопросы типа: входят ли профсоюзы в гражданское общество; можем ли мы туда включать не нравящихся нам скинхедов и националистов, которые — «не то» гражданское общество, которое нам бы хотелось иметь. Другое дело — можем ли мы включать в гражданское общество организации, прямо инициированные властью, ею финансируемые и создаваемые как Общественный совет при Министерстве обороны, о котором

прямо сказано, что его задача — повышение престижа Министерства обороны.

Если мы начнем исключать, скажем, скинхедов, у нас будет очень длинный список тех, кого надо исключить. Тогда у нас мало что останется в гражданском обществе. Следовательно, договариваться об этом, конечно, нужно, и это вопрос исследовательский. Исследователи с конца 80-х годов очень активно ведут этот разговор, и книжки выпускаются именно с конца 80-х. Замечательно, что Перестройка дала нам возможность увидеть эти движения.

Я себя отношу к этому поколению, очень дорожу этим временем. Я считаю, что это было самое свободное время в истории России. По-моему, социологи, когда делали проект «Куда идет Россия?», отмечали, что именно период конца 80-х — начала 90-х — самое свободное время в истории России. И мы вправе этим временем гордиться. Мы забыли это время, надо к нему вернуться, надо изучать его и опыт движений, которые создавались снизу. Мы впервые увидели тогда друг друга, обрадовались тому, как нас много, а главное тому, что нас никто не наказывает за то, что мы делаем. Ощущение, действительно, пьянящей свободы гражданских действий и было стартом этого движения.

Но до сих пор мы спорим о том, существует ли гражданское общество в России. Хочу отметить, что существуют разной степени глубины измерения характеристик гражданского общества. Очевидно, что его нельзя определять по единственному фактору, как совокупность «общественных объединений». Это главный недостаток всего доклада Общественной палаты и большая проблема дискуссий, в которых все богатство понятия «гражданское общество» сводится к набору организаций — пусть даже хороших, пусть даже независимых.

С точки зрения анализа подходов к самой концепции гражданского общества, есть целый ряд его характеристик или критериев, которые признаются всеми без исключения учеными в качестве важных и не могут быть игнорированы.

Структурно-организационный критерий, который измеряет количество организаций: много их или мало, какие они, как структурированы и т.д. Это самый примитивный, самый простой, самый популярный критерий, но он один из многих.

Следующий, не менее важный — это функциональный, определяющий, что делают эти организации, на что направлена их фактическая деятельность.

Есть гражданский критерий: наличие гражданина, т.е. человека грамотного, умеющего читать, интересующего общественной жизнью, понимающего уровень своих свобод и не-свобод.

Есть технологический критерий, определяющий как правильно продвинуть социальную инициативу, то есть овладеть технологией социального заказа, используя опыт гражданского общества, которое осознает систему государственного влияния, в том числе и хитрого пиара, но умеет противостоять ему — грамотно, осознанно и организовано.

Правовой критерий, то есть готовность лидеров, активистов и участников самоорганизованных движений признавать, исследовать общепринятую норму. Не идти громить всё подряд, и провозглашать себя, а соглашаться с теми нормами, которые есть, и изменять эти нормы — тоже в соответствии с определенными правилами.

Очень важный аспект анализа, который тоже, практически, полностью упущен в докладе Общественной палаты — это ценностные ориентации деятельности гражданских союзов: ради чего они создаются, какую этику они продвигают.

Мне кажется, что научному, экспертному, творческому и активистскому сообществу надо добиваться опубликования как можно большего числа данных по этому поводу и везде провоцировать и х обсуждение. То, что в докладе Общественной палаты сделан анализ (в основном экономический) — это неплохо, но недостаточно. Такой анализ должен быть дополнен, в него должны быть включены как постоянно действующие разделы доклада (он должен стать ежегодным) статистика протестных действий, статистика креативных инициатив, показатели отношений общества и государства.

Научный спор о гражданском обществе — это вещь нормальная, он должен продолжаться. И есть надежда, что опубликование этого доклада заставит нас говорить о гражданском обществе больше и глубже.

II. Пространство гражданского общества и механизмы его взаимодействия с властью

Взаимодействие с властью как вызов для НКО

Андрей Суслов,

*Центр гражданского образования и прав человека,
Пермь*

Мой основной тезис можно сформулировать так: сегодняшние предложения власти взаимодействовать с негосударственными некоммерческими организациями (НКО) — это вызов для НКО.

Но сначала разберемся, есть ли, собственно предложение. На мой взгляд, да. Например, налицо попытка сократить денежный поток, который идет для НКО из западных фондов, и при этом дать деньги НКО из государственного бюджета. Те деньги, которые уже в этом году Администрация Президента выделила гражданским организациям, используя механизм Общественной палаты, это как раз и есть предложение. Другое предложение: активисты некоммерческих организаций приглашаются в различные общественные советы: в Общественную палату, в разные советы при ведомствах, например, при МВД и т.д. В регионах появляются организации, называемые Гражданскими палатами. В Пермском крае действует Круглый стол при губернаторе, куда нас приглашают обсуждать какие-то проблемы. И это показывает, что есть предложение взаимодействовать.

Почему оно является для негосударственных некоммерческих организаций определенным вызовом? Я бы обратил внимание на некоторые аспекты.

Во-первых, это *вызов щепетильности* для гражданских организаций. Спрашивается: на какие предложения власти

они согласятся, т.е. готовы ли они взяться за всё, что им предложат, забыв о своей миссии. Часто происходит именно так. Я знаю массу организаций, которые готовы взять, буквально, любой кусок, который дает Запад или собственное государство: дают деньги — надо брать. Главное — получить и освоить эти средства. А власть эти средства дает вполне осознанно.

У нее два мотива. Один мотив — это то, о чем сегодня уже сказали. Управляемую демократию почти построили — надо строить управляемое гражданское общество, отсекая неуправляемых и всё остальное делать управляемым. Управляемым, в том числе с помощью средств, которые поступают. Второй мотив — использовать ресурс некоммерческих организаций. Мне кажется, что сейчас многие достаточно умные головы во власти понимают, что некоммерческие организации часто имеют мощный ресурс. Использовать этот ресурс в своих интересах очень удобно. Для НКО важно определиться, за что же они возьмутся, реализуя, действительно, свою миссию.

Во-вторых, *вызов компетенции*. Сейчас часто имеет место достаточно серьезный диалог власти с представителями гражданских организаций. При этом встает вопрос о том, насколько мы компетентны в том, чтобы осуществить этот диалог на достаточно высоком уровне, чтобы наши предложения были разумными, чтобы они были такими, что конечный результат действительно мог привести к каким-то хорошим результатам. Часто оказывается, что этих компетенций хватает. Тем не менее, эти компетенции есть у весьма небольшого количества организаций, которые могут привлечь экспертный потенциал. Их можно посчитать по пальцам. Большая часть таким потенциалом не обладает, а обладает в большей степени потенциалом протестным. Вот это как раз и начинает диссонировать.

Конечно, имеется желание выразить протест и отбить какие-то атаки власти. Но при этом надо предложить ту альтернативу, которая признавалась бы разумной как обществом, так и властью, чтобы достигнуть некоторой гармонии. Этого, к сожалению, не всегда удается сделать как раз из-за отсутствия экспертного потенциала.

Наконец, мы сейчас сталкиваемся с тем, что весьма очевидна *ограниченность ресурсов*. То есть, это вызов, в целом, некоммерческому сектору. Допустим, встает проблема адми-

нистративной реформы. А административная реформа — это по сути дела тот случай, когда власть говорит: давайте действуйте, мы предлагаем. В концепции административной реформы много возможностей. Взять, например, местное самоуправление: здесь и публичные слушания, и вмешательство в бюджет, и т.п.

В административной реформе в целом еще больше закладывается возможностей действия для некоммерческих организаций. Сможем их использовать? Возникает проблема нехватки общего потенциала для того, чтобы делать именно это. При этом властные структуры подкидывают какие-то деньги на решение сиюминутных проблем.

Поэтому действительно встают вопросы о стратегиях и о выборе для гражданского сектора, чтобы ответить достойно на вызов, который объективно формулируется сейчас властью.

Пространство гражданского общества: внешние и внутренние границы

Ида Куклина,
Союз солдатских матерей

Повышенное внимание власти к проблемам развития гражданской самоорганизации (гражданские форумы, закон об НКО, закон об экстремизме, образование Общественной палаты, ее отчетный доклад, последние выступления Путина и пр.) говорит, во-первых, об определенных неблагоприятиях в развитии страны, и, во-вторых, о мешанине в представлениях о том, что происходит в России вообще и с гражданским обществом, в частности. Это, в принципе, относится как к власти, так и к обществу. Не случайно на Западе, где вряд ли кто-либо может серьезно отрицать существование гражданского общества, не уделяется столь повышенного внимания глобальным проблемам его развития. Иными словами, гражданское общество заслуживает обсуждения не в большей и не в

меньшей степени, чем любые другие проявления человеческой деятельности, бесконечно разнообразной. Для России же это стало большим вопросом.

Когда-то я писала, что первый гражданский форум, который был организован властью в 2001 г., представлял собой попытку инвентаризации ресурсов гражданского общества с вполне определенной целью изучения возможностей использования этих ресурсов в интересах власти и формирования государственной политики на этом направлении. На данный момент такая инвентаризация успешно продолжена докладом Общественной палаты, и это яичко снесено очень вовремя — от инвентаризации и подробнейшего описания пора переходить к делу — практическому использованию тех механизмов управления гражданским обществом, которые власть считает целесообразным применить в период, который для России будет исключительно важным. Этот период можно назвать периодом приобретения (или потери) легитимности российской власти. Будет сделана попытка осуществить переход от Беловежской пуши, так называемых выборов Президента в 1996 году и последующего назначения преемника к формальному установлению законной власти, легитимность которой будет опираться на столь же формальные демократические выборы, формально проведенные в рамках Конституции. В любом случае это действительно очень важный период в жизни России.

В чем значение гражданского общества для власти? За чем оно ей? На этот вопрос я и постараюсь ответить в меру моего разумения.

Прежде всего мне хотелось бы сказать о том, что, на мой взгляд, в пространстве гражданского общества сужается — и не только в России, а как глобальное гражданское пространство. И сужается оно не столько в силу усилий той или иной национальной (государственной) власти, сколько в силу определяющих тенденций современного развития, прежде всего — глобализации.

Сфера суверенного государственного менеджмента в силу глобализации объективно и заметно сокращается. Пример: российскому государству становится все труднее выполнять свою важнейшую функцию — обеспечение безопасности гражданина и общества; эта функция все более сужается до

сферы обеспечения безопасности власти. Взгляните на динамику развития частных и государственных структур безопасности, темпы развития первых обгоняют развитие вторых, или, во всяком случае, развитие идет, что называется «ноздря в ноздю», причем на частном фронте, на мой взгляд, более эффективно (сравните положение военнослужащих и частных охранников). Включающее различные сферы деятельности глобальное транснациональное пространство, в котором существует транснациональное сообщество, напротив, расширяется, и оно мало связано с «гражданским обществом» в традиционном понимании этого понятия, т. е. замкнутым в государственных границах. Я бы сказала, что транснациональное пространство образует уже постгражданское сообщество, не связанное с национальными границами. Там действуют свои законы развития, которых я касаться сейчас не буду. Мне могут возразить, что расширяется и транснациональное гражданское поле. Могу оспорить это утверждение, но это — отдельная тема для дискуссии.

То пространство, которое остается гражданскому обществу, это, собственно, продукт глобализации, т. е. пространство, формирующееся в результате глобальной социальной поляризации. Этот процесс может работать как на разрушение питательной среды развития гражданского общества (Африка), так и на ее активизацию. В России, у которой одна (сырьевая) нога тянется к глобализации, а другая застряла где-то на уровне экономического болота 1990 г., гражданское поле, тем не менее, все еще остается значительным, хотя бы по численности населения, не охваченного, условно говоря, глобализацией. Поэтому даже формально демократические процедуры имеют существенное значение для власти и ее самоутверждения (других — легитимных — нет). Отсюда — и ее повышенное внимание к явлению гражданской самодеятельности, которая, в условиях беспредела и вседозволенности 90-х годов, каким-то образом сумела дать жизнеспособные ростки, а продолжающийся процесс социальной поляризации и увеличение масштабов социальной деградации вовлекает в защиту собственных экономических интересов все более значительные массы людей, расширяя в принципе поле гражданского взаимодействия.

Пока я не вижу удачных попыток объективной оценки качественного состояния и структуры гражданского общества в России сегодня, сейчас. Пишут много, но чаще — как-то по эпизодическим, конъюнктурным проблемам, более широкие исследования в силу быстро меняющейся ситуации столь же быстро устаревают, высока доля политизированных или даже заказных работ. Известный вам монументальный труд общественной палаты этим тоже отличается. Главный акцент в нем сделан, на мой взгляд, на утверждении патерналистского отношения государства к гражданскому обществу. Иными словами, мы все еще остаемся в плену наследия этатизма советского типа.

Должна подчеркнуть, что я не претендую ни на оригинальность, ни, тем более, на абсолютную истину. Я вполне согласна с теми, кто считает, что социум включает три макроструктуры — государство, рынок и гражданское общество. Комбинации их взаимодействия и определяют важнейшие характеристики социума. Фактически за пределами этого взаимодействия находятся постгражданские бизнес-структуры и та часть государственной элиты, которая обеспечивает условия их существования и/или является их частью, сращена с ними. К таким бизнес-структурам вполне можно отнести и российские силовые ведомства. Они располагают весьма масштабными, а, главное, абсолютно непрозрачными для общества, но гарантированными государственным бюджетом ресурсами. (См., например, последнее увеличение бюджетного финансирования ФСБ или попытка выяснить, сколько стоит солдат солдатскими матерями.)

Какого рода отношения ищет российское государство с гражданским обществом? Российской власти сейчас приходится нелегко. Стабилизация, о которой так много говорится, непрочна, она легко может быть нарушена внезапным толчком внутреннего или внешнего (прежде всего рыночного) характера. Предстоящие выборы нужно обезопасить, а их исход, несмотря на все предпринятые меры законодательного характера и отсутствие оппозиции, все же продолжает оставаться уравнением со многими неизвестными, в том числе в отношении будущего преемника.

В этих условиях государство, с одной стороны, ищет поддержки у гражданского общества, а, с другой, пытается поли-

тически стерилизовать его. И с точки зрения власти это вполне нормально, таков ее имманентный интерес. Насколько успешны ее усилия? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

На поверхности кажется, что все идет по плану. Партии, которые могут выражать оппозиционные настроения, либо зарублены регистрацией, либо деморализованы, либо, может быть, даже куплены. Никаких угрожающе харизматических лидеров на оппозиционной стороне не видно, сколько не всматривайся. Гражданские организации собраны под колпак, регистрационно проинвентаризированы, многие, в том числе правозащитные, допущены в структуры, которые находятся под присмотром власти. Все под контролем. Проблемы финансирования (аренда помещения, обеспечение деятельности) и отчетности становятся (по закону об НКО) главным инструментом управления развитием гражданских объединений. Государство при этом хочет казаться добрым и все понимающим спонсором и делает первые шаги по обеспечению государственного финансирования гражданских структур. Оно уже начало выделять на эти цели средства, и распределять, правда полуизбирательно и под строгим контролем.

В целом верхам понятно, что гражданское общество само себя обеспечить ресурсами не может, а волонтерство имеет свои пределы. Поэтому они готовы выступить донором гражданского общества, какие-то механизмы будут придуманы, первый опыт — распределение средств ОП и Кремлем. При этом, иностранные доноры успешно устранились со строительной площадки гражданского общества в России. Да и сами иностранные доноры в общем-то понимают, что у России денег хватает, поэтому иностранная помощь НКО как бы и не нужна. Зачем тратить деньги своих налогоплательщиков, если российские весьма мощные бизнес-структурыкупаются в деньгах?

Для многих НКО такое положение вовсе не должно порождать пессимистические настроения. В складывающихся условиях многие гражданские структуры вполне могут выживать и даже развиваться. Разумеется, это будут наиболее конкурентоспособные, сильные и, что особенно важно, деполитизированные НКО. Кстати, замыкание НКО на внутреннюю конкуренцию на рынке государственного финансирования — тоже неплохой инструмент управления гражданским обществом.

Кроме того, источники финансирования НКО могут быть, как известно, и частными. Здесь многое будет зависеть от того, каковы будут отношения государства и бизнеса, поскольку финансирование НКО частными структурами должно как бы совпадать с интересами власти, только тогда оно будет и в интересах власти. Иначе — судьба «Открытой России». Выживут, таким образом, многие. В первую очередь, НКО, созданные бизнес-структурами (у них проблемы финансирования совсем другие по сравнению с прочими НКО). Выживет и та часть НКО, которая занимается социальными проблемами и которая материально заинтересована в поддержке местной или даже центральной власти и зависима от них, а также благотворительные, религиозные, профессиональные (низкий уровень их развития и активности не опасен для власти и бизнеса), и творческие объединения и т. д.

Однако, какое же гражданское общество мы при этом получим? Опять-таки однозначного ответа на этот вопрос нет. Насколько серьезно участие государства затронет проблему свободной гражданской самоорганизации? Какова будет структура и характер частных и государственных интересов при подобном взаимодействии гражданского общества и власти? Насколько эти интересы будут определять структуру общественной самодеятельности? Роль региональных властей — тоже проблема, причем хотя здесь много различий, разнообразие условий в регионах также будет влиять на общую картину гражданской самоорганизации в стране. Наконец, каков будет характер влияния подобного гражданского общества на власть и каково будет направление этого влияния? И будет ли влияние вообще иметь место? Пока наиболее вероятным кажется ползучий процесс огосударствления общественной деятельности по уже опробованному в Союзе образцу. Кстати такое «де жавю» я испытала, присутствуя на заседании ОП. Показалось, что я на партсобрании.

Необходимо при этом иметь в виду, что при любом раскладе гражданское общество все равно является носителем политического начала. Мои коллеги по ИМЭМО (и я в том числе) уже писали об этом в первой монографии о гражданском обществе, которая вышла в России в 1998 г. Главным носителем оппозиционного политического начала в России сейчас в

основном являются правозащитные организации. Поэтому все запретительно-организующие грани государственной политики по объединению и управлению гражданским обществом в первую очередь коснутся именно этих организаций.

Вопрос о политической деятельности общественных организаций у нас запутан и завернут в мифологическую оболочку. Разумеется, в рамках нашей дискуссии я вовсе не надеюсь окончательно его распутать. Однако мне хотелось бы высказать некоторые общие соображения.

Известно, что за высказываниями Путина о том, что Россия не позволит финансировать политическую деятельности в стране из-за рубежа воспоследовали не менее известные события, в том числе одиозный «роман с камнем». В СМИ была развернута достаточно успешная кампания по созданию негативной ауры вокруг правозащитных организаций и отдельных правозащитников.

Что может показаться странным, в рядах правозащитников явно наблюдается отсутствие единства по вопросу о том, что такое политическая деятельность НКО. Ряд правозащитников искренне считает, что защита прав человека не имеет никакого отношения к политической деятельности, другие отрицательно относятся к попыткам объединения правозащитных организаций в целях участия в политической деятельности для оказания или усиления влияния на политику властей. Возникают мифы об экстремистском характере правозащитной деятельности. Осуждаются попытки правозащитного «прорыва во власть». Осуждаются и всякие связи с иностранными донорами, раздаются призывы опираться на собственные силы, сосредоточиваясь при этом исключительно на «персональном возмездии» в отношении представителей власти, нарушивших чьи-то права, и т. д.

На самом деле сейчас основной источник политизации общественной деятельности это вовсе не правозащитные организации в целом, а так называемая «социалка», т. е. социальные проблемы страны. Лозунг «Меняем Зурабова на Ходорковского», недавно выдвинутый в Чите, — яркий этому пример. Именно из «социалки» идут наиболее сильные импульсы политического недовольства. Разделение социальных проблем и проблем защиты прав человека, осуществляемой

на основе признания принципов универсализма прав человека, — занятие бесполезное, поскольку эти проблемы взаимосвязаны и взаимозависимы. Нарушение социальных, экономических прав и свобод так или иначе затрагивает гражданские и политические права, в том числе право на жизнь, право на свободу слова, право на справедливый суд, свободу объединений и т. д. И если правозащитные организации любого толка хотят не просто увеличить выделяемый им кусок социального пирога, а изменить положение в этой области, это означает, что они хотят изменения государственной политики в той или иной области, т. е. занимаются политическими вопросами, политической деятельностью. Если же они хотят идти дальше и использовать возможности политических инструментов и механизмов для достижения своих целей — это их право. Разглядывая политический пейзаж сегодняшнего дня, хочется сказать, что это не только право, а общественная потребность. Это значит, что в конкретных условиях сегодняшнего дня правозащитные организации не видят иной возможности повлиять на ситуацию, прежде всего потому, что даже масштабные и успешные «персональные возмездия», которых они добиваются в своей практике, положения не меняют ни на йоту. Солдатским матерям это очень знакомо. Тысячи и тысячи успешно решаемых проблем с индивидуальными жалобами, суды, инициируемые прокурорские расследования, прочие акции, а затем ... следующий призыв рождает новые тысячи проблем. Солдатские матери глубоко убеждены, что так будет продолжаться, пока призыв не будет отменен. Если до этого дойдет (а, в конце концов, дойдет!), то это будет уже политической победой солдатских матерей. А самое главное, оценивая политическое лицо правозащитных НКО, не боящихся обвинения в политической сути своей деятельности, надо понять, что речь идет не о теоретических принципах, самолюбовании, самодовольствовании, удачах или неудачах правозащитников, а, например, для солдатских матерей, о бесконечной череде загубленных жизней, загубленного физического и психического здоровья тысяч и тысяч молодых юношей.

Но вернемся к пространству гражданского общества. Оно усекается, во-первых, глобализацией. Интересы глобальных структур слабо пересекаются с интересами гражданского об-

щества. Гражданские антиглобалистские структуры пытаются противостоять одной из определяющих тенденций развития, но не слишком успешно.

Во-вторых, усекновение гражданского общества связано с государственной политикой, которая, возможно, и несет в себе некоторые добрые намерения и желание сотрудничества, тем не менее фатально, неизбежно трансформирует их в попытки регламентации и установления государственного контроля над гражданской самоорганизацией. Ведь практически редко какая НКО отрицает преимущества сотрудничества с властями. Вопрос в том, что это сотрудничество никак не может стать равноправным и взаимообязательным. Припоминается, как на гражданском форуме в Нижнем (в 2003 г.) на секции по защите прав военнослужащих шла борьба чуть ли не за каждую запятую в проекте соглашения о сотрудничестве Минобороны и НКО. Приняли — и тут же соглашение превратилось в пустышку, о которой Минобороны немедленно забыло. Такое сотрудничество не может способствовать взаимодействию общественных объединений и властей, оно служит лишь фактором роста недоверия к властям. Интересы власти и интересы гражданского общества переплетаются весьма тесно, однако они несут в себе заряд имманентной противоречивости. Власть сильнее, и она сильнее тянет одеяло на себя, хотя и должна понимать, что это лишь до определенного предела может служить ее интересам. При коррупции и вседозволенности трудно побудить конкретные механизмы власти идти навстречу гражданскому контролю.

И, наконец, в третьих, объективный фактор, который состоит в уровне готовности общества к самоорганизации, достаточной для защиты общих интересов и оказания желаемого влияния на власть, также ведет к усекновению пространства и возможностей гражданского общества. Общественная палата в своем докладе вычислила процент социально активных личностей в российском обществе. С ними, в общем, государство будет продолжать работать. Кого-то придавит, кого-то поощрит. А что в остатке? Можно ли сбрасывать со счетов возможность спонтанной активности ныне пассивных граждан, которые составляют подавляющее меньшинство? В предвыборной горячке все возможно и все не предсказуемо.

Если гражданская активность останется на нынешнем уровне, то гражданское общество будет представлять собой некое полугосударственное и полуоппозиционное стерильное с политической точки зрения сообщество. Надо ли говорить, что интересы последнего только под давлением власти будут пересекаться с бизнес-структурами — спонсорами. Пока этим структурам с избытком хватает прикормки «нашистов» и иже с ними, бизнес-боливар двойное бремя тянуть вряд ли будет.

Таким образом, истинное пространство гражданского общества в России значительно уже его социального потенциала. Оно ослаблено государственным регулированием, избирательной правоприменительной практикой в отношении НКО, фактическим запретом на выражение политически оппозиционных настроений, отсутствием реальной базы финансирования, масштабами бедности и социальной деградации, безответственностью и закрытостью власти, отсутствием у нее стимулов к сотрудничеству с общественными объединениями, деятельность которых воспринимается ими как раздражающий фактор. Естественно, что в этих условиях снижается и уровень организованной и легальной социальной активности — люди не могут не видеть и понимать, что общественным организациям не удастся способствовать реальному решению тех проблем, которые они ставят и перед обществом и перед собой (матери Беслана, жертвы терактов, закон 122 и др.). К тому же и власть отнюдь не стимулирует развитие новых общественных объединений, трудности регистрации всем известны. Не случайно, в докладе ОП отмечается, что в последние годы (после 2001) темпы роста численности НКО резко упали.

Одновременно с этим повышается вероятность спонтанных, стихийных выступлений граждан. Они и сейчас возникают постоянно по всей стране, и только жесткая политика властей и отсутствие свободы слова скрывают общие масштабы таких выступлений.

Усеченное, слабое, разобщенное и существенно огосударственное гражданское общество, которое власть пытается еще и изолировать на международном уровне, — это отражение той ситуации, которая складывается в России сегодня. Кризис в стране — кризис в гражданском обществе. Каким образом будет выбираться страна из этого кризиса, в конечном

итоге зависит все же не от власти, которая способная только еще более его обострить, а от самого гражданского общества. А ему приходится трудно. Не на кого опереться за пределами НКО.

Что касается солдатских матерей, то для нас все ясно. В крайнем случае, начнем все с начала, но никогда не откажемся от своих целей и принципов. Никогда не откажемся от защиты собственных детей.

Развитие женских организаций — важный показатель становления гражданственности

Светлана Айвазова,
Институт Социологии РАН

Начиная с 1990 года, я работаю с различными российскими женскими организациями. Сегодня о них здесь ничего не сказали, а на самом деле это очень важная проблема. Да, по сравнению с «Мемориалом» или с Обществом потребителей женские организации менее признаны нашими согражданами. Но само развитие женских организаций чрезвычайно важный показатель становления гражданственности как таковой.

В свое время Сартр в споре со своей знаменитой женой Симоной де Бовуар, убеждая ее, что она должна написать книгу «Второй пол», которая в итоге сделала ее знаменитой, сказал, что женщины — это крайний случай экзистенциальной заброшенности. И вот в этой «экзистенциальной заброшенности» совершенно необходимо разбираться. Если женщины не приобщены к культуре гражданственности, то, вообще говоря, ничего не получится с демократизацией общества, с вызреванием гражданственности как таковой. Потому что именно женщины — особенно в России — занимаются воспитанием будущих граждан. В зависимости от того, какую культуру они прививают своим детям — культуру подданничества либо культуру гражданственности, — в обществе и формируется эта самая гражданственность.

Первые женские группы, объявившие себя независимыми от государства организациями, стали появляться в нашей стране в 1988-1989 годах. Слабый гражданский потенциал женщин, слабая осознанность проблематики прав человека, эмансипация в условиях авторитарной модернизации, в границах устанавливаемых государством, — вот то историческое наследие, которое получили женские организации, и которое не могло не сказываться на их деятельности в постсоветское время.

С тех пор независимые женские организации сумели превратиться в определенный фактор общественной жизни. Чем они были озабочены? Стремилась помочь выживать нашим соотечественницам — приобрести новые профессии, сохранить здоровье, решить проблемы с трудными детьми, детьми-наркоманами, найти психологическую поддержку и убежище в случае пережитого насилия. Они занимались и занимаются правовым и гендерным просвещением сограждан, гендерной экспертизой законодательных актов и других властных решений, ставили и ставят вопрос о необходимости продвижения женщин в структуры власти. Некоторые женские организации обрели в 90 гг. опыт участия в разного рода избирательных кампаниях и даже опыт парламентской деятельности. Другие же вели интенсивный и небезуспешный идейно-теоретический поиск. Либо работали, что называется, «у корней травы».

По инициативе женских организаций, начиная с 2000 г., в парламенте разрабатывался законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин и равных возможностях их осуществления»; с разной успешностью были предложены поправки в интересах женщин к Трудовому Кодексу, к различным вариантам проектов пенсионной реформы, к закону «О политических партиях», к избирательному законодательству; к Уголовному Кодексу РФ, в который включены серьезные статьи, гарантирующие защиту от дискриминации (№ 136, 145, 282).

Важно подчеркнуть, что по мере развертывания деятельности женских организаций происходил процесс «разгосударствления» самой задачи преодоления гендерного неравенства, выравнивания социального статуса женщин. Женские ор-

ганизации пытались делать то, что не могло или не предусматривало делать в этом плане государство.

Каковы же общие черты их деятельности? Выделю три основных, на мой взгляд. Во-первых, это — *легализм*, последовательная ориентация на деятельность в рамках закона, прямая апелляция к принятой в 1993 году Конституции, которая содержит норму равенства не только прав и свобод, но также возможностей и обязанностей женщин и мужчин в общественной (статья 19, часть 3) и в семейной жизни (статьи 7 и 38). Во-вторых, это *плюрализм* мнений и подходов. Женские организации диверсифицируются. Сосуществуют и порой даже сотрудничают организации, ни в коей мере не оспаривающие в своих программных документах традиционной стратификации полов, не посягающие на существующую гендерную систему, действующие с целью «улучшения положения женщин», и организации, объявившие себя правозащитными, апеллирующие к правам человека, настаивающие на необходимости реального гендерного партнерства. Такое разнообразие позиций не противоречит их третьей отличительной особенности. Ее можно определить как «*групповую*» ориентацию или осознание специфики интересов женщин в качестве интересов определенной социальной общности, которые необходимо отстаивать и особым образом представлять на общественно-политической сцене.

Теперь — о *проблемах* нынешнего женского движения, которые, как мне кажется, характерны и для других общественных движений. Первая из них — это проблема «*персонафикации*» организаций. Многие из них создавались «под» лидера. Отмечу, что в этом проявлялся не столько «умысел» их учредительниц, сколько особенности российского социума, в котором все общественные связи, нормы и правила игры определяются авторитетами, «персонами», лидерами. Но здесь то и возникает вопрос, а как быть в таком случае с соблюдением норм и процедур демократии, которую исповедуют нынешние общественные организации, в их собственных организациях?

Вторая проблема тесно связана с предыдущей: в чьих интересах, в конечном счете, существуют общественные объединения? В интересах конкретных «потребителей» их услуг,

чтобы помочь им преодолеть те или иные повседневные трудности, отстаивать их права, служить тем или иным общественным целям? Или — для решения задач собственного выживания, либо обслуживания некоей «персоны»? На мой взгляд, дилемма «служения или обслуживания» была и остается едва ли не самой трудной для российских общественных организаций.

Несколько слов о взаимодействии НПО с политическими партиями. Вопрос сложный, отягощенный особенностями как действующего законодательства, так и политической практики. Характер взаимодействия гражданского и политического сообществ по идее должен быть предопределен целеполаганием, с одной стороны, НПО, а с другой — политических партий.

Позволю посмотреть на этот вопрос через призму деятельности женских организаций. Цели женских НПО — отстаивать гражданские права женщин с помощью постоянного мониторинга их ситуации во всех сферах общественной жизни, предлагать пути преодоления дискриминации и изыскивать возможности для этого. И здесь одна из возможностей — апелляция к политическим партиям. В свою очередь, цель политических партий: предлагать свой «проект» развития общества и в соответствии с ним продвигаться к власти. Для демократических партий — еще и добиваться «демократизации власти» за счет расширения возможностей для «исключенных», т.е. «низших» слоев и «женщин» (проблема «социального лифта»).

Отсюда две задачи:

- программное освоение политическими партиями России вопроса о правах женщин в современной России. Задача значимая потому, что идеология — это коммуникация и взаимная адаптация власти и граждан, это путь к взаимопониманию и диалогу;
- продвижение, во-первых, женщин, во-вторых, представительниц женских организаций (как части гражданского общества) в структуры власти всех уровней. Цель, повторю, — качественное изменение власти, ее демократизация, расширение возможностей для представительства всех слоев населения и их включения в процесс управления.

Ни того, ни другого на сегодняшний день нет. Политические партии просто не видят этого вопроса, больше того — порой становятся тормозом на пути его решения.

Последний вопрос. Мы вступили в очередной цикл парламентских, а затем и президентских выборов. В политическом сообществе прямо или косвенно идет дискуссия о целях и ценностях, которые способны объединить сегодняшнее российское общество — либо во имя стабильности, то есть консервации нынешнего порядка, либо во имя движения вперед. Она идет, например, в виде обсуждения Национальных проектов образования, здравоохранения, доступного жилья и т.д. или даже развития новейших технологий вооружений. В этой дискуссии много разного. Есть и находки, предложения — например, предложения вице-преьера Д.А. Медведева о необходимости развития человеческого потенциала, прорыва к экономике знаний. Но, к сожалению, в этой же дискуссии со всей очевидностью дает о себе знать печально известная российская приверженность к радикально заостренным постановкам проблемы, к жесточайшей конфронтации противоборствующих сил, к «противостоянию» власти и общества. Великий русский мыслитель Александр Солженицын в своей эпопее «Красное колесо» справедливо отмечает, что такого рода накал страстей, такое противостояние стало в свое время одной из причин «великой смуты 1917 года». Это противостояние сделало невозможными никакие компромиссы, никакие конструктивные совместные действия, никакой диалог между властями и «обществом». Оно создавало лишь «истребительный потенциал уничтожения». Нам необходимо помнить об этом, как об одной из самых больших опасностей для нас сегодня. Мы, действительно, должны критиковать государство. Мы, действительно, не должны вставать на позиции сервильности, но вести диалог с государством мы обязаны. От этого мы никуда не денемся. Но вот где граница этого диалога? Это тот вопрос, который я к вам обращаю.

Многие проблемы в гражданском обществе не отражены потому, что связь с интеллектуалами недостаточно тесная

Татьяна Жданова,
Фонд Дж. и К. Макартуров

Программы Фонда Макартуров в России никогда не были направлены специально на развитие гражданского общества. Мы в большей степени поддерживали интеллектуально-образовательное сообщество и в любом случае считали, например, что, независимые исследовательские центры и центры анализа политики — это не менее важные элементы гражданского общества, чем, скажем, организации по продвижению общественных интересов, поскольку они создают плюрализм идей в обществе.

Так или иначе я хочу остановиться на трех вопросах под углом зрения представителя донорской организации. Вот эти три вопроса — это, с одной стороны, о состоянии третьего сектора — некоммерческих организаций. Второй — это вызовы. И третий — это условия дальнейшего развития.

Что касается состояния третьего сектора, я бы хотела несколько слов сказать о том, как за 15 лет изменился потенциал некоммерческого сектора. Конечно, за это время, во-первых, произошел бурный рост. Мы все знаем, что в 1986 году было 20 НКО, затем их стало, по-моему, в 1996 году уже 250 тысяч: в 2004 году — 350 тысяч НКО. Сейчас это рост замедлился. Но мы сами прекрасно понимаем, что здесь важно не количество, а качество.

Тогда, когда мы начинали работу, НКО находились на начальном этапе становления. Поэтому для них наиболее важными были вопросы институционального развития, поиска грантов у западных доноров на конкретные проекты, связанные с проблемами собственного роста, целеполагания, определения приоритетов, внутреннего менеджмента.

Деятельность ресурсных центров, созданных при поддержке западных доноров, кстати сказать, в значительной сте-

пени была направлена именно на решение этих задач. Отчасти поэтому в группе лидирующих, наиболее продвинутых НКО фигурирует большое количество организаций, которые в свое время получали или продолжают получать поддержку иностранных донорских организаций.

На том этапе была довольно сильна разобщенность НКО. Организации слабо сотрудничали друг с другом, конкурировали за гранты, вообще им было довольно трудно объединяться для решения каких-то конкретных проблем. Отсутствовали навыки работы с государством. Кроме того, у части организаций, — особенно это касалось правозащитников, общаться, желание сотрудничать с государством. И государство не имело большого опыта работы с НКО, считая, что их епархия — это социальная сфера.

Наконец, за небольшими исключениями российские НКО очень мало взаимодействовали с международными организациями и мало использовали международные механизмы, в которых участвуют Россия для решения внутрироссийских проблем.

За 15 лет, конечно, в секторе произошли очень большие изменения. Организации стали мыслить гораздо более стратегически, как с точки зрения постановки, так и с точки зрения собственного институционального развития стали переходить от опоры на одного донора к опоре на множественное финансирование. От поисков грантов под отдельные проекты перешли к определению долгосрочных источников финансирования — наиболее продвинутые из них, конечно. Приобрели опыт совместной работы с властью (участия в общественных палатах, в различных консультативных структурах и т.д., ярмарки социальных проектов). Правозащитники в целом перешли к диалогу с властью и в ряде случаев, особенно там, где организации возглавляются молодыми людьми, достигают в этом взаимодействии порой значимых результатов.

Сама власть, кстати говоря, в лице Президента стала говорить о возможной роли НКО за пределами социальной сферы. Я думаю, что все помнят слова Президента о роли, скажем, правозащитных организаций в правовой реформе, в контроле за выборами.

Сейчас организации третьего сектора активно взаимодействуют друг с другом, как на федеральном уровне, так и на в регионах. В качестве примеров можно привести опыт коалиций по борьбе с расизмом, ксенофобией, противодействию произволу правоохранительных органов. Сотрудничали в организации неправительственной «восьмерки». Стали активно работать с международными организациями и вовлекаться в обсуждение причем не только внутрироссийских, но и глобальных проблем.

Это, разумеется, очень краткое резюме. Оно не означает, что не существует серьезнейших проблем. Российские граждане по-прежнему не видят в НКО выразителя своих интересов, мало знают о третьем секторе и ему не доверяют. Это мысль уже прозвучала в недавнем докладе Общественной палаты о состоянии гражданского общества России. Формы самоорганизации обычно отражают то, что людям нужно, и то, что они могут себе позволить. Поэтому многие НКО с их офисами, оборудованием и зарплатами, порой с заграничными командировками людей раздражают и заставляют их подозревать НКО в нечестности.

Многие, я думаю, знакомы с данными опросов, которые упоминаются в докладе. Если в 90-е годы лидирующие в секторе организации, — например, экологические, — в большой степени говорили от лица больших групп людей, сейчас они больше говорят от своего имени. И, в общем-то, главным образом представляют собой организации общественного адвокаторования и гражданского образования. При этом ресурс старых членских организаций практически исчерпан, а более-менее значимая связь с социальной базой пока не установлена. Такие организации наряду с различными более массовыми социальными движениями существуют во всех странах, где демократия еще не стала устойчивой. Они выполняют определенную позитивную роль. Однако, мне кажется, надо хорошо понимать, что наиболее эффективно они могут работать там, где государство настроено на реформы и что их эффективность снижается в тех случаях, если государство переходит к управлению более авторитарными методами. Поэтому долгосрочная устойчивость выживаемости этих организаций находится под вопросом.

Поскольку у нашего Фонда есть грантовые программы в других странах — скажем, в Мексике, Индии, Нигерии, — у меня есть возможность наблюдать работу НКО в этих странах и сравнивать ее с работой российских НКО. Я прихожу к выводу, что зачастую при более высокой организованности наших НКО эффект от деятельности НКО в тех странах, о которых я говорила, более высокий. Он более высокий, потому что их деятельность сопровождается наличием других социальных структур, может быть, порой даже неоформленных, вполне аморфных, но они являются дополнительным фактором, который осуществляет, если можно так сказать, давление на власть в пользу перемен.

Поэтому, мне кажется, что НКО необходимо искать союзников в других социальных группах и группах интересов. Некоторые экологические организации, например, начинают искать таких союзников в среднем классе больших городов, но в целом это пока нерешенная проблема.

Я вообще приводила в пример экологические организации только потому, что мы довольно много с ними работали, и я неплохо представляю ситуацию там, хотя мы работаем и с правозащитными организациями. В свое время работали с женскими организациями. Разумеется, надо повышать прозрачность некоммерческого сектора. Это большая проблема. Люди не доверяют, потому что они не знают. Конечно, уникальным информационным ресурсом в этом смысле сейчас становится федеральная регистрационная служба, которая будет накапливать огромные объемы информации о российском третьем секторе, но пока не понятно, до какой степени этот ресурс станет доступен обществу.

Необходимо решать проблему общественного надзора с помощью создания наблюдательных советов и иных средств, а также активно информировать общество о результатах работы. Применять для этого, между прочим, очень энергичные, наступательные, даже, может быть, заимствованные в какой-то части из коммерческого сектора пиар-стратегии. Активно работать со СМИ.

Во-вторых, конечно, в секторе существует проблема притока свежих сил. Все знают, что молодежь весьма равнодушно относится к НКО, достаточно пассивно, и здесь, конечно, нуж-

но искать какие-то новые формы работы, которые бы заинтересовали эту специфическую категорию нашего населения.

Наконец, о связи с интеллектуальным сообществом. Я, конечно, разделяю эту критику экспертов, которая только что прозвучала. Я сама, между прочим, недавно составляла базу данных негосударственных исследовательских центров и центров анализа политики. Значительную часть составляют экономические центры. Но если не считать экономистов, то, мне кажется, подавляющее большинство — процентов 80 — этих центров возглавляют люди с образованием в области физики и математики. Это довольно интересный факт заставляет задуматься о качестве нашего анализа, в том числе того, который поступает на столы наших политиков.

Но все же я считаю, что в значительной степени многие проблемы в нашем гражданском обществе не отрефлексированы именно потому, что связь с интеллектуалами недостаточно тесная.

Я хотела бы также подчеркнуть, что НКО-сектору нужно обратить внимание на деятелей культуры, потому что они в значительной степени формируют общественное мнение сейчас и особенно общественное мнение среди молодежи. Поэтому, мне кажется, этот ресурс пока далеко не использован. Кроме того, мне кажется, было бы хорошо, если бы и государственные, и негосударственные исследовательские организации обращали больше внимания на третий сектор, потому что пока он является основным поставщиком информации, знаний о самом себе.

Последний момент, о котором я хотела бы сказать, это финансовая поддержка третьего сектора. Разумеется, западные фонды в России временны. Все фонды уйдут. И в принципе деятельность гражданского общества, конечно, должна поддерживаться из внутренних источников. У нас есть, к сожалению, определенные проблемы с этим. Мы все знаем, что в последние годы в России очень активно развивалась благотворительность. Однако большую часть пожертвований составляют корпоративные пожертвования. Благотворительность таким образом в основном помогает нашему государству, но не гражданскому обществу. Например, более 80 процентов пожертвований крупных корпораций направляется в

города присутствия, из них более половины расходуется местными властями. Более 90 процентов пожертвований всех компаний направляется в государственные учреждения: больницы, университеты, музеи, детские дома.

Сегодняшний российский донор, как правило, очень мало знает о третьем секторе, да и особенно не интересуется им. Однако, он обвиняет НКО в непрофессионализме, неумении представить результаты своей работы. Вот об этом, кстати, надо очень и очень серьезно задуматься. Отсюда острая необходимость для НКО прицельно работать с бизнесом, повышать профессионализм, эффективность. При этом надо учитывать, что чем прозрачнее будет становиться российский бизнес, чем больше он будет акционироваться, тем меньше пожертвований будет идти на различные благотворительные цели. Поэтому ориентироваться, как мне кажется, больше нужно на частные пожертвования. И в нашем случае, вполне возможно, не на крупных благотворителей, а на более мелких — на массовую благотворительность.

Сейчас появились сдвиги с привлечением денег из российских источников. Вот здесь говорили о том, что Общественная палата выделяет гранты. Это очень хорошо. Хотелось бы пожелать этой инициативе большого успеха. Однако тут, конечно, есть тоже проблемы, потому что, насколько я слышу от наших грантополучателей, некоторые из них получили гранты Общественной палаты, хотя там есть проблемы, но они подчеркивают, что эти гранты не обеспечивают институционального развития, не могут использоваться для аренды помещений, скажем, для оплаты труда привлеченных специалистов и т.д. и т.п.

Я хотела бы обратить внимание на новое законодательство о ресурсном капитале, которое, конечно, является очень мощным ресурсом для развития гражданского общества. Хочется надеяться, что этот ресурс не будет уничтожен бюрократическими препонами, что наши некоммерческие организации сумеют воспользоваться этим механизмом. Однако с этим, конечно, связан еще один вызов.

Главная проблема гражданских организаций в том, что их профильная работа почти никак не представлена в информационном пространстве

Александр Даниэль,
Мемориал

Разговор у нас все время идет не о гражданском обществе в целом, а об одном его компоненте — сообществе гражданских организаций. И это понятно: других компонентов гражданского общества у нас, практически, не существует. О местном самоуправлении лучше не вспоминать — сразу плакать хочется. О независимых профсоюзах — тем более. Можно повздыхать о свободной прессе: свободные и независимые масс-медиа мы видели совсем недолго, а теперь их опять почти нет. И так далее.

А вот сообщество гражданских организаций, действительно, есть. И оно не такое уж маленькое: мы видим совсем неплохую динамику за последние 15 лет. Гражданских организаций много, и они разные: социальные, правозащитные, культурные.

Поэтому сообщество гражданских организаций — это единственный предмет для разговора. Что говорить о том, чего нет?

Второе. Кто-то из выступающих говорил: Общественная палата плоха тем, что она назначается властью. У меня прямо противоположное мнение. Я знаю, что некоторые из присутствующих здесь моих коллег, которые участвовали в разработке законов, были очень недовольны слишком большой, по их мнению, степенью влияния исполнительной власти на формирование Палаты. Мне, наоборот, кажется, что для органа, подобного Общественной палате, единственно правильным — и теоретически, и практически — было бы стопроцентное назначение этого органа федеральной властью. Потому что иначе возникает иллюзия «представительства гражданского общества». А у гражданского общества представительства не

бывает, и быть не может. Отдельные ячейки гражданского общества и, в частности, неправительственные организации, не могут никому делегировать свои права, как не могут делегировать никому свои функции. Гражданское общество — это принципиально горизонтальная структура. В отличие от структуры власти, в ней нет иерархии. В ней всё, что выше нижнего этажа, автоматически является фикцией.

Консультативные органы, которые власть формирует при себе из числа активистов гражданского общества, не вызывают у меня решительно никаких нареканий. Что можно возразить, например, по поводу Совета по развитию гражданского общества при Президенте Российской Федерации (некоторые члены этого Совета здесь присутствуют)? Президент решил, что ему нужен такой Совет; Президент утвердил список членов этого Совета и издал соответствующий Указ. Сам решил, сам утвердил, сам Указ издал. И это нормально: Президент сам выбирает, с кем ему советоваться. Никаких властных полномочий у этого Совета нет. Это тоже нормально: властные полномочия есть у Президента, и это его дело — послушаться своего Совета или нет в каждом конкретном случае.

А вот когда возникает совершенно непонятная надстройка над принципиально горизонтальной структурой, у многих, естественно, возникает соблазн трактовать эту надстройку как руль, — и, соответственно, желание схватиться за нее и попытаться порулить.

Пока что, как мне кажется, никакого особенного вреда от Общественной палаты не произошло. Пользы, кажется, тоже. Мне представляется, что эта структура отчасти показушная, а отчасти представляет собой некое сообщество экспертов.

Начала Общественная палата еще до своего созыва с того, что протестовала против новых поправок к закону об НКО. Правильно протестовала — поправки безобразные. Но потом она как-то благополучно об этом забыла. В докладе Палаты вообще, по-моему, ни слова не сказано об этом законе.

Это предварительные замечания. Теперь, коротко, по делу.

Вопрос о «политизации гражданского общества», о том, хорошо это или плохо, — это старый-престарый диссидентский спор. Я этот спор помню, по крайней мере, с конца 60-х

годов, то есть с того момента, когда появилось в стране диссидентское сообщество.

Вообще, — отвлекусь в сторону, — когда мы говорим о гражданском обществе, нам кажется, что оно, вместе со всеми своими проблемами, зародилось лишь в годы Перестройки. Но это не совсем так. Диссидентское сообщество, конечно, не претендовало на то, чтобы *быть* гражданским обществом, но некоторые функции и механизмы гражданского общества отрабатывались еще на диссидентских моделях. Попытки создания — даже в условиях позднесоветской несвободы — отдельные институции гражданского общества начались гораздо раньше; просто мы о них не помним. Вот пример: Светлана Айвазова, говоря здесь о женских организациях, датировала начало женского движения 1988–1989 годом. Светлана наверняка знает о самиздатских феминистских журналах «Мария» и «Женщина и Россия», возникших в 1979 году в Ленинграде, — просто она не связывает их с современным женским движением.

Так вот, — возвращаюсь к нашей теме, — споры между диссидентами о том, заниматься или не заниматься правозащитникам политикой, на самом деле никакой практической роли не играли, потому что политикой занималось правительство, ЦК КПСС, власть. И власть воспринимала деятельность диссидентских — по существу, гражданских — организаций, занимавшихся правозащитной работой, как политическую: диссидентов всячески преследовали как *политических* оппозиционеров. И сажали их по политическим статьям. Так что можно считать, что правозащитная работа диссидентов была политической в той степени, в какой власть — единственный источник легитимации политической деятельности в тот период — воспринимала ее как политическую.

Как обстоят дела сейчас? По-моему, мы возвращаемся примерно к тому же статусу. Нынешняя власть воспринимает независимую гражданскую деятельность как политическую. Стала воспринимать с недавнего времени. И непосредственным толчком к этому стала «оранжевая паника».

Я, конечно, понимаю, что попытки какого-то «выстраивания» были и раньше. Например, на Гражданском форуме 2001 года нам уже приходилось преодолевать попытки иерархизировать гражданское общество, как-то его упорядочить сверху.

Тогда мы их успешно отбили. А вот после «оранжевых революций» началась паника. Немедленно возникла политологическая теория, в которой утверждалось, что эти «оранжевые революции» осуществляются в интересах Запада, на западные гранты, руками неправительственных гражданских организаций.

Только не спрашивайте меня, верят ли сами авторы в свои теории. Не знаю. Я думаю, что сначала придумали, а потом поверили. Как девочка из сказки Корнея Чуковского: «Это Бяка-Закаляка Кусачая, / Я сама из головы ее выдумала». А потом сама же и заявляет: «Я ее боюсь!».

Так вот, я подозреваю, что сейчас они уже искренне верят в эту выдуманную ими же самими Бяку-Закаляку и искренне ее боятся.

На самом деле, проблема «политизации» не имеет серьезного значения — ни для власти, ни для самого гражданского общества. Какие-то организации могут выпускать грозные политические воззвания и обращения; эти воззвания и обращения вообще не представляют решительно никакой угрозы для правящей элиты и не представляли бы ее, даже если бы их с утра до ночи транслировал первый канал телевидения. Какие-то организации и движения пытаются осуществлять более серьезные политические проекты, как бы встречное движение к политизации, создавать политические партии на базе гражданских движений. Например, у Союза комитетов солдатских матерей были попытки в этом направлении, у экологов были такие попытки. Это нормально, в этом нет ничего особенного; это партии нового типа, вроде западноевропейских зеленых, и они — в перспективе и при нормальном политическом развитии — могут быть весьма успешны. Но большинство гражданских организаций, избегая публичного выражения своих политических предпочтений или не избегая их, продолжают в основном заниматься своей обычной, профильной работой.

Главная проблема не в этом. Главная проблема гражданских организаций в том, что их профильная работа не отображается «информационной тени». Она почти никак не представлена в информационном пространстве. Она не интересна журналистам. Она не интересна телевидению. Дело даже не в том, я думаю, что им запрещают интересоваться работой не-

зависимых гражданских организаций — хотя теперь-то, наверное, уже и в этом: тема независимой гражданской активности становится «политической» темой по мере того, как власть все больше отождествляет гражданскую независимость с политической оппозиционностью, и интерес журналиста к этой теме становится, соответственно, признаком нелояльности. Но, в целом, дело даже не в этом. Дело в традиционных приоритетных ценностях нашего общества; гражданская активность не входит, к сожалению, в их число. Отсутствие журналистского интереса к работе неправительственных организаций — это в значительной мере лишь отражение отсутствия общественного интереса к ней, и лишь во вторую очередь результат цензуры и самоцензуры.

Чтобы не заканчивать на совсем уж печальной ноте, я все-таки добавлю нечто обнадеживающее к своему последнему замечанию. Организации, действующие в столичных мегаполисах, — в Москве и в Питере, — действительно не отбрасывают информационной тени. Но в небольших городах и даже в региональных столицах это уже не совсем так или даже совсем не так. В тех регионах, где действуют гражданские организации, — правозащитные, культурные, социальные, — они очень заметны. Почему это так, не знаю; может быть потому, что процессы атомизации, процессы отчуждения никогда не заходили там так далеко, как в Москве или Питере, потому что социальная ткань общества не разрушена там настолько безвозвратно, как в столицах.

Гражданское общество нуждается в своей газете

Алексей Симонов,
Фонд Защиты Гласности

Как работать с обществом? В отсутствие реальных возможностей надо делать это через прессу. Но эта возможность на сегодняшний день, практически, почти ликвидирована. Потому что телевидение не может быть каналом связи по причи-

не собственной приверженности власти и полной своей ангажированности, а также завороченности рейтинговым и финансовым успехом, который уже заменил телевидению всё. В оставшееся для общения с обществом время выходят новости, но это своего рода «фильтр»: сверху информация проходит, а снизу вверх — нет. Как говорится, все, что они считают нужным нам сообщить о себе или о нас, они сообщают. Все, что мы хотим сообщить о себе, остается при нас.

Возможности радио весьма своеобразные. У меня есть последние сведения, что, по крайней мере, у региональных компаний — «Эхо Москвы» в Перми, «Эхо Москвы» в Екатеринбурге полностью отрезаны делавшиеся параллельно региональные новости. Местные передачи становятся жвачкой, совершенно не совпадая с московским оригиналом.

Вы посмотрите, до какой степени деградируют печатные средства массовой информации, если владелец «Независимой газеты», К.М. Ремчуков, считает себя вправе быть не только владельцем, но и главным редактором своего собственного издания.

Еще одна пикантная деталь. Три дня тому назад один веб-сайт совершенно ошарашил меня вопросом: «Как Вы относитесь к тому, что Газпром ищет покупателя на свои медиа-активы? Как Вы думаете, зачем это нужно Газпрому?» Я понимаю, что я — не Газпром и сообразить, зачем это нужно Газпрому, не смогу, поэтому не стал отвечать. Но сам задумался и понял: они уже все испортили, чем владели, сделали все это негодным ни для общественного блага, ни для политического резерва. Например, зачем им такое НТВ, которое существует сегодня?..

Кроме «Известий», все принадлежащее Газпрому привели в хорошее хозяйственное состояние. То есть оно все приносит доход. Они все сделали — можно продавать. Другой разговор, что *это перестало быть резервом информационным*. Это стал резерв финансовый и не более того.

Превращение прессы в финансовый резерв власти — это трагическая ситуация, в которой мы находимся. Поэтому на сегодняшний день надо говорить только об одном, с моей точки зрения, — о чем мы говорили семь лет тому назад, пять лет тому назад — и приходим к тому же: *надо делать свою газету*. Потому что из существующего — посмотрим, что у нас есть....

У нас есть «Новая газета», которую все читают, но никто не считает нужным на нее ссылаться. То есть ее читают исключительно для того, чтобы узнать, как соседний кабинет умыли, но вовсе не для того, чтобы из этого сделать какие-то выводы или всерьез об этом разговаривать. Единственный, кто иногда разговаривает на эту тему всерьез, — это те, кто подает по этому поводу иски о защите чести и достоинства. Все остальные делают вид, что такой газеты нет. Хотя она постоянно присутствует в кабинетах власти.

«Новые известия» — хорошая газета, приличная. Но кто-нибудь замечает, что она есть? Никто не замечает. И ведь фокус-то заключается в том, что они как раз выполняют ту обязанность, которую брала на себя пресса в идеале. То есть «watch dog функцию» эти ребята, безусловно, осуществляют. Но невозможно строить газету в виде отдельной собачьей будки, в которой живет только watch dog. Газета еще имеет целый ряд функций — и эти функции газета на сегодняшний день не исполняет.

Итак, прихожу к последнему тезису: надо думать о том, что гражданское общество нуждается в своей газете, о которой давно пора говорить не только на уровне обсуждения, а на уровне попытки практической реализации. Кое-какие подходы уже были сделаны, кое-что мы посчитали, кое-что представили себе. В принципе это возможно.

Все разговоры о попытках объединить гражданское общество, упираются в ленинский тезис: без газеты нам этого не сделать, на одних Интернет-ресурсах не просуществуешь.

Гражданское общество застряло посредине: оно есть, но оно не развивается

Ирина Хакамада

Фонд социальной солидарности «Наш выбор»

В английском учебнике по менеджменту, где анализируются три стратегии получения конкурентного преимущества, есть четвертая, и к ней идет идиома: stick — это приклеиться в

прошедшем времени глагол stuck. «Stuck in the middle» — это значит «застрять посередине». Эта стратегия считается самой неудачной и абсолютно проигрышной. Первые три стратегии означают сосредоточение на чем-то, а здесь — вы пытаетесь успеть везде, в результате не выигрываете нигде.

Сегодняшнее состояние гражданского общества, с точки зрения перспектив будущего, а не сравнительного анализа с прошлым, я бы обозначила так: гражданское общество застряло посередине — ни то, ни сё, не два не полтора. То есть оно, с одной стороны, есть, но оно не развивается. Оно находится все время в ограниченных масштабах и никакого отношения к реальному изменению потребностей людей, к их качеству жизни вообще гражданское общество сегодня в России не имеет.

Почему? Я не историк и не политолог, я политик. И в принципе я считаю, что есть две стратегии, два исторических пути развития гражданского общества. Если брать Европу, то там, неорганизованное или частично организованное гражданское общество, общественные движения, протесты, политический класс и т.д. привели к созданию развитой демократии. Развитая демократия консолидировала нацию в качестве граждан.

Что такое гражданин? В отличие от подданного гражданин ощущает себя субъектом. Он ощущает свои права быть не только объектом, но и субъектом построения всего государства.

Вначале демократия, потом гражданская нация. Стало все хорошо — притихло гражданское общество. Возникла проблема — это государство, которое мы нанимаем, надо корректировать, на него надо поддавливать, и не только для захвата политической власти, а для того, чтобы защитить собственный интерес, — и бурно после 50-х годов начинает опять развиваться гражданское общество.

Второй путь — подпольное неорганизованное общественное движение, или организованное: отдельные частичные гражданские организации приводят к построению демократического общества. С одной стороны, мы находимся на этом пути. У нас идет борьба за демократию. Еще пока реального демократического общества нет. И гражданские организации, не претендуя на власть, пытаются донести до обывателя, что мы *граждане*, мы *субъекты*, мы *имеем право влиять* на приня-

тие всех решений, которые касаются нашей жизни, — *они* стимулируют подвижку к этому демократическому обществу. Но дальше *они* «застревают» — в силу того, что нужна специфическая среда. И не происходит реального влияния и формирования демократии. Я говорю о маргинальных политических движениях, жестких, потому что им уже некогда, у них не хватает силы, возможности ждать, когда это гражданское общество созреет. Поэтому возникает разрыв между политическими партиями и гражданскими организациями.

Почему создалась такая мутная ситуация — ни туда и ни сюда?

Проанализируем условия существования гражданских организаций — самоорганизующих население, которые борются в защиту своих интересов, не претендуя на политическую власть. Они *могут* проводить политику, но их не интересует политическая власть, их интересует реализация своих целей.

Что для них требуется? Для них требуется: во-первых, чтобы они были независимы от государства в своем финансировании. Чтобы давить на государство, чтобы спорить с ним, вообще-то надо от него быть независимым. Если вы боитесь, что вам в этом случае государство не даст грант, то вы ничего защитить не сможете.

Второе — конечно, независимые средства массовой информации. Иначе как поднимать шум, для того чтобы привлечь к этой проблеме людей? Только через независимые средства. Через государство вы этого сделать не сможете, потому что вы его критикуете.

И, в третьих, это должны быть обязательно равные юридические права. Потому что как может бороться гражданская организация? Например, люди, которых выгнали из дома и переселили неизвестно куда под видом ремонта, а потом оказывается, что этот дом перекупается нефтяниками, и выселение к ремонту не имеет отношения, — они уже потеряли свои права! Они что должны к государству обращаться? Но государство — само преступник, оно совершило это. Значит, они могут только выходить на улицу и устраивать пикеты. Но чтобы выйти на улицу и устроить пикет, нужно разрешение местного органа власти. И тут они наталкиваются на стену. Под любым предлогом и любым способом, с юридическими закрутками,

но они не получают равных прав. Если вы реально боретесь не за власть, а за свой дом, то это все будет незаконно. Вас в любой момент посадят в тюрьму за то, что вы нарушили сегодняшнее законодательство.

Отсутствует среда равных прав с государственными организациями и с бизнесом. Если бизнес может хотя бы купить какие-то свои права, то у этих людей нет этих денег.

Поэтому возникает абсолютное неравенство. В этих условиях гражданские организации не имеют перспективы вылиться в создание гражданского общества. Какие вы видите перспективы?! Газету? Ну и что! Мы говорим о реальной защите прав людей. И, в конечном счете, цель — через создание гражданской нации перейти к реальной демократии. Само общество очень любит приводить пример солидарности. Но солидарность выросла из профсоюзов, профсоюзы независимы от власти и т.д.

У нас же все опутано — от Общественной палаты до раздачи грантов, законодательства, средств массовой информации. Кругом одно государство. Я считаю, нечего даже и сравнивать себя с европейским гражданским обществом. Но когда западные специалисты говорят: у вас тут все растет, и уже выросло, у вас все, как у нас — это все вранье. Потому что никакого отношения к реальной действительности это не имеет. Есть крошечное количество организаций, которое в кровь бьются за то, чтобы получить западный грант. Но чтобы получить этот западный грант, теперь нужно получить разрешение КГБ, ФСБ и еще кого угодно, и доказать, что вы не занимаетесь подготовкой «оранжевых революций».

Государство — везде и всюду. И если нация не воспринимает себя как нация граждан, а воспринимает себя как нация подданных, то, извините меня, никаких тут вообще гражданских организаций в массовых количествах, которые реально соответствуют их исторической роли, быть не может. Они могут быть частичные, революционные. Как правозащитники, как отдельные люди, которые бьются за дома, за то, за другое. Да, на энтузиазме. Но это же не тенденция!

На принципе «не дождетесь» растут романтические настроения. Но принцип «не дождетесь» не может лежать в основе научного анализа гражданского общества в России и вооб-

ще гражданских организаций как массового сектора. Все это смешно и перспектив пока не имеет никаких. Мы застряли по-середине: чуть-чуть здесь, чуть-чуть там. Так же, как вся страна.

То есть, когда страна политически не выбрала свою стратегию, когда в условиях глобального мира мы рассматриваем весь окружающий западный мир как вражеский, и поэтому проверяем каждый грант, — без этих условий ничего быть не может в XXI веке — сегодня, в эпоху глобализации. Михаил Сергеевич — это просто символ глобального мира. Он открыл «железные ворота» — сегодня их закрывают. Не так откровенно. Но в этих условиях гражданское общество как состоявшийся элемент самоорганизации нации рассматриваться в России не может.

Гражданские активисты политически ангажированы, но они не стремятся завоевать политическую власть

Йенс Зигерт,
Фонд им. Г. Бёлля

Нельзя не согласиться с тем, что в 90-е гг. ситуация для неправительственных и некоммерческих общественных организаций была конечно гораздо удобнее, гораздо свободнее, чем сейчас. Вместе с тем, в последние пять — семь лет произошло, на мой взгляд, достаточно большое продвижение вперед в двух смыслах.

Во-первых, произошла огромная профессионализация работы. Это напрямую связано с политическими вызовами, которые в это время возникали и возникают перед гражданскими организациями.

Второе продвижение вперед, которое я хотел бы отметить, — то, что росло феноменальным образом самоощущение гражданских организаций как политического субъекта,

возникло понимание, что есть совместные политические интересы, которые стоит защищать вместе.

Коротко о слове *политический*, которое я не случайно использовал. Фонд Белля, который я представляю, называет себя «политический фонд». Мы идеологически близки к Партии зеленых в Германии. Я много общаюсь с западными людьми, которые приезжают в Россию. У них всегда возникает недопонимание, когда звучит слово *политический*. Здесь, в России под словом *политика* понимают нечто другое, чем на Западе.

В английском языке, отличие от русского и немецкого есть разделение между сферой *politics* и *policy*. *Politics* — это непосредственная сфера политики, где борются за власть, хотят быть избранными в парламент, губернатором или президентом. *Policy* — это общественная, публичная сфера, в которой люди и организации формулируют политикам свои интересы и требования. В российской понимании под словом *политика* — на самом деле только имеется в виду *Politics*. В немецком языке слово *политика* соединяет *Politics* и *Policy*. В этом, германском смысле, гражданские организации, неправительственные организации или объединения граждан занимаются политикой, когда они отстаивают свои интересы.

В России, к сожалению, всегда надо объяснять, что *ты имеешь право вмешиваться в публичные дела*. Спрашивают: откуда ваша легитимность? Почему вы вправе этим заниматься?

Я попытался найти формулировку, чтобы лучше объяснить эту проблему. И пришел к выводу, что можно сказать так: гражданские активисты, или акторы гражданского общества политически ангажированы, но они не стремятся к тому, чтобы завоевать политическую власть.

Принцип создания сверху структур гражданского общества, безусловно, порочен

Юрий Джигладзе

Центра развития демократии и прав человека

Мы все прекрасно понимаем: для того, чтобы взаимодействовать, нужно две стороны. В 90-е годы мало кто во власти замечал неправительственные организации. К концу 90-х годов гражданские организации стали все больше и больше понимать, что бороться с последствиями ошибочной политики, нарушений прав человека, коррупции или просто преступлений представителей власти недостаточно, невозможно, что это порочный круг, и что мы вечно обречены крутиться, как белка в колесе, если будем решать только частные вопросы и исправлять конкретные несправедливости. Поэтому надо было научиться влиять на государственную политику, на принятие решений, научиться быть экспертами, вести с властью переговоры, организовывать общественные кампании, осуществлять гражданский контроль над выполнением решений. Короче говоря, влиять на власть в качестве равноправных партнеров, а иногда и заставлять ее.

Действительно, к концу 90-х — началу 2000-х произошел качественный и достаточно сильный перелом внутри гражданского общества. Все больше и больше у гражданского общества появлялась способность вырабатывать экспертные позиции, организовывать переговоры, общественные кампании и потом контролировать выполнение государственными органами решений в области политики и законодательства.

Таким образом, гражданские организации стали более эффективно реализовывать одну из трех главных функций гражданского общества, которые существуют в мире. Первая — это социальная функция. Она реализуется там, где гражданский сектор заполняет провалы государства и рынка в социальной сфере и предлагает разные инновационные модели, решения новым социальным вызовам. Вторая — это функция общественного контроля над государством, защиты общест-

венных интересов, влияния на принятие решений, ограничения государства, борьбы со злоупотреблениями и нарушениями, или функция «сторожевой собаки», если хотите.

Третья — это функция демократическая, функция самоорганизации граждан, функция способствования тому, чтобы люди становились активными гражданами, функция развивать демократию снизу.

Собственно говоря, вторая функция — контроль над государством и влияние на принятие решений — к началу 2000-х годов начала достаточно успешно реализовываться, хоть и постепенно. Если мы вспомним уже упоминавшийся первый Гражданский форум, проходивший в трудной и сложной борьбе групп с разными позициями, то осознаем, что нам сообщать удалось тогда выйти на прорыв в создании «переговорных площадок» гражданского общества и власти, в продвижении самой этой концепции переговорных площадок и взаимодействия между государством и гражданским обществом.

Качество гражданского общества к началу 2000-х годов очень хорошо изменилось в этом смысле. Но стало меняться и государство — увы, не в лучшую сторону. И в последние годы власть решила строить гражданское общество сверху согласно своему представлению о том, что ему, государству, нужно от гражданского общества, при этом не воспринимая граждан как самостоятельных активных участников жизни общества и страны, а с точки зрения только того, что нужно государству.

В лучшем случае государству нужны уже упоминавшиеся эксперты. Тогда они приглашают хороших экспертов, но не как равноправных участников диалога, а как помощников себе, оставляя за собой последнее слово. Часто это происходит в закрытом режиме, не в публичном процессе, а в тиши кабинетов. Мы вас уважаем как специалистов, но, извините, не будем афишировать взаимодействие с НПО — говорят нашим экспертам.

А в худшем случае государству нужно, чтобы некоммерческие организации только брали на себя социальное бремя в тех случаях, когда государству неудобно, не хочется возиться и мараться, грубо говоря.

В совсем плохом случае государству нужна от гражданских организаций публичная политическая поддержка власти

и ее отдельным представителям — поддержка как внутри страны, так и за рубежом. Это такая мобилизационная, пропагандистская политика, реанимированная идеология «приводного ремня».

На основе этой новой концепции, когда государство строит гражданское общество под свои интересы, и происходили все последние перемены в отношениях власти и общества — и принятие нового законодательства об НКО, и создание новых имитационных структур гражданского общества. Я не хочу открывать дискуссию о том, больше пользы или вреда от новых структур типа Общественной палаты. Наверно, от нее тоже есть какая-то польза. Но сам принцип создания сверху структур гражданского общества, безусловно, порочен.

Даже создаваемые в последние месяцы общественные консультативные советы при разных министерствах, которые сейчас вновь оживились, в том числе и потому что по закону они обязаны теперь это делать, — это происходит тоже сверху. И качество таких советов довольно сильно отличается от тех, может быть, не всегда неумелых, но, тем не менее, интересных и честных опытов конца 90-х — начала 2000-х годов, когда тоже были экспертные советы, но представители гражданского общества делегировались в них снизу, от самих неправительственных организаций.

Что же получается сегодня? Те гражданские организации, которые не вписываются в такую картину новой политики государства, не хотят быть либо социальным помощником, либо приглашенным подконтрольным экспертом в тех ситуациях, когда государству этого хочется, либо пропагандистом линии власти, те, кто не вписывается в эту модель и хотят продолжать говорить о своем видении общественных проблем, о злоупотреблениях, о том, где государство нужно ограничить, предлагать альтернативные решения, критически оценивая ситуацию, — такие организации становятся не просто оппонентами, но и воспринимаются властью как враги государства.

Конечно, я сильно сейчас упрощаю ситуацию в связи с ограниченностью времени для выступления, но картина складывается по существу именно такая. В результате публичной дискуссии вокруг нового законодательства об НПО, наложив-

шейся на «оранжевую паранойю» во власти, очень примитивно, упрощенно, в духе поиска внешнего врага представившую то, как происходили сложные события в соседних странах, получилось так, что неправительственные организации — те, которые самостоятельные и не хотят играть по новым правилам строительства гражданского общества сверху, — стали восприниматься властью как фактор угрозы стабильности и безопасности государства. В этом контексте и взаимодействие российских организаций на международном уровне в глобальном гражданском обществе тоже стало восприниматься как определенная опасность по отношению к государству, его стабильности, интересам страны.

Соответственно, те организации, активно работающие на глобальном уровне не как пропагандисты политики государства, а как самостоятельные организации со своим взглядом на развитие страны, особенно те, кто получает зарубежное финансирование, оказались в крайне тяжелом положении как организации, которые воспринимаются как потенциальные или уже реальные враги государства. Вот к чему мы пришли сегодня.

Что нам делать в этой ситуации? С одной стороны, конечно, менять законодательство. Причем я хочу обратить ваше внимание на то, что речь идет не только о законе о некоммерческих и общественных организациях. Мы говорим о совокупности разных законов, суммарном эффекте целого ряда законов и изменений. Речь, в частности, идет о законодательстве о противодействии экстремистской деятельности, о законодательстве о митингах, шествиях и демонстрациях, о налогообложении НКО и о благотворительной деятельности.

Мы говорим о целом комплексе ограничений, которые приводят к существенному осложнению работы гражданских организаций. И, конечно же, о том, что многие нормы этих законов преднамеренно не основываются на правовых понятиях, а на размытых, абстрактных концепциях, таких как национальный интерес, национальные особенности, культурное наследие, суверенитет, национальная безопасность и т.д. Это дает все основания и возможности для избирательного применения закона на неправовых, политических основах.

Более того, недавнее исследование целой группы организаций — Высшей школы экономики, МГУ, Института нацио-

нального проекта «Общественный договор», Института гражданского анализа и других — показали, что при нынешнем объеме требований к проверкам и кадровом обеспечении федеральной регистрационной службы некоммерческая организация в среднем может быть проверена раз в 80 лет — если проверять каждую. Значит, очевидно, будет избирательное правоприменение — и это уже происходит.

Наряду с изменением репрессивных законов наша главная задача — менять такое негативное, враждебное отношение государства к независимым гражданским организациям, которое приводит к принятию таких законов и реализации такой политики.

Однако еще более важная цель — работать с обществом. Сегодня без массовой поддержки общества никакие независимые организации со своей позицией, которые будет отстаивать право на существование во враждебной среде, не смогут выжить. Собственно говоря, реализация этой третьей функции — гражданского активизма, демократического развития снизу, возвращения ответственных граждан — является на сегодня самой перспективной и важнейшей задачей неправительственных организаций наряду с их выживанием в неблагоприятных условиях и сохранением того позитивного, что было достигнуто за пятнадцать лет.

Нужно, чтобы развивались демократические процессы

Михаил Горбачев

Выслушав все, что здесь было сказано, хочу поблагодарить участников конференции. Догадываюсь, что еще больше не сказано. Мне кажется, что мы можем быть удовлетворены состоявшейся беспрецедентной дискуссией.

Было высказано много справедливых упреков относительно того, как сейчас обращаются и с гражданским обществом: очень много имитации и нет развития реального демо-

кратического процесса. И все-таки я хотел бы, чтобы вы видели разницу с недавним прошлым и подумали над этим. Когда Путин принял власть, он принял хаос: был настоящий региональный феодализм, с губернаторами заигрывали, чтобы получить их поддержку. Федерация находилась на начальной стадии распада. В таком же состоянии — армия, социальная сфера, экономика, наука.

Я не представляю себе, как можно было действовать по святым принципам демократии, чтобы обеспечить «чистый» подход. По учебникам уже ничего не получалось — исторического времени не было. Мы деградировали — всем обществом.

Первый срок правления Путин использовал для того, чтобы, даже не обращая внимания на нашу критику, непонимание (а мы ставили вопросы) — стабилизировать ситуацию. И экономическая конъюнктура открыла для этого возможности. Эти два момента — предпосылки для движения вперед. У людей появилась уверенность, что-то стало меняться. Я думаю, что намеченные проекты — это тоже реакция на позитивные изменения.

Опросы общественного мнения показывают, что ни парламент не пользуется особым авторитетом, ни местные органы власти. Несколько выше авторитет церкви, может быть, армии (но не милиции). В то же время, по опросам, поддержка Путина населением составляет более 70 процентов. Потому что люди чувствуют: надо держаться за Путина, чтобы не сорваться хотя бы с достигнутого сейчас уровня. Но мне кажется, что было многое упущено, было потеряно время после окончания первого периода президентства. Самое главное — продолжали действовать теми же методами: не развивая активность граждан, не стимулируя демократию, активность, а, по сути, оставаясь на прежних позициях. Здесь, я думаю, мы справедливо высказываем замечания.

В конце XX в. и начале XXI в. более чем в ста странах ушли со сцены авторитарные и диктаторские режимы, но политологи фиксируют, что авторитаризм возрождается. Идет откатная волна во всех странах, которые избавились от диктатуры и авторитарных режимов. Политологи открыто говорят: вполне возможно, что XXI век станет веком возрождения авторита-

ризма. На международных форумах представители развивающихся стран обвиняют представителей развитых стран в том, что те устроились в «золотом миллиарде» и не видят, что происходит с остальным миром.

Жизнь не заканчивается, и я не вижу простых решений. Тем не менее, я уверен, что критический анализ, критические требования и претензии к политической элите, особенно в связи с выборами — необходимы. То, что происходит с избирательной системой в России — это приспособление ее к чьим-то узкопартийным интересам, но отнюдь не к национальным.

Должен сказать: без демократии и гражданского общества мы не выйдем на те решения и достижение тех целей, которые нами поставлены и к которым мы должны продвигаться. Гражданское общество — это и есть реализация главного демократического принципа: участия людей в изучении, обсуждении, принятии и исполнении решений. Нельзя одной бюрократией обеспечить решение всех этих задач. Это уже давно стало ясно — не 20, не 50 и не 100 лет назад.

Сейчас такое время, когда необходимо делать поворот в большой политике. Шансы для этого все-таки есть. Но, прежде всего, нам нужно, чтобы развивались демократические процессы, которые создавали бы ответственные демократические институты и стимулировали участие в них граждан. Демократия и гражданское общество — взаимодействующие силы, которые должны обеспечить движение, которое приведет к развитию нашего общества.

ДОКЛАДЫ,
присланные участниками конференции

Анатомия и контексты правозащиты

Виктория Шмидт,

Московская Школа социальных и экономических наук

Правозащитное движение и защита прав в России — не тождественные понятия. Под **правозащитной деятельностью** обычно понимают несколько поколений организаций и персоналий, вовлеченных в решение вопросов, связанных, скорее, не с понятием «право», но «свобода» — когда свобода человека ограничивается, и есть доводы в пользу минимизации таких ограничений (пусть эти доводы и не очевидны для власти). Правозащитная деятельность применяет характерные технологии обеспечения свобод, которые в первую очередь разделяются по способу оперирования действующим законом: или правозащитники действуют в рамках закона, или этот закон (практику его применения) стремятся изменить¹.

Защита прав включает политику институтов формальной, неформальной власти, направленных на улучшение доступа к правам (правда, перечень прав варьируется в разных подходах). Технологии защиты прав направлены на прямое или опосредованное улучшение доступа к правам. Центральным понятием для защиты прав становится неравенство, иногда и «социальная справедливость», а также уйма понятий, которыми жонглируют западные (временами и отечественные) исследователи: сегрегация и интеграция, депривация и валоризация, стигматизация и нормализация, эксклюзия и инклюзия, дискриминация и анти-дискриминационная практика. Правозащитники частенько утверждают о своей монополии на

¹ Такое деление отражает общую типизацию социальных изменений на изменение первого порядка (внутри уже существующей практики) и второго порядка (изменение самой системы).

защиту прав — они говорят от имени жертв, пострадавших от репрессий. Но что делать тем, кто не правозащитник и не жертва, кто просто живет? Этим вопросом задаются не только в России, но и за рубежом, поскольку все чаще к концепции прав человека относятся не как универсальному учению, но определенному периоду развития международной правовой теории и практики, который переживает свой кризис, а может быть, и подходит к логическому завершению².

Граница, которую я провожу, условна — но она нужна для идентификации тех, кто включен в систему социальной поддержки и защиты, и кому приходится время от времени отвечать на вопросы: «Кто я: правозащитник, социальный работник, борец, просто хороший гражданин, человек доброй воли и т.д.? В чем моя суть?» и «Как строить отношения с «другими»: государством, обществом, волонтером, профессионалом и т.д.?».

Правозащитная деятельность развивающихся стран (в том числе, России) занимает всего лишь нишу в движении по защите прав, и не всегда в нужной степени открытую для взаимодействия (даже не кооперации) с другими движениями по минимизации неравенства. Пробел такого взаимодействия мешает как отдельным участникам защиты прав, так и продвижению самих прав. С одной стороны, правозащитники не справляются с пониманием анатомии (внутреннего устройства) своей деятельности, а, с другой стороны, им все труднее выстроить ее внешние границы (например, начинает казаться, что кому не лень, все занимаются правозащитой...).

Цель этого текста — ответить на вопрос «Нужна ли отечественной защите прав рефлексия и в каком направлении эта рефлексия может существовать?»

Отношение к неравенству как основа типизации моделей правозащитной деятельности

Многие социальные институты (правозащитная деятельность, социальная работа, общественные движения) существуют постольку, поскольку отношения между людьми построены на неравенстве. За представителями таких, обусловленных нера-

² Kennedy D. The dark sides of virtue. Princeton University Press, 2004, p.29-30.

венством, институтов, остается решение, как относиться к неравенству: смягчать или бороться с неравенством, но если бы неравенства не было, то смысл существования таких институций исчез. Отношение к неравенству составляет ту базовую ценность, которая отличает одну модель защиты прав от другой.

Отношение к неравенству может быть **отрицательным** (бороться, сводить к минимуму); **положительным** (неравенство провоцирует развитие, заставляет людей развиваться и добиваться чего-то); **нейтральным** (неравенство — это совокупность обстоятельств, которые могут содействовать как преодолению дискриминации, так и ее усилению). Разное отношение к неравенству формирует и разные технологии решения одной и той же проблемы.

Положительное отношение к неравенству встроено в либеральную и либертарианскую традиции — неравенство осмысляется как фактор побуждения людей к достижению. Кроме того, неравенство осмысляется как нечто присущее каждому человеку — когда у каждого человека есть свой показатель, по которому он не равен с другими (имеет меньший доступ к чему-либо). Соответственно, и борьба за равенство должна регулироваться и ограничиваться — равенство не может быть и не должно быть всеобщим. Отличной иллюстрацией становится спич черта Баламута, написанный для него К. Льюисом: *«Если выйти за пределы политики, на равенство ссылаются только те, кто чувствуют, что они хуже. Фраза эта именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает. Тем самым он злится. Да, его злит любое превосходство, и он отрицает его, отвергает. Если кто-то просто не такой, как он, ему обидно. Никто не имеет права иначе говорить, одеваться, развлекаться, есть. «Ах ты, как чистенько выговаривает! Ясно, загордился...», «Сосисок он, видите ли, не ест! Какой интеллигентный! Свой парень все бы лопал». Словом, что ж он, мерзавец, не такой, как я? Не-де-мо-кра-тич-но!»*.³ Принимая неравенство за естественную среду существования человека, либералы понимают правозащитную деятельность как борьбу за свободы.

³ Менее интеллектуальным, но не менее целостным воплощением либертарианской концепции свобод, прав и сожительства неравных можно считать мультфильм «Cars» (в русском прокате — «Тачки»).

Отрицательное отношение к неравенству нивелирует различия между такими понятиями как эксклюзия, дискриминация и т.д. За каждым из феноменов находится именно неравенство, а игра слов⁴ отражает политически обусловленную смену установок исследователей — такова позиция тех, кто полагает неравенство однозначно отрицательным явлением. Неравенство осмысливается как следствие ошибочной политики и глухоты (пассивности) общества. Как минимум сторонники отрицательного отношения соглашались на введение системы сдержек и противовесов при либеральной политике, как максимум стараются изыскать способы трансформации политики.

Нейтральное отношение к неравенству означает, что оно не может быть сведено ни к бедности, ни эксклюзии, ни сегрегации, ни дискриминации, ни отчуждению. Важно, что все перечисленные феномены в отличие от неравенства оцениваются однозначно отрицательно. Неравенство не сводимо к этим феноменам, но оно состоит именно из них. Что же еще остается в неравенстве, кроме бедности, дискриминации и т.д.? Нейтральное отношение к неравенству основывается на идеи различного веса тех или иных общественно значимых ресурсов. Т.е. неравенство между людьми, разными группами становится следствием неравного положения ресурсов общественной жизни. Например, власть, материальные блага, общественные интересы и т.д. имеют принципиально разный вес в разных типах общественного устройства и в разных типах общества. Ни одно общество не может быть обществом равных — не потому, что люди различны (как полагают либералы), но потому что невозможно достичь баланса ресурсов. Демократия для представителей нейтрального подхода — не столь однозначная ценность, как для наивных и прямолинейных либералов.

Нейтральная стратегия основывается на понимании неравенства как системы концентрических окружностей. Неравное положение человека приводит к тому, что в неравном положении оказывается и его близкое окружение, и те, кто занимают помощь, и даже те, кто дискриминируют человека или группу людей. Нейтральный подход готов решать пробле-

⁴ Именно так, скептически, левые относятся к «новым» терминам: нормализации, инклюзии, валоризации и т.д.

му неравенства, не впадая в крайности отрицательного подхода с его мучительными вопросами «Где границы терпимости к нетерпимости?», «Как избежать позитивную дискриминацию?». Также нейтральный подход не впадает в крайность положительного отношения к неравенству — стремление возложить как можно больше (а лучше всю) ответственность на человека и его окружение.

Предоставление однополым парам права на усыновление ребенка — пример, который иллюстрирует особенности каждого из подходов⁵. Представители *либерального подхода* усматривают проблему в наделении однополых пар ресурсами отстаивать свои права. Предполагается, что однополые пары нуждаются в особых механизмах продвижения прав — например, важно создавать специализированные центры помощи, поддерживать специализированные программы оценки, вовлекать в центры усыновления в качестве специалистов представителей сексуальных меньшинств. Представители *радикального подхода* полагают, что общество найдет, к чему прицепиться и чем манипулировать, к какой бы ориентации не принадлежал человек — поэтому механизмы противостояния давлению общества и ограничениям одинаковы при всех ограничениях. Все будущие усыновители нуждаются в обучении приемам адвокации — поскольку родительские права тех, кто решается на усыновление, потенциально ограничено независимо от возраста, расы, национальности, сексуальности. Сексуальная ориентация — та здоровая доза скандальности, которая, по мнению сторонников радикального подхода, привлекает внимание к проблеме прав усыновителей в целом. *Рефлексивный подход* встраивает проблему сексуальности и семейного поведения в стереотипы общества относительно родительства и прав родителей. Вклад сексуальности в конфликт интересов детей и родителей, семьи и социума, социальных служб и норм права — все эти коллизии анализируются в рефлексивном подходе посредством интерпретации норм международного права и конфликта над-национальных и национальных норм права.

⁵ Исходим из посылки, что правозащитник «любой ориентации» безусловно «за» предоставление права геям и лесбиянкам на усыновление.

Защита прав: единство ценностей, мыслей и действий?

Тот или иной подход к защите прав начинается с позиционирования ценностей (что самое главное: социальные права, гражданские свободы, права поколения next...), однако этим «выделывание характера» подхода не заканчивается. Ценности должны быть обдуманы — а способов мышления выработано не мало, причем не всегда прием осмысления подходит для продвижения ценностей. Например, либеральные ценности не очень совмещаются с интерпретивистским мышлением — поскольку ценности требуют логического продвижения и конструирования идеальных типов и таксономий. В таблице 1 представлено сравнение всех подходов к защите прав с точки зрения пула ценностей, типа мышления и технологий защиты прав.

Таблица 1

Сравнительный анализ подходов к защите прав человека

Подходы	Ценности	Тип мышления	Технология
Либеральный	<ul style="list-style-type: none"> • сильное государство и сильное гражданское общество образуют гармоничную систему обеспечения прав («зрелая демократия»); • гражданское общество – единственная среда, в которой возможна эффективная защита прав человека; • демократия как высшая конечная форма развития 	Логические допущения и универсализация проблемы	Профессионализация правозащиты посредством создания государственных (прогосударственных) механизмов и уравнивание данной системы поддержкой независимой когорты профессионалов-экспертов
Радикальный Справедливость	<ul style="list-style-type: none"> • Общество и государство противостоят друг другу, общество время от времени – сильнее государства • Роль гражданского общества определяется контекстами социальной жизни; • Соотнесение типа демократии с прежним историческим опытом, типом плюрализма и т.д. 	<i>Детерминистское, диалектическое</i> (направлено на обнаружение причин и многоуровневый анализ факта неравенства)	Адвокация и преобразование правовых практик Социальные провокации Лоббирование

<p>Рефлексивный</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Общество и государство ограничивают права человека в равной степени, используя институт предписаний (вместе с тем, что человек должен делать, предписание социальное указывает на то наказание, которому подвергают не выполнившего предписание) • Гражданское общество не постоянная реальность, а возможности, которые есть, но которых следует достигать • Любое социально-политическое устройство имеет тень, попадая в которую человек ограничен в своих правах (поэтому защита прав обращена не только к институтам, потенциально ущемляющим права, но и путям, которыми люди попадают в эту «тень») 	<p><i>Интерпретивистское</i> (направлено на понимание и множественность интерпретации социального феномена; исторический ход и фактор, и объект воздействия)</p>	<p>Создание публичных площадок для самовыражения и поддержка возможности человека иметь доступ к таким площадкам на разных уровнях («странные» коалиции; политическая сатира; культура для культуры и т.д.) Позитивная маргинализация тех, кто обладает властными и материальными ресурсами</p>
----------------------------	--	--	---

Каждый подход прошел некое развитие, хотя и логика развития подходов различна. Например, радикальный подход отличается сменой поколений, а либеральный — большей преемственностью между стадиями. Рефлексивный подход развивается через преодоление пост-модернистской эклектики и стремление к отчетливому пониманию различий между разными подходами. Каждый подход проводит свои границы:

- либеральный — по преимуществу по контуру социальных наук и сфер профессионализма (юристам — юристово, психологам — психологово и т.д.);
- радикальный — по уровням и идеологиям (радикалы критикуют либералов за редукцию то к одной, то к другой науке и неспособность выстроить многоуровневую картинку нарушения прав);
- рефлексивный — посредством выявления подходов и методологий (соотношение ценностей и типов мышления).

Проведение границ определяет суть взаимодействия представителей разных «территорий» — борьба за соблюдение границ в первую очередь обеспечивает возможность кооперации, поскольку границы — они и есть границы, т.е. ограничения, которые могут быть преодолены только в совместной деятельности.

Технологии защиты прав

Описание технологий защиты прав предполагает ответ на несколько вопросов:

- Кто может защищать права (кто является носителем ценностей, мышления и технологий каждого из подходов)?
- Какие ресурсы используются для защиты прав? Какие ресурсы могут использоваться одним подходом и не могут использоваться другим?
- Какие способы продвижения прав реализуются? Что происходит при одновременной реализации разных стратегий продвижения права?

Современный либеральный подход основывается на идеи профессионализации правозащитной деятельности: юрист, профессиональный социальный работник, представитель академической среды — именно профессионал является носителем подхода. Противостояние профессионалов и государства составляет ключевую идею современного либерального подхода⁶. Независимость сообществ профессионалов — непреломное условие реализации подхода, поскольку депрофессионализация происходит в среде государственных служащих, поэтому так важно сохранять профессионализм как потенциал противостояния власти. Либеральная правозащита сосредоточена на выработке механизмов, предотвращающих монополизацию сферы принятия решений, связанных с обеспечением прав человека. Например, изъятие ребенка из семьи сопровождается в Великобритании рядом процедур, предполагающих учет интересов, потребностей и прав не только ребенка, но и родителей. Пристальное внимание к организационному дизай-

⁶ Clarke J., Newman, J. *The Managerial State: Power, politics and ideology in the remaking of social welfare*. London: Sage, 1997.

ну тех или иных механизмов предполагает постоянный мониторинг — именно поэтому независимые профессионалы-эксперты составляют основную часть либеральных правозащитников.

Как и прежде, радикальный подход полагает, что любой человек имеет опыт дискриминации и ущемления прав, а значит, может (а может быть, и должен) участвовать в правозащитном движении. Партисипативность — непереносимое условие защиты прав. Многоуровневый характер мышления радикальной правозащиты приводит к тому, что не только макроуровень влияет на микроуровень, но и микроуровень должен оказывать влияние на политический, экономический и академический компоненты. Западные радикалы распознают риск ухода элиты правозащитного движения в политику и потому стремятся удержать участие тех, кто борется за СВОИ права. Многоуровневые проекты в области правозащиты, построенные на идеях community based marketing, отличительной черте радикальных движений.

Рефлексивный подход предполагает объединение как органичную часть правозащиты — ни у кого, ни у волонтеров, ни у профессионалов, нет монополии на осуществлении правозащиты, более того, только коалиции могут продвинуть права человека в нужной мере. Постоянно помня о риске эклектизма, рефлексивные правозащитники задаются вопросом о том, с кем и куда они могут двинуться в сторону улучшения ситуации с правами человека. Установки на объединении были заданы еще такими пионерами рефлексивного подхода как Н. Манделла: «Главный страх человека состоит не в опасении быть неадекватным. Главный страх состоит в опасении быть отчужденным от своего таланта, единственного в своем роде. Перед человеком нет той единственной дороги, для которой он предназначен, и которая предназначена для него. Перед каждым из нас много дорог и много людей, которые готовы пойти вместе с нами по этому пути». Общество и рефлексия рассматриваются как две четко разделенные силы, линия их разделения «проводится» событием (см. схему 1). Наверное, наилучшая метафора рефлексивного подхода — это театр. Но не тот, в котором рефлексиируют зрители, а тот, в котором рефлексиируют актеры — игроки. Получается, что общество потребляет рефлексии так же, как и продукты массовой культуры или рекламы, не чувствуя разницы. Общество, как зритель в театре, приходит, ждет

Гражданское общество в России: настоящее и будущее

и получает... А тот, кто из сил выбивается и стремится выйти из этого общества, становится для этого общества всего лишь игроком. А вот кем он, тот самый, кто вышел, становится для себя? Это решающий вопрос для представителя рефлексивной правозащиты. Он может принять образ сцены и, играя для общества, быть вне него, а может и не принимать жизнь как сцену, и быть в собственном «измерении» — ровно до тех пор, пока кто-то не вернет его в роль зрителя, кто-то из рефлексирующих, который выбрался на сцену. По началу тому, кто завис между зрителем и сценой, кажется, что спектакль играется только для него — особого человека, вне сцены и вне зрительного зала. Но со временем тот, кто не выбрал определенную позицию, понимает — спектакль играется для многих, а он, не решившись выбрать зал или сцену, оказался не удел.

Схема «зал — сцена» кажется безобидной, она не так безобидна и может вписать в себя идеологии, схемы насилия, манипуляции сознанием и т.д.

Правда, выйти на сцену никому не возбраняется — наберись мужества, сил, ума и иди. Двое песочных часов в схеме —

Схема 1 Рефлексивный подход

это и есть модель зал-сцена (см. Схему 1). Вверху более живой, сценичный вариант, а внизу песочных часов — более пассивный, зарегламентированный, зальный. Ценности и мышление незаметно переходят в стереотипы и обобщения, но чтобы вернуть им исключительно ценностный или мыслительный контекст, нужно выйти на сцену и сыграть свою игру, пьесу. Нельзя рефлексировать, сидя в зале. Правда, возникает вопрос, а надо ли рефлексировать вообще, что случится, если верхние «этажи» схемы рухнут, втянутся в общество? Представьте себе мир без сцены, мир, в котором остался только «зал» или псевдо-сцена, на которой все то же самое, что и в зале — просто ряды и ряды жующих и спящих или заинтересованных зрителей, но не понятно, куда устремивших головы со всеми атрибутами органов чувств? В таком мире нет места для себя, и такой мир слишком жестоко мстит тем, кто хочет и может выйти на сцену, но никак не может найти это место — сцену. Уничтожить сцену, в том смысле, в котором здесь пишется о театре, легко (и как показывают изыскания Франкфуртской школы, есть много разных приемов: тоталитарный режим⁷, авторитаризм, одноразовая культура, победа страха над неизвестностью и любознательностью), а вот создать заново — трудно. Те, кто хочет на сцену и может что-то сделать там, в мире без сцены уходят в никуда.

Механизм, который сохраняет или уничтожает ту самую сцену, описан циклом: «предрассудки» — «сознание» — «решения». Предрассудок преодолевается в действии, а действие предполагает решение — но и само действие, и понимание его результатов не возможно без сознания и последующего производства предрассудков. Исключите одно звено этого «вечного двигателя», и мир превратится в огромный зрительный зал, перед которым вместо сцены окажется бездна социального произвола. Как социальный работник, который борется против неравенства, потеряет смысл своего существования без неравенства, так и рефлексивный подход без предрассудков пере-

⁷ Метафора сцены обыгрывается во многих фильмах о фашизме. В фильме «Ночной портье» почти навязчиво проводится идея девальвации сцены и выступления заключенных концлагеря среди палачей. «Кабаре» воссоздает идею сцены через показ маленькой, но сцены, которая теряет всякий смысл по мере нарастания реакции. «Мефисто» и «Хануссен» также проводят идею обесмысливания роли человека на сцене в период реакции.

станет иметь смысл. Предвзятости и неравенство, с точки зрения рефлексивного подхода не могут оцениваться как добро или зло — это нейтральные характеристики, которые приобретают смысл при наличии двух сторон: социума и рефлексии.

Верификация подходов, их многообразия и взаимодействия

Ни один из подходов не обладает универсальностью — т.е. не может продвинуть все права в одно и то же время в одном и том же месте одинаково эффективно. Кроме того, организации, которые занимаются защитой прав, встраивают свою деятельность в развитие гражданского общества и выполняют такие функции как:

- Плюрализация социальной жизни (расширение норм и правил, минимизация давления предписаний)
- Посредничество между обществом и маргинализированными группами (в том числе, и теми, кто имеет представителей в виде grassroots organisations)
- Публичная интерпретация властной политики, осуществляемой как на федеральном, так и на локальном уровнях.

Без решения этих задач продвижение прав человека теряет значение, и ни один из трех подходов не может справиться с решением этих задач в одиночку. Однако в России, как и других странах периода перехода, защита прав столкнулась с рядом ограничений для решения данных задач:

- харизматичные лидеры НКО (особенно для стран со сложившейся традицией жесткой иерархии и авторитарной власти, поскольку миссия организации трансформируется в позиционирование лидера, его опыт страданий, решений и т.д.);
- границы между разными НКО совпадают с этническими и культурными границами (особенно в мультикультурных обществах — что снижает ресурс объединения правозащитных организаций под одной организацией-зонтиком);
- кратковременность существования НКО приводит к недостатку связи с маргинализированными группами, чьи права нарушаются, сотрудники НКО — образованные специалисты, бывшие представители властных структур, которые соответствовали ожиданиям доноров в первую очередь, вос-

приимчивость к либеральным ценностям. По преимуществу НКО базировались в городе, и были далеки от нужд, например, сельского населения. Пропорция между НКО и grassroots организациями была не в пользу последних, т.е. потребности тех, чьи права НКО должны продвигать, были не известны. Скорее, НКО были склонны кооперироваться с властью, а не выравнять баланс между участием власти и общества в принятии и реализации решений;

- длительность и историчность общественного движения (замкнутость и клубный характер, мессианство) приводит к кризису идентичности НКО, которые в период авторитарной власти боролись с властью, а затем после победы демократических ценностей оказались не готовы к перестройке отношений;
- денежный поток со стороны доноров, стремление решить проблему правозащиты путем наращивания ресурсов организаций, что приводит к выработке сверхадаптивной способности правозащитных организаций — любые условия жизни только укрепляют потенциал организации для выживания, но ослабляют ее правозащитный потенциал. Таков парадокс немалой части отечественной правозащиты — чем больше ресурсов для сохранения себя имеет организация, тем меньше у нее ресурсов для эффективного выполнения задачи защиты прав.

Исследователи сходятся на том, что основным источником данных затруднений стало бездумное продвижение либеральных ценностей, которые подвергались существенной деформации и подрывали доверие общества к деятельности правозащитных организаций⁸. Насколько данный вывод правомерен для России?

Российское правозащитное движение характеризуется двумя взаимосвязанными проблемами. Во-первых, исторически оно перегружено либеральным подходом⁹. Монополия подхода — значимый фактор для его деформации. Во-вторых, даже применение либерального подхода, не говоря о ради-

⁸ Mercer C. NGOs, civil society and democratization: a critical review of the literature //Progress in development studies, 2002, 2, 5, pp. 5-22.

⁹ Который и вовсе не плох, правда, до тех пор, пока не становится монополистом в правозащитном движении. Открытым остается вопрос о том, любой ли подход имеет риск превратиться в монополиста, или это удел только либерального и только радикального подхода?

кальной или рефлексивной модели, отличается деформацией (например, смешением ценностей, противоречием между ценностями, типом мышления и технологиями). Проблемы приводят не только к ограничениям в понимании своей деятельности и взаимодействия, но и тому, что содержательные критерии правозащитной деятельности утрачиваются.

То ли политические амбиции либеральных объединений, то ли недостаток толерантности приводят либералов к тому, что их правозащитные ценности смешены с установками *mainstream society*. Например, правозащитное движение боится каких-либо ассоциаций с сексуальными меньшинствами. Сверх-радикализм западных либералов обеспечивает успешное продвижение прав тех, кто оказывается в самой тени общественной жизни — например, действуют движения за права *sexual workers*. D. Cameron, новый лидер консерваторов, выступает за продвижение прав меньшинств, легализацию употребления наркотиков класса А, усиление права на приватность в семьях со случаями домашнего насилия и т.д. Причем если лейбористы уходят все больше в сторону ужесточения норм общественной жизни, консерваторы подхватывают идею радикализации социальных ценностей в духе либертарианства 70-х гг. Отечественные либералы отличаются склонностью к почти стерильной гигиене и стараются держаться в стороне от таких тем. Многие социальные проекты (например, адресованные помощи людям с ВИЧ и СПИД, приемным семьям) и в России нуждаются в здоровом духе либеральной морали, но носители либеральных ценностей редко выступают на подобные темы, не следят за своей риторикой и даже поддерживают определенные дискриминационные языковые формы. Поэтому стремление остаться в стороне подрывает суть и направленность либерального правозащитного движения. Стремясь остаться чистыми (привлекательными) перед большинством, либералы оказываются далеко не такими чистыми перед собственными идеалами. Это далеко не единственный и совсем не самый «страшный» пример деформации правозащитной деятельности — однако приоритет поиска и обнаружения деформаций должен быть отдан не столько исследователям в области правозащитной деятельности, сколько самими представителям правозащитного движения.

1937–2007: ПАМЯТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Михаил Горбачев:

**«Мы должны сделать все,
чтобы общество шло по пути демократии»**

Сегодня Горбачев-Фонд и Общество «Мемориал» — объединили усилия для того, чтобы провести круглый стол, посвященный одному из самых сложных и трагических периодов нашей истории.

Жизнь идет, она ставит новые вопросы, но до сих пор продолжаются дискуссии об Октябрьской революции: была это революция или переворот, народная революция или заговор? Идут дискуссии о периоде сталинского руководства

Чем ближе мы к крупным политическим событиям, какими являются выборы в Думу, а потом президентские выборы, тем более обостряются эти вопросы и проблемы — и опять идут дискуссии.

Оказывается, уже выстроена новая историческая сетка: Сталин и его заслуги — это «золотой век», Хрущев — это утопия, Брежнев — это продолжение «золотого века», поскольку то был уже неосталинизм. Даже Юрию Владимировичу Андропову досталось все-таки место. Период Перестройки и Горбачев — исчезают, но появляются в другом ряду. Все это происходит в реальном контексте — и не случайно. Поэтому разбираться в давних и недавних исторических событиях оказывается полезно и необходимо. Тем более, что вступают в жизнь новые поколения. Даже те, кому 40 лет, и кто сегодня уже министры, мало знают об истории по-настоящему. А те, кому 30 лет, 20 лет — это поколения, которые нуждается в том, чтобы более старшие все-таки почувствовали свою от-

ветственность. Поэтому в названии нашей конференции «ответственность» поставлено рядом со словом «память». Память — то, что сохраняет или не сохраняет общество, ибо память — это преемственность, память — это уважение ко всему тому, что происходит на этой земле. И вместе с тем память — это уроки.

Нельзя жить в настоящем или выстраивать далеко идущие планы на будущее, если болезнь беспамятства поражает страну, общество или же отдельные слои народа. Но из уроков того или иного времени, из предшествующего, одновременно, рождается ответственность.

Думаю, что сегодня мы должны говорить серьезно и ответственно. Когда-то Ленин в одной из своих дореволюционных работ писал, что пролетариат через демократию завоевывает власть и через демократию управляет страной. По-моему, это очень четкая формула и, в общем, жизнь и мировой опыт подтверждают ее. В России сложилась другая ситуация — еще до революции появилось понятие о революционном государстве и ставка на диктатуру пролетариата. Конечно, здесь ни о какой демократии не может быть речи.

Все попытки сказать, что верхушка сотворила «Октябрьский переворот» нелепы: вся литература того времени показывает, что это было народное движение. Но когда произошел разгон Учредительного собрания, в котором у большевиков было около 20–24 процентов, а все остальные, особенно эсеры, имели больше — произошел, конечно, полный отказ от той формулы, которую выдвинуло большевистское руководство накануне революции. С этого началось, потом произошел разрыв с эсерами, потом всё то, что расколело страну, привело к интервенции, началу гражданской войны и Военному коммунизму. Но удивительно, что через четыре года (еще не закончилась гражданская война), в 1921 году Ленин говорит, что мы пошли не тем путем, и что необходима коренная перемена точки зрения на социализм. Результатом этого теоретического и политического анализа стал НЭП — сначала как временная мера, как отступление. Ленина обвиняют в предательстве социализма и предательстве пролетариата. Несколько человек из его ближайшего окружения кончают жизнь самоубийством, разочаровавшись в своем вожде. Это

была драматическая ситуация. Тем не менее, под давлением восстания в Кронштадте и крестьянских восстаний, против которых пришлось применять военную силу, Ленин идет на НЭП, а через некоторое время добавляет, что это всерьез и надолго.

Это, по моему мнению, смягчает ответственность Ленина за те промахи, просчеты, которые были допущены, ибо вряд ли кто-либо другой кроме самого Ленина мог бы продвинуть такую линию. Самое удивительное, что к 1926 году мы вышли на уровень 1913 года, потому что и частная инициатива, и личная инициатива, и частная собственность, и начавшиеся демократические процессы — всё это было налицо, меняло ситуацию и могло привести к возрождению страны.

Когда Ленин ушел, началась, колоссальная драка за власть в руководстве и в партии. Одна за другой сменялись дискуссии — «разборки», если использовать сегодняшний термин — и все закончилось победой Сталина и его узкой группы. Сталин включал в борьбу своих противников и делал их своими союзниками. Через некоторое время их постигала одна и та же трагическая судьба. Это было драматическое, тяжелое, страшное время. 1927 год — опять крестьяне и опять хлебозаготовки. У Сталина после его поездки в Сибирь возникает разочарование в НЭПе — и начинается борьба с НЭПом. В интересах индустриализации, которую необходимо было пробегать, а не пройти, понадобилась идея коллективизации. Кстати, большинство этих идей принадлежало Троцкому, и впервые им было высказано.

В конце концов, мы на тридцать лет получили тоталитарное общество, тоталитарный режим с монополией на власть одной партии и со всеми атрибутами, которые включает это понятие.

Здесь, конечно, возникает вопрос, над которым мы были в годы перестройки, когда возвращались к реабилитации, прекращенной в брежневские времена. Если, так или иначе, были реализованы идеи индустриализации и коллективизации, и кулаков-бедняг разметали по всему свету, а многих просто истребили — казалось бы, должно было наступить время спокойного творческого созидания. Так все и думали, но оказалось, что эта ситуация не устраивала, прежде всего, лич-

но Сталина и, конечно, ближайшее окружение, которое с ним было до конца, до самой его смерти. Завязка той ситуации произошла на XVII съезде победителей (в 1934 году), когда очень многие проголосовали против Сталина, которому, конечно, обо всем доложили. Я думаю, в этой логике — смерть Кирова, борьба со старыми большевиками — с теми, кто входил в окружение Ленина. Постепенно все делегаты Съезда были или репрессированы, или расстреляны. Потом надо было избавиться от исполнителей и свидетелей. И так это «коровое колесо» вращалось.

Я приводил статистику на Пленуме Центрального Комитета партии в 1987 году. По сути дела, старые большевики были постепенно истреблены. В конце концов, остался один Сталин. Даже будучи членами Политбюро, многие не знали так же, как и я, всю историю этого вопроса. Была комиссия Шверника во времена Хрущева, были собраны и написаны материалы, но никто о них не знал, они были спрятаны. В годы Перестройки мы эти материалы открыли. Они изобличали Сталина и группу приближенных к нему лиц, в первую очередь, Жданова, Молотова, Ворошилова, Кагановича. Мы видели бумаги, резолюции на списках, телеграммы.

Во время Большого террора удар нанесен был по Партии, ибо кадры истреблялись сверху донизу. Удар был нанесен по армии: все прогрессивно мыслящие и особенно независимые, самостоятельные начальники были оттеснены, а потом истреблены. Из 40 комкоров ни одного не осталось в живых. Дошла очередь до интеллигенции.

Был нанесен колоссальный удар по той части общества, которая могла взять на себя дальнейшие процессы социалистического строительства. У нас были основания сказать тогда, в докладе к 70-летию Октябрьской революции, что Сталин виновен во всех этих делах. Мы возобновили работу Комиссии по реабилитации. Она много сделала. Читать ее документы полезно, но тяжело. Очень тяжело. Это документы середины 80-х годов — по 1991-й год, а потом они обрываются.

Если следить сейчас за прессой, за манифестациями, движениями, видишь, что имя и портреты Сталина плывут чередой. Оказывается, мы не только не избавились от сталиниз-

ма, но его не «по каплям», а «стаканами», «ведрами» надо еще выдавливать из нашего общества. И самое главное, что в этот поток вошли молодые люди: то, что сохраняется у предшествующих поколений, восприняла молодежь. Многие поддерживают то, что связано со Сталиным.

Мы должны помнить людей, которые пострадали, потому что это урок для всех нас, и, как оказывается, урок не усвоенный многими.

Не думал, что сегодня скажу об этом — но скажу еще раз о судьбе моих дедов-крестьян, которые из бедняков стали середняками, получив землю от Советской власти. Один из них (отец отца) в колхоз не пошел — остался единоличником. 1933 г. — голод, из шестерых детей умирает трое. Деда за невыполнение плана посевов отправляют в Сибирь.

Дед по линии матери был заряжен прогрессивными взглядами. С фронта вернулся — и создавал коммуны, ТОЗы, а потом коллективизацию проводил. Настолько выдвинулся и развил свои способности (человек очень авторитетный был), что его утвердили заведующим РайЗО. (Тот, кто более-менее историю знает, помнит, что на селе это был главный орган в те годы, кроме, конечно, райкома партии. Ясно, что главными органами во все периоды Советской власти были партийные органы, где я проработал 50 лет.). Деда «за связь с троцкистами» арестовывают, репрессируют, приговаривают к расстрелу. Но время подходит к 1938 г. — началу 1939 г., когда стали выбираться из этой пропасти. Дальше — мартовский Пленум 1938 г. и другие, статья Сталина: уже понимают, что надо как-то завершать эту эпоху, хотя она так и не завершилась до самой смерти Сталина.

Копия Дела лежит у меня дома как напоминание, что я должен не забывать, что к чему. В заключении по Делу написано, что не понятно, зачем арестовывали, репрессировали, и не понятно, за что сидел. Признание из деда выбивали пытками: ему не в чем было признаваться, он ни в чем не признался. Мне шел уже девятый год, когда дед вернулся. Вся семья сидела за столом, когда он рассказал это. Больше он к этому никогда не возвращался.

На меня произвело впечатление, что дед постоянно говорил: Советская власть — это наша власть. Она нас спасла от

гибели; дала землю и т.д.; Сталин ничего не знал, это всё местные органы делали. Теперь я, его внук, знаю, сколько подписей и резолюций этим красным кровавым карандашом написано. Как Сталин сам, лично руководил процессами: какие вопросы задать, что сделать и т.д.

Мне думается, мы должны сделать все, чтобы общество шло по пути демократии, свободы прессы. Это не значит, что пресса должна быть бесконтрольной. Это не значит, что демократия — вседозволенность. Демократия — это то, что уже состоялось в демократических странах — и такой она должна быть. Например, в Германии сейчас идет борьба между полицией и определенными группами — но всё развивается в рамках демократического процесса. Власть имеет право защищать общество от беспорядков, которые ему угрожают, но нельзя допустить отторжения демократии, выведения власти из-под контроля общества, отстранения людей от обсуждения важнейших вопросов.

Всем нам надо иметь в виду, что за демократию надо страдать, надо поддерживать ее и продолжать идти демократическим путем.

1. Большой террор в сегодняшнем общественном сознании и национальной памяти

**Сегодняшняя тенденция направлена на то,
чтобы отодвинуть память о политическом
терроре на периферию сознания**

Арсений Рогинский,
Мемориал

Очень хочется поспорить с Михаилом Сергеевичем Горбачевым по целому ряду пунктов. Но у меня нет сейчас возможности сделать это. Причины и смыслы Большого террора, размышления о том, какие задачи стремился решить этим террором Сталин, равно как и механизмы террора, особенности каждой отдельной операции — все это не тема нашей первой сессии. Тема ее — не 37-й как таковой, а **память о 37-м**.

Одно только замечание: о том, против кого было направлено главное острие Большого террора.

И по сей день постоянно слышишь, что террор был направлен против партии, против «ленинской гвардии». Это все отголоски хрущевского доклада. Конечно, частично это верно. Но только частично. Давайте все-таки не позабудем, что членов партии, — и тех, кто состоял в ней к моменту ареста, и тех, кого исключили раньше, — их за два полных года, 1937 и 1938, было арестовано около 107–113 тысяч человек. Да, эти аресты были очень заметны: наркомы, члены ЦК, секретари обкомов и райкомов, командный состав РККА на всех уровнях, директора заводов, институтов, председатели колхозов, руководители и начальники отделов тысяч учреждений. И так далее. Но общее число арестованных органами безопасности за эти же два года — примерно 1 миллион 700 тысяч человек! Подавляющее большинство из них было арестовано в течение пят-

надцати с половиной месяцев, с августа 1937-го по ноябрь 1938-го. Я уже не говорю о тех, кто был арестован по делам милиции, хотя часть из них, по моему убеждению, тоже должна быть признана жертвами именно политических, а не каких-то других репрессий.

Конечно, более 100 тысяч репрессированных большевиков — огромная цифра. Но рядом-то еще более полутора миллионов никаких не партийцев, а самых что ни на есть «рядовых граждан»! Так что утверждения насчет того, на кого было направлено «острие террора» нуждаются, как минимум, в уточнении.

Вообще говоря, спорить о разных концепциях, выстроенных вокруг 37-го, можно сколько угодно, но есть два бесспорных факта. Первый — это что 1,7 миллиона было арестовано по политическим обвинениям. И второй — что около 725 тысяч из них было расстреляно.

Первая цифра, конечно, огромна; но бывали годы, которые, хоть и не достигали этого рекорда, но, скажем так, сравнимы с 1937–38-м. Например, годы коллективизации: в одном только 1933-м — полмиллиона арестованных, большая часть из них — крестьяне (я говорю только об арестованных, а не о депортированных). Мы как-то не помним эту фантастическую цифру. Мы помним о раскулачивании, о депортациях, о трудпоселках в Сибири и на Севере; но что в 1930–1933 арестовывали по 300–400–500 тысяч человек в год, это помнится куда меньше.

А вот со второй цифрой — совсем другое дело, тут 1937–1938 годы абсолютно уникальны, в другие годы ничего и близко такого не было. Если выстроить график казней по годам, то 1937–38-й на этом графике будет выглядеть огромным пиком по сравнению со всеми казнями, которые были до и после.

А теперь вернусь к теме нашей сессии, к теме памяти о массовом терроре. Ситуация представляется мне весьма печальной. В конце 1980-х гг., когда после десятилетий запретов эта память выплеснулась на страницы газет и журналов, на телевизионные экраны тысячами человеческих документов, она едва не стала общенациональной. А потом по множеству причин она отступила на периферию сознания. И причина здесь

не только в социальных потрясениях 1990-х, которые заставили отступить на задний план трагедии прошлого. И не только в том, что возобновившийся в 1989 году массовый процесс реабилитации принес какое-то успокоение в семьи пострадавших — а таких семей были миллионы. Главное в другом: это полу-стихийное возвращение памяти не было закреплено в некоторых вполне конкретных действиях государства и общества. Не было или почти не было этих действий. Поэтому и сегодня мы не в состоянии осмыслить катастрофу, которую пережили.

Какие действия общества и государства я имею в виду?

Первое: восстановление имен пострадавших. Есть ахматовский завет: «всех поименно назвать». Мы этот завет бесконечно повторяли в конце 1980-х, в уверенности, что страна идет по этому пути, что в ближайшие годы это всё у нас получится.

Каков итог на сегодняшний день?

Сейчас мы в «Мемориале» собираем в единую базу данных имена жертв политического террора. Базу разместим на CD-диске, который разошлем по библиотекам — областным, университетским, частично школьным. Этот диск будет выпущен не позднее, чем через месяц. На нем будут, во-первых, объединены списки из всех доступных нам региональных Книг памяти, а также изданных в разные годы перечней репрессированных представителей некоторых профессий (помните, выходили такие брошюры: «Репрессированные геологи», «Репрессированные востоковеды» и др.?). Ведь эти книги выходят тиражом 500-1000 экземпляров, полных комплектов их нет даже и в центральных библиотеках. Так что сведение всей информации из этих книг воедино имеет очевидный смысл. Во-вторых, мы включили в базу данные из некоторых Книг памяти, которые еще не вышли, а только готовятся к печати, и редакции которых предоставили свои списки в наше распоряжение. В третьих, очень много новых данных получено из региональных управлений внутренних дел, которые занимаются реабилитацией тех, кто был репрессирован в административном порядке — раскулаченных и сосланных крестьян, жертв тотальных депортаций по национальному признаку и т.д. В четвертых, мы включили туда часть наших собственных баз, накоп-

ленных мемориальскими организациями в ходе многолетней работы.

Из больше чем двух с половиной миллионов имен, которые будут на нашем диске, приблизительно тысяч 800 ранее нигде и никогда не публиковались. Конечно, с другой стороны, мы не смогли включить в единую базу довольно много уже опубликованных имен. Мы не можем учесть все имена из газетных статей, научных публикаций, из мемуаристики. На диске не будет уже составленных полных списков жертв террора в трех странах Балтии. И, увы, на нем почти не представлена Украина. Там эта работа давно и хорошо ведется, издано много Книг памяти, и они продолжают издаваться повсеместно. Но тут возникает другая проблема: книги-то они издают по-украински. Николаи превращаются в Микол, Алексеи в Олекс и т.д. А русская транскрипция имен и фамилий в этих книгах отсутствует, хотя почти все следственное делопроизводство велось по-русски. Что нам с этим делать? Пытаться самим транскрипировать «назад»? Если включать эту обратную транскрипцию в единую базу, то это гарантированная куча ошибок. Давать имена и фамилии в украинской транскрипции? Поисковая ценность такой информации будет почти что нулевая.

Сложные технические проблемы возникают и при попытках включить в нашу базу списки арестованных и депортированных, составленные в республиках с латинской графикой: Литва, Латвия, Эстония, Молдова. Мы пока не сумели решить эти проблемы; надеюсь, со временем как-нибудь с ними справимся.

Так вот, общее количество имен, которое нам удалось собрать и представить на диске, едва превышает 2,5 миллиона. А если прибавить к ней имена из тех Книг памяти, о которых я только что сказал (украинских и других) и которых на диске не будет, то общее число «поименно названных» составит чуть больше трех миллионов. Казалось бы, гигантская цифра. Но на самом деле это очень-очень мало: примерно четверть от 12–13 миллионов — общего числа жертв политических репрессий в СССР (это по самым умеренным подсчетам, базирующимся на той, довольно узкой трактовке термина «жертвы политических репрессий», которая вытекает из российского закона о реабилитации). То есть, мы можем сегодня «поимен-

но назвать» только небольшую часть жертв политического террора советской эпохи.

Вот итоги наши почти за 20 лет — ведь работа началась по сути с 1989 года, с памятного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, возобновившего процесс реабилитации. Когда же мы достигнем конечного результата, сумеем назвать **все имена**? Если исходить из нынешних темпов, то получается, что лишь через несколько десятилетий. Даже региональные Книги памяти во многих регионах пока изданы только частично, в некоторых — подготовлены, но не изданы, а в некоторых их еще и не начинали готовить.

Единственная возможность завершить эту работу в обозримые сроки — это государственное решение, однократная политическая воля государства. Такая политическая воля, которую оно проявило, например, когда было решено создать Книгу памяти Великой Отечественной войны. Было отдано указание, и во всех военкоматах, во всех военных и учрежденческих архивах очень быстро собрали огромное количество материалов. И стали известны многие миллионы имен. Но когда речь идет о политическом терроре, то этой политической воли со стороны государства мы решительно не видим, несмотря на многократные обращения к нему по этому поводу. Вот такая ситуация с именами. Это, пожалуй, ведь самое важное.

Второе: места захоронений жертв террора. Они тоже упомянуты в том указе 1989-го года; там сказано о «содержании в надлежащем порядке» мест захоронений.

Сколько же этих мест? Вот 1937 год. Готовится первая, и самая массовая, из «операций» — они ее называли «кулацкой». По этой операции, даже по первоначальным директивам, планировалось расстрелять около 100 тысяч человек — а в конечном итоге расстреляли по ней четверо больше. В июле собирают начальников местных управлений НКВД в Москву на совещание, обсуждают с ними «лимиты» на аресты и расстрелы, а также — некоторые технологические особенности этой операции. Ведь расстреливать надо **где-то**, и, стало быть, нужно готовить места для расстрелов — все эти расстрельные площадки, полигоны и, в первую очередь, подвалы. И, главное, **где-то** надо закапывать тела. И обязательно в глубочайшей тайне.

В каждой области были выделены специальные «зоны». «Спецобъекты». В Москве — аж два. И понятно, почему в Москве два. Потому что везде было одно управление НКВД, а в Москве их было два: одно — московское, а другое — центральный аппарат. И у каждого была своя территория для захоронений. Сегодня все знают эти слова: Коммунарка и Бутово. И цифры некоторые мы достоверно знаем: в Бутово в 1937–1938 захоронено более 20 700 расстрелянных.

Из всех этих крупных «спецобъектов» нам на сегодня известно не более 25 процентов. А это ведь только самые массовые захоронения, которые располагались, как правило, совсем рядом с областными центрами. Но далеко не всегда и не везде для расстрела свозили в областной центр: очень часто расстреливали и хоронили прямо в районах. Например, в одной Карелии этих мест, если я не ошибаюсь, больше пятнадцати. А, например, на Дальнем Востоке — не сосчитать. Хорошо еще когда под расстрельным актом внизу написано место, где приговор исполняли, но ведь это не будет точное место, там только будет написан город — Москва, Томск, а если маленький райцентр, будет написан этот райцентр. Но точного указания, где именно расстреливали, где тела закапывали, там нет. И нигде нет, ни в каких официальных документах, связанных с расстрелами, — за редчайшими, единичными, исключениями.

Исследовательница Ирина Флиге многие годы потратила на то, чтобы найти два таких расстрельных места. Одно место под Ленинградом, — не Левашово, о котором всем известно и где сейчас мемориальное кладбище, а другое, на территории Ржевского артиллерийского полигона, — и одно в Карелии, в урочище Сандормох под Медвежьегорском. Медвежьегорское захоронение обнаружили вместе Питерский и Карельский «Мемориалы». Но это чудо: просто случилось так, что сотрудников НКВД, которые в 1937-м занимались расстрелами, самих потом через год арестовали, и в их следственных делах нашлись показания, как и куда они везли людей, как связывали, как потом расстреливали. И там же — сравнительно подробные указания, где конкретно все это происходило. Речь идет о расстреле так называемого Соловецкого этапа — 1111-ти заключенных, вывезенных из Соловецкой тюрьмы и бесследно пропавших (то есть, то, что их расстреляли, к началу

1990-х было уже очевидно, — но вот где? Оказалось, что в Сандормохе). Сейчас в Сандормохе памятники, люди из разных стран приезжают, ежегодные дни памяти там проводятся. Каждое такое открытие имеет огромное значение, но достигается очень трудно. Это не чья-то злая воля: что кто-то знает эти места, а нам не открывает. Нет, это не так. Их действительно нужно искать, искать всерьез, искать, прежде всего, в архивах, опрашивать местных жителей, опрашивать бывших сотрудников НКВД или их близких — вдруг кто-то что-то кому-то рассказал.

О лагерных кладбищах я и не говорю. По самым примерным подсчетам, должно было быть не менее 10 тысяч лагерных кладбищ, и неизвестно сколько кладбищ при трудпоселках, но они практически все исчезли: заросли, распаханы, заасфальтированы, застроены. Их просто нет. Только единицы из них сохранились.

Сегодня многие сотни тысяч людей, может, больше, не знают, где похоронены их близкие: те, кого расстреляли, кто погиб во время следствия, кто умер в лагере или на спецпоселении.

Но здесь, чтобы что-то сдвинуть, что-то решить, нужна не только общественная энергия, здесь нужны возможности хотя бы для беспрепятственной архивной работы. Их нет; впрочем, это отдельная печальная история, которой я сейчас не буду касаться. И, главное, нужна политическая воля и энергия государства, энергия его структур. В выявлении мест захоронений жертв террора можно добиться какого-то результата только совместными усилиями государства и общества.

Но у нас нет государственно-общественной программы даже по созданию Книг памяти. Понятно ведь каждому, что без такой программы в полном объеме они не будут созданы. Никогда. Региональной инициативой, — местных администраций, местной общественности, — здесь не обойтись. И нет такой программы по поиску мест массовых захоронений.

Вообще-то, если совсем всерьез, то надо говорить о международной программе по увековечению памяти жертв террора, в которой будут участвовать все страны, входившие в Советский Союз. И государства, и общественность. Ведь программа эта — она касается всех, прошлое-то у нас всех общее. И арес-

товывали людей повсюду, и перемещал их террор из одного конца страны в другой, и убивали их, и умирали они от лишений — тоже повсюду. К тому же и документы о терроре рассредоточены по архивам всех наших стран. Так что это дело, которое можно и должно делать вместе. Возможна ли сегодня такая совместность? Похоже, не очень. Но может быть — завтра...

Третье: памятники. О них — коротко. О памятниках, кстати, тоже впервые — если не считать заявления Хрущева в 1961 году — сказано в январском 1989-го года Указе ПВС. Но сегодня, вместо многих памятников, на которые мы тогда надеялись, у нас так и остались закладные камни, установленные в 1989–1991 годах.

Выскажу только одно замечание. Нашу память о терроре уже явно и очевидно в последние годы выталкивают из центров городов на кладбища. Государство иногда поддерживает какую-то мемориализацию, но только на кладбищах, на выявленных местах массовых захоронений жертв. Мемориализация мест захоронений — кто бы спорил; но если только она, то есть в этом и некоторая подмена. Память о государственном политическом терроре должна быть закреплена в центрах наших городов. Помните, в Берлине стоит стела в центре города, их несколько там, и стрелочка — Дахау, стрелочка — Бухенвальд. Идет ребенок и спрашивает у мамы, что такое Дахау, что такое Бухенвальд. Мама ему объясняет. Так передается национальная память. Сохраняется и передается.

Ничего подобного у нас нет. И нет этих бесчисленных табличек, которые висят во многих немецких городах: «из этого дома тогда-то увели такого-то. Погиб в Аушвице тогда-то...». А ведь, например, только Москва и только от расстрелов потеряла более 40 тысяч человек. Но в Москве нет ни одной мемориальной доски, где было бы написано, что такой-то стал жертвой террора. Да, есть доски каким-то военным, каким-то замечательным ученым. Но ведь не сказано на этих досках, что люди эти были убиты! «Здесь жил маршал такой-то», «здесь жил академик такой-то»; а про то, что они были убиты, — ни слова, ни намек. И вот люди идут по городу, а никаких реальных знаков пережитого террора в городе нет. И так почти во всех городах, хотя в некоторых все же немного по-другому: в Петербурге есть несколько досок, в Перми, где-то еще. Кому-

то как-то это удастся. Нам в Москве — не удастся. Это все вместе и создает ситуацию полной утраты памяти о терроре.

Четвертое: музеи. О них скажу совсем коротко. Общественного музея истории политических репрессий нет. В 1989-м много писали об устройстве такого музея в здании, где располагалась Военная коллегия Верховного суда — один из главных штабов террора 1937–1938 годов; сейчас в нем собираются устроить торгово-развлекательный центр.

Региональные музеи. Как в региональных краеведческих музеях хранится эта память? Я часто бываю в городе Киржач, это во Владимирской области. Прихожу в краеведческий музей. Конечно, главная экспозиция и главная гордость краеведческого музея — Юрий Гагарин. Потому что он там разбился. Я не против экспозиции о Гагарине. Но вообще-то Киржачский район довольно большой, и есть список расстрелянных в этом районе — но в музее ни звука о них, ни слова. Таких краеведческих музеев у нас подавляющее большинство. Хотя есть и другие; региональная память о терроре, в отличие от общенациональной, в России существует. Об этом сегодня еще будут, надеюсь, говорить.

Пятое и, на самом деле, главное: учебники. О них здесь тоже наверняка будут много говорить. У меня, опять-таки, только одно замечание. Еще пять-десять лет назад мы обычно говорили: «В учебниках истории слишком мало, слишком отрывисто и слишком бессистемно говорят о политических репрессиях». Сегодня уже так не скажешь. Сегодняшняя тенденция совсем другая. Она направлена на то, чтобы отодвинуть память о политическом терроре на дальнюю периферию сознания.

Такова общая картина сохранения памяти о терроре, в том числе и в первую очередь о терроре 1937–38-го годов. На мой взгляд, она мрачная.

На что надеяться? На что опираться? Только на одно: по счастью, эта память все равно не исчезает и каким-то образом функционирует. Об этом, надеюсь, и будет идти сегодня речь.

Хранителем памяти является только разнообразное и глубокое общество

Борис Дубин,
Левада-Центр

В августе 2007 г. Левада-Центр провел исследование памяти о Большом терроре в массовом сознании. Сегодня я приведу несколько цифр, чтобы стало понятно, с чем мы имеем дело — а потом два слова о том, почему это происходит, почему такие цифры получаются.

Мы предлагали нашим опрошенным из списка 10–12 различных массовых терроров XX века выбрать, по их мнению, самый значительный. Самым значительным оказался наш отечественный, сталинский — больше 50 процентов указали на него. Три четверти при этом сказали, что это было политическое преступление, а не случайное стечение обстоятельств, и ему нет оправдания.

Движущей силой исполнителей, а во многом и организаторов террора, по мнению большинства (55%), был страх. Тем не менее, свыше 40 процентов наших опрошенных говорят, что не надо ворошить прошлое. Примерно столько же говорят, что надо не забывать о том, что с нами случилось. То есть почти пополам — в стране, два поколения которой прошли через тоталитаризм. 49 процентов (половина) считают, что организаторов и исполнителей, если они живы, следует оставить в покое, не трогать. 68 процентов (больше двух третей) опрошенных говорят, что нет никакого смысла искать виноватых. Иначе говоря, было, и давайте не будем ворошить, давайте забудем о том, что случилось.

Тут поневоле приходит в голову, что в нынешней ситуации, центральным словом, заклинанием в СМИ, в повседневных разговорах (если прислушаться к тому, что люди говорят в транспорте, на улице), является выражение «не грузить» или «кончайте грузить». За цифрами опроса, которые мы получили стоит примерно такая же установка: «кончайте грузить».

Почему так получается, и почему, как мне кажется, нам угрожает не просто беспамятство, а *некоторая возвращающаяся фигура беспамятства, своего рода, синдром беспамятства*.

Дело в том, что сообщество, которое наделено свойствами памяти, в наших отечественных условиях, по целому ряду исторических, социальных, политических и других обстоятельств мыслится только как целое — и целое, которое принадлежит государству. Элитами считаются только те группы, которые работают на это целое, и государство, которое воплощает это целое. В результате образуется неглубокое, даже *плоское общество*, сквозь которое довольно быстро проходит любой сигнал (приятный или неприятный). Оно сразу устает и в очередной раз произносит «не грузите, хватит; всё, мы уже накушались».

Начало многообразия, любая другая точка зрения, любая самостоятельная позиция в таких условиях принимает форму раскола. Та память, которая стала воскрешаться и развивать общество в конце 80-х-начале 90-х годов, оказалась встроена в эту модель. Память была употреблена против тех старых сил, которые как бы воплощали прежний строй, и как только это противостояние исчерпалось, исчез импульс запоминать.

Хотелось бы подчеркнуть, что хранителем памяти, как это ни парадоксально, является не монолитное общество, а общество разнообразное, общество глубокое. Тогда оно долго держит информацию, долго обдумывает, долго обсуждает, долго спорит вокруг какого-то факта, вокруг какой-то концепции — и тогда оно, действительно, имеет органы для сохранения памяти.

Ситуация конца 80-х — начала 90-х годов была чрезвычайно интересной, очень насыщенной, чрезвычайно богатой. Я передаю свои, в том числе, ощущения современника.

Я думаю, что большинство присутствующих здесь помнят это ощущение по себе, но случившиеся было поставлено в связь только с прежним режимом, а не с тем, почему это могло произойти. Оно не было связано с характером человека, который получился в этом обществе, с отношением этого человека к другим людям, с отношением этого человека к тому,

что происходит за пределами его Отечества, не было связано с его конструкцией прошлого с тем, как он себе представляет прошлое. Ведь прошлое для нынешнего россиянина это, вообще говоря, два события: победа в войне и полет Гагарина. Событийный круг года существует таким образом — не вписывается в него ни ГУЛАГ, ни Холокост, о котором большинство наших соотечественников толком ничего не знает.

В 1989 году порядка 38–39 процентов считали, что одним из главных событий XX века (оно было на третьем месте) для России были массовые репрессии сталинского периода. Проходит десять лет — 1999 год. От этих 39 процентов осталось 11 процентов. Что произошло? Оказалось, нет «устройств», которые держат память. Отсюда самое, может быть, важное — случившиеся тогда и продолжавшееся случаться еще многие десятилетия, *не было поставлено в связь с характером общественной морали*. Не было поставлено как моральный вопрос, поэтому ответы, которые мы получаем в опросах, можно подытожить одним словом-алиби: «нас там не было», «это не наше дело», «это нас не касается».

Михаил Сергеевич говорил, что террор — это касается нас всех. Оказывается, что не только для нас *не всех*, а что это вообще «нас не касается». Может быть, самое острое и опасное кроется здесь.

Приведу только одну цифру. Нами был задан вопрос: знаете ли вы о репрессиях 37–38-го годов? Сначала приведу данные по всем опрошенным: «достаточно много и в деталях» — 13 процентов; «в самых общих чертах» — 4 процента; «мало и совсем ничего не знают» — 41 процент (и некоторое количество затруднившихся с ответом).

Результаты ответа на тот же самый вопрос среди молодежи в возрасте 18–24 лет: «достаточно много и в деталях» — 2 процента; «в самых общих чертах — 28 процентов»; «мало и ничего — две трети».

Школьный учебник как «вместилище» принятой в обществе исторической позиции

Никита Соколов

Журнал «Отечественные записки»

Общественная память не только меняется, но она меняется не сама по себе — она формируется. Память специальными и целенаправленными усилиями формируют специально для того поставленные люди. Способы формирования памяти различны. Один из них — школьные учебники.

Да, это, безусловно, не самый эффективный способ формирования памяти — телевидение гораздо эффективнее. Но учебник важен сам по себе и, может быть, более важен, чем телевизор, поскольку учебник носит нормативный характер. Даже не в том примитивном смысле он нормативен, что в нем есть некоторый обязательный свод фактов, которые обязан школьник вы зубрить, чтобы ему дали аттестат, а том смысле более расплывчатом смысле, что общество рассматривало и продолжает рассматривать школьный учебник как вместилище общепринятой и разделяемой в этом обществе *исторической позиции*. За этой разделяемой позицией, которая откладывается в учебниках, очень интересно следить.

Учебник — жанр тяжелый, поэтому он инерционный, и отстает от общественных процессов. Поэтому то, что замечают социологи уже в 1999 г., в учебниках оказывается гораздо позже. Публика уже вполне купилась на гламур и просила ее «не грузить», но дети в 1999 г. еще продолжали учиться по учебникам, построенным на перестроечном консенсусе. Этот перестроечный консенсус, достигнутый в ходе краткого периода свободного обсуждения, о котором упоминал Борис Дубин (он говорил о конце 80-х и начале 90-х годов как времени «подлинно свободного и ничем не ограниченного, совершенно незашоренного и обсуждения и общественного формирования национальной памяти»), отложился очень важными тогда и приглашениями, которые вплоть до 2000 году были нормой для любого отечественного школьного учебника.

В самом грубом виде этот консенсус следует обозначить таким простым набором аксиом. Сейчас будет понятно, почему в разговоре о репрессиях, я говорю об аксиомах, потому что репрессии в общественной памяти существуют не сами по себе. Они включаются в некоторый контекст. Они включаются в некоторую историческую протяженность, некую цепочку связанных исторических смыслов.

Перестроечный консенсус заключался, во-первых, в том, что Россия — европейская страна, нормальный член международного сообщества, не имеющий никакого специального особого пути и специальной особой судьбы, и дорога наша есть дорога общемировая и никакой особенной не существует. Второй пункт заключался в том, что наиболее эффективным способом распоряжения национальными ресурсами являются личная инициатива и личная свобода. И третий важный пункт заключался в том, что террор неизбежно сопряженный с этой административно-командной, как говорили сначала, или — с тоталитарной системой, как стали говорить позже, является не просто тормозом развития, но абсолютным злом и формой «менеджмента», абсолютно недопустимой для общественного устройства.

Этот консенсус начал пересматриваться на рубеже тысячелетия. Но пока что социологические опросы показывают результат усвоения этого перестроечного консенсуса в старших возрастных стратах. Молодежь уже начинает воспитываться по учебникам другого типа.

Что, прежде всего, в новых учебниках чрезвычайно характерно? Перестроечные учебники, которые продолжали переиздаваться до 1997–1999 года, были самого разного стиля. Некоторые были более социологичные, некоторые более теоретичные. Некоторые, наоборот, тяготели к деталям и подробностям, но при всем при этом там всегда был человек. Во всяком случае, авторы к этому всегда стремились, хотя это не всегда удачно получалось. Сейчас происходит качественный перелом в школьных учебниках. «Ползучая» трансформация переходит в некоторый качественный скачок. Человек как автономный и ответственный субъект истории из школьного учебника исчезает и там начинает действовать историческая закономерность и ее полномочный представитель — государ-

ство. Люди тем самым устранились не только от страдательной роли, но и устранились абсолютно от активной роли в общественном процессе как в прошлом, так соответственно и в настоящем, и в будущем.

Чрезвычайно характерно в этом смысле победа в 2003 году на конкурсе Министерства просвещения учебника Никиты Загладина со товарищи, где впервые все эти тенденции и все эти ранее встречавшиеся не в таком букете элементы были сведены воедино и внятно артикулированы пункты нового, предлагаемого властью «консенсуса» в понимании отечественной истории: мы живем в неблагоприятной не только климатической, но и исторической зоне, между коварной Европой и дикой азиатской степью, поэтому всегда Россия — «осажденная крепость», все враги кругом; что всегда для того, чтобы оборонять эту осажденную крепость, нужна концентрация всех ресурсов как материальных, и так идеологических в единых руках. И эта власть, сконцентрировавшаяся в своих руках все ресурсы, может делать всё, что угодно пользоваться любыми средствами, поскольку всё искупается достижением главной цели — осажденная крепость продолжает благополучно отстаивать свою независимость.

Функцию главного оправдания власти в XX веке исполняет победа в Великой Отечественной войны, которая совершенно оприходована сейчас государством. Еще один из менее важных, но существенных элементов перестроенного консенсуса заключался в том, что не власть выиграла Отечественную войну, а народ своим героизмом, ценой чудовищных тягот и лишений тем не менее одолел супостата.

Ныне совершенно отвергнута и эта часть перестроенного консенсуса, и опять у нас войну выиграл мудрый Сталин, а великий полководец Жуков красуется перед Историческим музеем на Манеже. Возвращается вся концепция о том, что победа власти, победа государства, мобилизующего ресурсы.

Отсюда оставался один шаг, и он прямо делается уже в пособии для учителей Александра Филиппова, представленном публике месяц назад (загладинская команда три года назад еще не решилась его сделать): полное оправдание репрессий как эффективного инструмента построения новой элиты, гораздо более эффективной, гораздо более разум-

ной... Там есть дивная характеристика: преуспевшие в невозможном. И подлинно для этой системы нужны были исполнители, «преуспевшие в невозможном».

При этом фундаментальным оправданием системы по-прежнему провозглашается тот обстоятельство, что она обеспечивает чрезвычайно быструю и эффективную модернизацию страны. Но опять нас уведят от подлинного понятия «модернизация», нас уведят от реальной модернизации и сводят ее к технологическому оборудованию власти, к технологическим заимствованиям.

Между тем, любой социолог, любой историк скажет, что модернизация заключается вовсе не в этом, а в трансформации человеческих отношений, в трансформации институтов, позволяющей дальше обществу развиваться и реагировать на новые вызовы времени наилучшим образом. Благодарю вас.

Современное историческое знание о Большом терроре и публичная память о нем заметно разошлись

Ирина Флиге,
Мемориал

Моя тема — это вещественная, материальная память.

В отличие от вербальной, материальная память конкретна и убедительна. Ее нельзя заболтать, она легко читаема. Это предметы и знаки. Предметы — они такие, какие они есть, их только нужно подробно рассмотреть. Что до знаков, то вопрос, наверное, стоит так: почему они такие, а не иные, в чем их смысл, какое послание в будущее они в себе несут?

Вещественная память, как любая другая, делится на две категории: приватную и публичную.

Приватная — это то, что хранится в семьях как память о погибших. Это те вещи, которые вернувшиеся из лагерей и

ссылки привезли с собой и которые стали семейными реликвиями.

Публичная же память (которая в нашем случае часто опирается именно на семейные реликвии), состоит из четырех главных компонент. Первая — это тематические коллекции разных музеев. Вторая — это «шрамы террора»: остатки лагерей, шахт, лагерных производств, зданий тюрем и судов. Третья — это места массовых захоронений. И, наконец, четвертая — это памятники, мемориальные доски и памятные знаки.

Вот главные наши вопросы: какая овеществленная публичная память о Большом терроре сегодня существует? чья она? о чем она говорит? о чем свидетельствует? насколько полно и точно отражает сегодняшнее понимание Большого террора в обществе?

Мои наблюдения основаны на работе двух больших интегральных проектов Мемориала. Первый проект называется «Виртуальный музей Гулагаа», и суть его — соединение в едином виртуальном пространстве (в Интернете, на CD-дисках) разрозненных материалов по нашей теме, демонстрирующихся и хранящихся в разных музеях России и других стран бывшего Советского Союза. И второй проект — «Некрополь террора»: создание реестра учета всех известных на сегодня мест массовых захоронений. Оба эти проекта посвящены не только 37-му году; они про террор вообще. Но, занимаясь ими, начинаешь лучше понимать и специфические особенности памяти о Большом терроре.

Каковы же эти особенности? Главная из них: эта память беспредметна. Аресты и казни 37-го года сопровождала глухая неизвестность. Автомобили без опознавательных надписей. Немота зданий — без вывесок, без адресов. Отсутствие письменных свидетельств о судьбе арестованного. Арест как исчезновение, как смерть; но смерть неведомая, без даты, без места, без тела, без похорон, без могилы.

За арестом и обыском следовали конфискации, выселения, переезды, аресты других членов семьи. Да и сами люди вследствие чудовищного страха жгли письма и рукописи, уничтожали фотографии. Поэтому семейных реликвий очень мало. В семьях они называются так: «это всё, что осталось от папы». Но и эти чудом сохранившиеся малости — это не зна-

ки террора в прямом смысле. Это знаки жизни «до», знаки той жизни, которая была до катастрофы. И когда они глядели на эту жизнь из «после», она казалась им светлой и безмятежной.

Позднее появились более релевантные предметы: квитанции на передачи, копии заявлений и ходатайств о невиновности, ответы на запросы о местонахождении. В 1956 году в семейных архивах появляются специальные папки типа «Папины справки». Главными документами этой папки становятся справки о реабилитации, свидетельства о смерти. Дети начинают собирать по родственникам и друзьям старые фотографии и утерянные документы. Это и групповые, и семейные фотографии. Так было для семей 740 тысяч расстрелянных.

В семьях, прошедших через ГУЛАГ, основными реликвиями, бережно хранимыми, оказались письма и подарки (как правило, разные самоделки), присланные «оттуда». Позднее к ним прибавились сувениры, привезенные из лагерей: такие же самоделки, ложка, ватник и т.п. Еще позже — та же самая заветная папка со справками о реабилитации.

Гулаговские реликвии для периода Большого террора не специфичны. Они практически ничем не отличаются от экспонатов Гулага до Большого террора и после него. С единственной оговоркой: «ЧСИРки» — члены семей врагов народа, т.е. попросту жены расстрелянных в 37-м. В лагерь было отправлено около 20 тысяч женщин, на которых на воле остались дети. И начиная с 1939-го года, когда разрешили переписку, потянулись из лагерей посылки с подарками: рукоделие, рисунки, подарки детям. До конца 1980-х эта вещественная память оставалась не просто приватной, а более чем приватной. Даже дома она, как правило, не выставлялась на видном месте, а хранилась в заветных шкатулках.

Для музейного показа повседневность и массовость Большого террора открывались трудно. В начале 1990-х целенаправленное комплектование велось практически только «Мемориалом». Одним из самых ярких примеров такого публичного представления личной памяти явились «стены памяти». Помните? Конец 1980-х, «недели совести» в десятках, а, может, сотнях клубов, ДК и т.п. по всей стране. И на этих «не-

делях» — «стены памяти», стенды, куда каждый мог повесить или приклеить, что хотел: документ, письмо, фотографию, листок с карандашными записями имен. Именно на них выплеснулось, как вопль, как вопрос: что это было?

Сегодняшние экспозиции в краеведческих музеях очень часто оказываются по сути, а то и по происхождению региональными фрагментами той общей стены, на которой еще не было разделения ни по конфессиям, ни по национальным землячествам.

Большой террор в таких музеях в конце 1980-х был представлен как общая проблема для поиска общего понимания. Но этот подход постепенно становится анахронизмом. И музейные экспозиции, о которых я говорю, сегодня приобретают дополнительный смысл. Они становятся «воспоминанием о памяти», какой она была в 80-е годы. Впрочем, в любом случае музеи — это не то, что сегодня определяет общественное сознание.

Главным процессом в материализации памяти о Большом терроре стал поиск могил. Здесь тоже реализовывались личные, семейные интенции, личная потребность положить цветы на могилу. Но эти личные интенции сумели сформировать некий общественный запрос.

Валентин Тихонович Муравский, в 1989 году — руководитель поисковой группы петербургского «Мемориала», так до сих пор и формулирует: я искал могилу своего отца, а нашел 20 тысяч расстрелянных. В конце 1980-х — начале 1990-х такая инициатива возникала почти в каждом городе и районе. Но уже со второй половины 90-х поисковый импульс практически сходит на нет. И сегодня мы более или менее достоверно знаем лишь несколько мест массовых захоронений расстрелянных: тайна по-прежнему остается тайной. А тех, которых удалось превратить в мемориальные кладбища, и того меньше. Это Бутово и Коммунарка, а также несколько участков на городских кладбищах в Москве. Это Левашово в Петербурге; Сандормох в Карелии; Медное под Тверью; 18-й километр Московского тракта под Екатеринбургом. Да и, пожалуй, всё. Есть, правда, еще несколько мемориальных комплексов, связанных с историей террора, — мемориальные комплексы на горе Шмидта под Норильском, в Катюни, в Воркуте, в Хабаров-

ске, в Магадане, в Котласе, — но к 1937 году они не имеют отношения.

Что можно сказать об этих местах захоронения в целом? Границы захоронений почти нигде не установлены. Чаще всего отмечен только фрагмент захоронения. Численность захороненных всегда остается предметом яростных споров. Могилы, ямы, рвы остаются безымянными. В большинстве случаев нет возможности привязать к обнаруженному месту конкретные имена. В общих ямах лежат люди разных мировоззрений, разных национальностей, разных вероисповеданий. Какие на этих местах стоят памятники и памятные знаки? Какие общественные потребности в них реализованы?

Во-первых, в какой-то мере реализовалась личное, семейное стремление положить цветы на могилу — при всей условности этой могилы.

Во-вторых, торжествует национальное, конфессиональное, региональное сознание. Память оказалась переделенной между национальными землячествами, религиозными и даже профессиональными сообществами (например, отдельный памятник репрессированным сотрудникам «Ленэнерго» в Левашово).

В-третьих, эта память оказалась на периферии населенных пунктов, не на глазах. Расстрельные полигоны не располагались на центральных площадях. Те памятники, которые стоят не на кладбищах, а на улицах и площадях (а таких сравнительно немного), обычно стоят там потому, что близ данного города не нашли массового захоронения. То есть и эти памятники являются, по сути, кенотафом, условной могилкой. Если же захоронение найдено, тогда — туда, пожалуйста.

В-четвертых, в поиске, да и в мемориализации мест захоронений, за редчайшими исключениями, отсутствует вклад федеральной власти.

И еще очень важно, что эта память практически ничем не защищена на будущее. У мемориальных кладбищ террора нет ни регламентов, ни юридического статуса.

Наконец, последнее — это надписи на памятниках. В них крайне редко появляется слово «террор». Вместо него, как правило, фигурируют какие-то невнятные «политические ре-

прессии», жертвам которых и поставлены эти памятники. Слова «Большой террор» не упоминаются просто никогда.

Кто потребовал этих жертв? Кому или чему они были принесены? Большой террор, как историческое событие, существующее в своих причинно-следственных связях, со своими началами и концами, подменяется пустым, бессодержательным словесным оборотом. Это формирует в обществе совершенно средневековое восприятие исторической катастрофы. Вроде как какое-то поветрие прошло по земле, как чума. И ничего странного нет в том, что общественное сознание совершенно спокойно совмещает эти памятники с бюстами Сталина и с улицами, носящими имена палачей и организаторов террора. Память о 37-м в публичном пространстве оказывается памятью о смерти, жертвах, об убитых, но не об убийстве как таковом и не о механизмах убийства.

Дело могло бы быть исправлено достаточно легко. Можно акцентировать в том же самом пространстве наличие внемузейных объектов памяти от террора, его материальных следов. Это могло бы быть вывески на тюрьмах, расстрельных подвалах, зданиях управления НКВД. Их немало в каждом городе. И было бы достаточным внятно обозначить их указателями, памятными информационными знаками: здесь было то-то и то-то, в этом здании в 1937–38-м годах было уничтожено столько-то человек. Но сегодня таких указателей чрезвычайно мало. Это томские подвалы НКВД, мемориальные доски в Ишиме и на морге московской больницы №23. И всё. А главные объекты не только не снабжены никакими памятными знаками, но, как и в годы террора, остаются информационно охраняемыми. Во всяком случае, фотографировать Лубянку в Москве и Большой дом Ленинграде вновь запрещено.

С моей точки зрения, всё сказанное говорит о том, что современная историческое знание о Большом терроре и публичная память о нем заметно разошлись. Сегодня это две реальности и две правды.

Дети, родившиеся в начале 90-х годов, попали в пространство, где нет передачи памяти

Ирина Щербакова,
Мемориал

...Вспоминаю свой первый, публичный разговор со студентами. Это был 1990-й год. Речь шла впервые (я никогда не думала, что до этого вообще доживу) о памяти, о политических репрессиях. Это было в Историко-архивном институте. Я помню, как слушали — об этом все еще хорошо помнят. Я помню, как один мальчик после всего, мною рассказанного, вдруг встал и спросил меня: скажите мне, пожалуйста, (с таким ужасом на меня глядя), Вы когда-нибудь живого сталиниста видели? И я подумала, что вырастает счастливое поколение. Они думают, что это уже абсолютно ушедшее навсегда прошлое.

С 1999 года «Мемориал» начал программу по работе с молодежью. Мы объявили исторический конкурс для старшеклассников, который сейчас существует почти девять лет. Мы получаем по 3–3,5 тысячи работ о советском прошлом, регулярно стараемся проводить дискуссии. Учтем, что все-таки пишут нам только те, кто вообще задумывается о прошлом и даже садится писать о семейной, о региональной памяти и т.д.

Вот девочка (это было в прошлом году), написавшая очень хорошую работу, из далекой-далекой маленькой сибирской деревни. Идет дискуссия о прошлом, о роли Сталина — вдруг я чувствую, что как-то она мнется, не может никак сформулировать свою позицию. Я говорю: «Скажи, а ты можешь сформулировать, как ты все-таки к Сталину относишься?» Причем надо вам сказать, что она свою работу написала о том, что у нее один дед, был сослан из Литвы в 19 лет, попал в Сибирь за участие в сопротивлении, а бабушка (так они там и познакомились) — за связь с бандеровцами. Эту историю своей семьи она в работе подробно описывает. Эта девочка отвечает мне: «про Сталина, что вам сказать — он был эффективный менеджер». Просто она не знала, как ей это сформулировать.

Я увидела, что произошло за это время, и куда мы их с «менеджментом» привели.

Все работы, которые к нам приходили в 1999-м, 2000-м, 2001-м и еще года два-три, начинались преамбулой, что у нас было очень тяжелое прошлое. Было ощущение, что каким-то образом до школьников донесли, что у нас были трагические моменты в нашем прошлом. Теперь это вступление начинается с двух абзацев о патриотизме и восхищении великой Родиной. А дальше идет обычная история о прошлом семьи: 70 процентов работ о раскулаченной и уничтоженной крестьянской России. Истории таких семей приходят к нам тысячами.

Дети, родившиеся в начале 90-х годов, сразу попали в пространство, где, как правило, нет передачи той памяти или даже молчания памяти о прошлом. Это было и жило в очень многих семьях — или молчание памяти, или сокрытие, но дети знали, что-то за ним стоит, что-то трагическое есть — и рвались к пониманию.

Сейчас этого совершенно нет, потому что, почти не осталось живых свидетелей, и нет живой передачи памяти, а культурная память ослаблена и нужны специальные усилия, чтобы ее сохранять. Тем более, что началась довольно массивная атака по пересмотру этой памяти.

Не так давно мы встречались с учителями из регионов. Сейчас везде проходят конференции по обсуждению филипповского пособия для учителя, которое предваряет учебник. Это называется обсуждением, но идет массажирование внедрение этого пособия, которое вышло большим тиражом. В главе «Споры о Сталине», которая так лукаво называется, потому что мы погружаемся в пространство полуправды, полулжи, и таким образом воспитываем совершенно законченных циников, — вывод чрезвычайно простой: действительно, были репрессии, но что же делать с этим народом, который по-другому, во-первых, не может (другой власти не понимает). Во-вторых, для модернизации нашего общества, в конце концов, это было необходимо.

Если мы, уйдя с исторической сцены, оставим только такую память о прошлом, это будет нашей большой виной и безответственностью перед будущим.

Память нужна не только, чтобы помнить, но и чтобы понимать, что происходит

Григорий Явлинский,

председатель Российской объединенной демократической партии «Яблоко»

Я хотел выразить огромную признательность «Мемориалу» за то, что сегодня мы можем обсуждать эту тему. Речь идет, конечно, не только об этом семинаре, а о той гигантской, самоотверженной работе, которая делается очень профессионально, несмотря на все перепады и сложности по отношению к этой теме — иногда это напоминает «плавание в серной кислоте», но работа продолжается. И любой человек может увидеть колоссальные плоды этой работы.

И сейчас, вспоминая 70-летие этих трагических событий, мы понимаем значение этой работы.

Символично, что площадка для такого серьезного разговора предоставлена Фондом Горбачева, самим Михаилом Сергеевичем. Михаил Горбачев всем людям в нашей стране дал свободу. Даже тем, кто ее никогда и не просил, и не хотел. А что они сделали с этой свободой, — это, скорее, их проблема, чем его. Он почему-то посчитал (не известно, почему генеральным секретарям приходят такие мысли), что люди должны быть свободны. Это было и остается главным. И все люди, которые ценят свободу и понимают ее смысл, всегда будут благодарны тому, что произошло при Михаиле Горбачеве.

Здесь есть важный момент и в контексте нашей темы. Впервые в короткий промежуток жизни нашего общества, в конце 80-х годов, пытались создать или модифицировать государство, которое бы не было врагом граждан. Начиная с 1987 года, государство все меньше и меньше становилось врагом. Оно становилось партнером. Но это длилось очень недолго.

Сегодня мы говорим о памяти, а память нужна не только, чтобы помнить, но и чтобы что-то понимать, что происходит. Недаром слова «помнить» и «понимать» так похожи.

Сталинизм как систему проще всего понять, если посмотреть известный приказ о репрессиях и увидеть механизм убийства. Я думаю, очень мало людей это видели. Это такая таблица, где написано: Московская область, расстрелять столько-то, посадить столько-то. Вот, собственно, всё. Фамилии, люди — не имеет значения. И докладывать 1-го, 5-го, 15-го и 20-го. Это особый вид террора. Сейчас много говорят о терроре — международном терроризме, о контртеррористических операциях, о борьбе с терроризмом. Это сейчас очень модно. Но определить, что это такое, пока не могут. Государственный терроризм — это особое дело. И не только по механизму исполнения. В этом механизме исполнения есть особое свойство: государственный террор всегда уничтожает лучших. Может быть, потому что они виднее других. Не потому что они — начальство, оно далеко не всегда бывает лучшим. Но все, кто хоть как-то выделяется, отличается от серости, бездумности, холуйства, — это первые кандидаты попасть под государственный террор. В этом особенность Большого террора.

Сталинизм — особая вещь, в отличие от нацизма, у него сложилась другая историческая судьба. Он не был устранин с исторической арены и принимал новые формы, мимикрировал, развивая свои принципы. Они хорошо известны. Это принципы, как здесь было здорово сказано, эффективных менеджеров. Цель оправдывает средства; человек — мусор и полуправда плюс полуложь — вот три принципа сталинистско-большевистской системы. Она существует не только в нашей стране, ее черты можно разыскать и в других странах.

Для нас это особая проблема. Большевизм потому и победил, что есть определенные очень глубокие культурные корни у этого явления. Именно поэтому два раза в XX веке в нашей истории произошло полное крушение российского государства, и произошло оно по правилам этих эффективных менеджеров и с соответствующими последствиями.

Эти принципы — ведь не какие-нибудь философские формулы, они заложены в фундамент построения системы. Они имеют практическую системную реализацию, специальный механизм действия.

Посмотрите вокруг. Эти принципы живы. Например, какие главные черты, конечно, соответствующие XXI веку, — мы можем наблюдать в политической системе? Отсутствие независимого парламента, отсутствие независимой судебной системы, отсутствие какого бы то ни было общественного, не говоря уже о парламентском, контроле за действиями спецслужб и правоохранительных органов; отсутствие независимого свободного высказывания мнений.

Вот у меня спрашивают: а есть ли в России возможность свободы высказывания мнений? Я говорю, что у нас, вообще-то, всегда была свобода высказывания мнений. У нас была проблема со свободой после высказывания мнений. А во время высказывания — ничего, можно успеть.

А если взять экономику — например, бизнес. У нас был Госплан. Но сегодняшняя организация экономики больше похожа на госклан, когда небольшая часть государственных людей, попавших на государственную службу самыми разными путями, контролирует ключевые позиции в закрытом нетранспарентном режиме.

Система сталинской экономики решала сложную задачу. Ей нужно было, с одной стороны, обеспечивать технический прогресс и промышленный рост, а с другой — создать такую систему, которая бы гарантировала абсолютно непоколебимое сохранение власти. А это противоречивая задача. И для этого были придуманы специальные механизмы. Например, все получали план, который невозможно выполнить, и поэтому власть закрывала глаза на время на это невыполнение, но зато в любое время могла любого схватить и судить за невыполнение этого плана.

В силу целого ряда обстоятельств — например, многих чисто большевистских подходов к проведению реформ середины 90-х годов — сегодня создана такая система собственности, что этот механизм можно повторить, и он повторяется, и он применяется в любую минуту. Одним прощается до времени, к другим применяется немедленно. Наша сегодняшняя система построена на избирательности закона. Эта избирательность, случай и сила определяет поведение всех фигурантов. Так функционирует система: все и всегда могут оказаться в любую минуту виноватыми.

Здесь уже говорилось о том, что этот механизм, в том числе репрессии, был применен для индустриализации. Я обращаюсь к молодым людям, особенно к тем, кто интересуется экономикой: история показала, что тоталитарные, а в большей степени авторитарные режимы, с разной степенью принесения жертв, могут осуществить переход от аграрной экономики к индустриальной. Например, в Юго-Восточной Азии. Но абсолютно твердо можно утверждать, что переход от индустриального общества к постиндустриальному на авторитарных основаниях (а в России сегодня существует авторитарная система) невозможен в принципе. Это временное наркотическое опьянение и галлюцинации, появившиеся от невиданного потока денег, хлынувшего в страну. А фундаментальными основаниями перехода к постиндустриальному обществу являются свобода, справедливость и демократия, и никакого другого рецепта не существует. В противном случае, стране угрожает отставание, которое будет непреодолимо.

Что делать? Ответ у меня такой — *делать*.

Есть документы о том, как был выстроен механизм убийства. Мы сделали тираж — 50 тысяч экземпляров и разослали его по почтовым ящикам. Вот это и надо делать. Не жаловаться просто, а делать. Но это долго, это трудно. Вот и будем делать столько, сколько сможем.

II. Конструкции прошлого и социальная ответственность

**Вина и ответственность — те наши
возможности, которые открывают
сознательный путь к прощению и
одновременно, к забвению**

Валерий Подорога,
Институт философии РАН

Хочу сделать решительный шаг к тому, чтобы обратиться к ответу на вопрос, который уже присутствует в обсуждении: не *как* это было, а *что* это было? То есть о феноменальности этого невероятного, чудовищно тяжелого опыта, который пережила страна — о том, что с ним, собственно, делать не только в контексте непосредственной мемориальной памяти (уже многое ясно, мы даже знаем, как это было). Почти каждое поколение, так или иначе, пытается ответить на вопрос: что это было?

Это же касается и общеисторического взгляда, потому что, конечно, если мы признаем Большой террор неким событием, то мы должны к нему относиться как к событию, находящемуся не только в русской истории, но и в европейской истории, а возможно, даже и мировой. Эта включенность события в исторический контекст тоже играет колоссальную роль, потому что это, в конечном счете, связано с понятием вины и ответственности за происходящее, за то, что произошло в этой истории.

Я буду говорить о некоторых различиях и возможно даже терминологических тонкостях. Все равно нам нужно будет пройти этот путь для того, чтобы выйти на такую дискуссию — может быть, общероссийскую дискуссию по поводу истории, памяти. Тем более, примеры того, как похищается история,

нам уже видны. В частности, этот учебник для начинающих учителей, как раз и показывает, что сегодня можно очень просто обходиться с памятью, если не поддерживается тонус и накал общей дискуссии или общего обсуждения, которое, мне кажется, как и в европейском сознании (например, в немецком), ведется непрерывно. Дискуссия не должна останавливаться — это непрерывное подключение разных поколений исследователей, теоретиков и практиков к тому, что, собственно, представляет из себя эта история (если мы вообще имеем эту историю).

Когда-то Ницше выделил три типа истории, и выдающиеся историки, философы истории так или иначе эти три разновидности очень часто используют. Это — антикварная история, мемориальная и критическая. Все они идеально и чисто, как типы, не выделяются, почти целиком и полностью друг друга иногда поглощают, взаимовлияют и т.д.

Мне показалось, что в связи с нашей темой мемориальная история наиболее ясна, она связана даже с какими-то нравственно-эмоциональными и отчасти количественными параметрами, очень важными статистическими исследованиями, очень важными поисковыми тяжелейшими работами (можно просто восхищаться энтузиазмом людей, которые осуществляют эту работу). Тем не менее, мы должны все-таки признать, что мемориальная история является объективной историей, т.е. историей, которая не запоминается, которая требует обязательно мемориала, требует обязательно каких-то знаков, требует какого-то постоянного отношения к себе, которая овеществлена в чем-то, что должно сохраняться независимо от того, знаем мы эту историю или нет. Это история в качестве напоминания.

Часто слышится требование от государства создать мемориальные парки, и я согласен с этим. Тем не менее, это одна только лишь из функций, потому что есть еще антикварная история — собрание причудливых остатков ушедшей эпохи, которую мы даже не можем хорошо восстановить, т.е. это ушедшая полностью история. И так история мемориальная — это та, которую мы не отпускаем и не даем ей уйти, которую пытаемся как-то сохранить, но сохраняем только в форме эмоционального отношения и знака, выражающего это отношение.

Наконец, следующий этап — уже, собственно, критическая история, где идет вопрос о своевременности или несвоевременности оценки события, т.е. здесь мы включаемся в понятие *события*. Для истории это центральнейшее понятие. Я хотел бы вас отнести к сложному и очень важному спору, возникшему в 1985–1987 гг. в Германии в связи с некоторыми позициями немецких историков, которые пытаются некоторым образом не то что обелить, а расширить рамки понимания национальной немецкой беды.

Мы знаем, что прошли две различные волны денацификации, начиная с 45-го года. И несколько волн было в Германии. Но тем не менее устоявшаяся норма ответственности всего немецкого народа сохранялась. И, вероятно, попытка постоянной угрозы идентичности спровоцировала исторический спор, где возникла важная проблема.

Она заключалась в том, можем ли мы признать Освенцимом — т.е. Освенцим в этом случае рассматривается как событие, связанное с нацизмом и не только с нацизмом, а с широкой ответственностью всего немецкого народа за Холокост — можем ли мы это признать, или расширить рамки этой ответственности? То есть вопрос заключался в определении Холокоста или Освенцима как события. Если это событие, то оно уникально, неповторимо, неподражаемо и неистребимо в своей жестокости, чудовищности и т.д. Тогда у нас получается выход из истории. В истории такое событие не держится. Оно просто абсолютно уникально. Оно не сохраняется в истории. Оно отдельно исследуется, отдельно входит в мемориал, отдельно им занимаются, отдельно его изучают. Это как бы вне историческая история. То есть история очень странным образом не растворена внутри этого события, само событие с историей как бы не связано. Это что-то, что нельзя было никогда, ни при каких условиях допускать человечеству или человеческому сообществу. Но это произошло.

Очень известный историк Э. Нольте, неожиданно сделал своеобразный ход. Он расширил понятие ответственности немецкого народа. Он попытался связать эту непосредственную ответственность с некоторыми образцами общеевропейского поведения, и, в частности, он связал ее с большевизмом. Он предположил, что большевизм создал *образцы пре-*

ступления, которые просто были заимствованы Гитлером, его группировкой, нацистами и т.д. Такая концепция, с одной стороны, простая, но очень тонкая по своей сути. Потому что в том случае, если мы это событие делаем не уникальным, а переходящим и, более того, повторяющим какое-то другое событие, то первичным становится событие — преступление, которое опережает гитлеровский, нацистский террор и гитлеровско-нацистские лагеря. То есть как бы до лагерей нацистских уже существовала некоторая практика уничтожения и отношения к человеческой личности, которое возникает вместе с большевизмом.

Спор был очень жаркий. Он был очень серьезный, потому что вопрос здесь неимоверно определен: в какой мере немецкая вина может быть осмыслена и каким образом можно от нее, хоть от части, избавиться, т.е. расширить зону ответственности. В силу этого Нольте выдвинул идею вот этой европейской гражданской войны, которая шла непрерывно в течение определенного времени, после 17-го года. Но в любом случае вот эта всеевропейская гражданская война привела к тому, что формы, образцы и поведение и пренебрежение личности, правами человека, легкий переход к насилию, к жестокости, к уничтожению складывались не в рамках какой-то отдельной страны, а общей совокупной ответственности, которую должно нести все европейское сознание, участвующее в этой гражданской войне.

Я обрисовал в очень грубых красках, в общих чертах этот спор. Для нас он полезен тем, что, я думаю, мы до сих пор не можем выйти на какой-то возможный уровень включения события Большого террора в рамки некоторого исторического опыта, потому что история все-таки должна как-то складываться, и она должна носить характер концептуализации. Мы должны знать, что мы обладаем какими-то четкими и ясными представлениями и понятиями.

Тема, например, «Большой террор» — это как бы метафора. Или что это? Или это представление. Или что это? Я не встречал работ, которые бы выходили на уровень философско-исторического осмысления.

Более поразительный факт заключается в том, что попытку такой философии истории на уровне лучших ее образцов

мы находим у Солженицына и Шаламова. Это невероятно, что литература начинает выполнять работу за целый отряд историков. Я их ни в чем не обвиняю, но просто имею в виду, что сложились определенные условия, в которых историки слишком заняты были фактичностью и до сих пор отстаивают эмпирическую базу, теряя общее целое, и в том числе, даже не пытаясь определить основание собственной науки. В течение многих лет, я думаю, это происходит.

Я привлекаю такие фигуры, как Шаламов и Солженицын только для того, чтобы указать, что у них опыт этот был необычайно точно проигран. В одном случае Солженицын рассматривал явление, например, ГУЛАГа в самом широком историческом смысле как нечто ошибочное, на грани случайного, как какое-то отступление от чего-то. То есть в том смысле, что есть и скрытая надежда исправления. Скрытая надежда понимания будущего, которое может дать нам позитивные всходы и привести опыт, который мы будем противостоять этому негативному опыту.

А с другой стороны, невероятная совершенно, удивительная проза Шаламова — невероятная метафизика, в которой он описывает лагерное бытие с точки зрения состоявшегося феномена. Для него ГУЛАГ — не случайность какого-то события, а тот мир, в котором он существовал 19 лет, жил в нем, и он рассматривает его как законченное бытие, которое существует независимо, в конкуренции с любым другим бытием.

Я ввожу здесь философские термины, чтобы указать на то, что для Шаламова этот мир, так как он есть, был некоторым существованием. Некоторым существованием, которое описывает существование ГУЛАГа как лагеря. Здесь, возможно, может вестись сравнительная работа. Она уже начиналась и велась в западных публикациях о ГУЛАГе и Освенциме, которые являются собирательными символами двух видов террористических действий, совершенных государством — хотя они чрезвычайно различаются. Тем не менее, если мы их определяем с точки зрения некоего события или событийности, то у нас получается достаточно широкая сравнительная база.

Или же мы скажем, что в истории существуют два разно-великих события: одно событие — Освенцим, которое уни-

кально, неповторимо и т.д., другое дело — событие ГУЛАГа, которое растягивается. Где начало — даже трудно его поймать; где конец, где остановка этого события — нам трудно уловить. 37-й-38-й год — это возможный пик этого явления, выявления этой событийной структуры, но оно вовсе не закончилось. То есть это длящееся событие, и от него мы до сих пор страдаем. Это уже другое условие, которое нам создает некоторые препятствия для осмысленной оценки соотношения события Освенцима и события ГУЛАГа.

В отношении Шаламова я хочу сказать, что Шаламов как раз относится к тем свидетелям, который, ничто не осуждая, пытался остаться тем свидетелем, который выше документа. То есть он использовал литературу не с точки зрения того, что литература может соперничать с документальным знанием, а с точки зрения той литературной документальности, на которую никакой документ не способен. Сегодня был показан фрагмент виртуального музея ГУЛАГа (выступление Ирины Флиге), но я полагаю, что Шаламовский виртуальный музей намного богаче. Там много деталей и много вещей этого лагеря, которые выведены в структуре общего лагерного образца.

В этом смысле возникает вопрос: не является социалистическое строительство в том виде, в каком оно интерпретировалось Сталиным, его режимом, — некоторым лагерем. Лагерь, как высшее достижение социалистического строительства, как высшее достижение само по себе, как высший способ организации, как высшее качество управления — наиболее простое, доступное, эффективное в силу наличия каких-то абсолютных ресурсов: природных, человеческих и других, сопутствующим им. И плюс абсолютная власть. Не является ли лагерь таким универсальным средством? В том смысле, в каком мы можем уже это сравнивать или не сравнивать с возможностью Освенцима, где другие совершенно параметры.

Эти аспекты, которые я выношу на обсуждение, для меня очень важны, поскольку я полагаю, что это неотвратимые вопросы, которые приводят нас, в конце концов, к распределению вины и ответственности. А вина и ответственность — это те наши возможности, которые дадут нам возможность от-

крыть сознательный путь к какому-то прощению и одновременно, к забвению. То есть мы должны к своей истории относиться не с точки зрения того, что она кипит и нас обжигает, но в том смысле, в каком мы можем ее забывать, чтобы делать другие дела. То есть это не забвение полное, а то забвение, которое, мы полагаем, идет рядом с историей постоянно, т.е. мы должны что-то забывать, чтобы совершать какие-то действия.

Этот аспект вины и ответственности очень важен, потому что я вспоминаю работу Карла Ясперса о вине и ответственности немецкого народа, когда он, еще не зная об Освенциме, не зная достаточно хорошо о концентрационных лагерях, полагал, что немецкий народ может быть осужден по некоторым пунктам, связанным с *ответственностью*. Фактор *вины* он относил к некоторой работе собственного сознания немецкого народа, который примет эту вину. А ответственность, т.е. ответственность за совершенные преступления, участие в них или согласие с этими преступлениями, он все-таки распределял среди немецкого народа, и это был, конечно, невероятный вызов, потому что впервые немецкий народ встал перед фактом преступления, которое этот народ совершал.

Это другой важный момент, связанный с тем, можем ли мы в рамках собственной истории так легко отделить жертвы от палача и в каком смысле мы можем говорить о том, что кто-то был палачом, а кто-то оказался жертвой? С точки зрения уголовных преступлений, нарушения прав человека это совершенно понятно. А с точки зрения того, насколько мы можем понять собственную вину в собственной истории, это гораздо сложнее. Потому что «закрывать» и предложить некоторый опыт забвения для этой истории, охладить ее можно только тогда, когда мы, собственно, обнаружим это условие вины.

Большой Террор и имперское измерение СССР

Алексей Миллер,

ИНИОН РАН, Центрально-Европейский Университет

Посмотреть на проблему Большого террора через призму имперских аспектов истории СССР — это очень продуктивная постановка задачи. Если считать, что такие вещи, как сложная этнотерриториальная структура, проблема коммуникацией между Центром и периферийным руководством и стремление проецировать влияние вовне — это все имперские проблемы, то тогда в истории Большого террора имперский аспект очень важен.

Попробую кратко это проиллюстрировать. В принципе в некоторых аспектах этой проблематики 37-й год — не апогей, а финальный аккорд. Если мы посмотрим на рубеж 20–30-х годов, когда советское руководство приходит к выводу о том, что политика коренизации зашла слишком далеко, что местные элиты, в том числе культурные элиты, прежде всего, что-то слишком всерьез воспринимают всё это и вместо такой фольклоризированной этничности начинают развивать вполне мощные проекты, то мы увидим, что уже в конце 20-х годов начинаются аресты. Кого арестовывают в первую очередь? Украинских и белорусских лингвистов за предложения перевести эти языки на латиницу, хотя это, кстати, соответствовало общей линии партийного руководства в 20-е годы. Готовили даже перевод русского на латиницу. Потом арестовывают писателей, историков, а в 37-м году их просто добивают уже в лагерях.

Чтобы понять масштаб явления, надо иметь в виду, что 95 процентов членов Союза писателей Украины были уничтожены. Из Союза писателей Белоруссии выжили пять человек. Это одна сторона дела. Когда проводилась политика коренизации, одна из задач была, в том числе, создать из Украины своего рода витрину для проекции влияния вовне, в том числе на украинцев, живших под властью Польши. То же верно и для Белоруссии. На рубеже 20-х-30-х годов эта логика уступает место логике осажденной крепости, и через это мы сразу можем

понять, почему режим переходит к массовым депортациям из приграничных районов. Постепенно начинают также отменять некоторые национальные автономии (например, польские автономные округа), потому что теперь эти люди — не потенциальные агенты влияния вовне, а агенты врага внутри.

Много споров идет о том, как характеризовать Катюнь — как акт геноцида или как военное преступление. Есть серьезные аргументы, чтобы возражать против характеристики Катюни как акта геноцида, что никак не отменяет преступного характера этих действий. Но вот «польская операция» 37-го года в Ленинграде попадает под определение геноцида по самым строгим меркам. В этом году было арестовано 139 тысяч поляков именно как поляков, именно за то, что они поляки. И 111 тысяч из этих людей были расстреляны почти сразу же вслед за арестом. Вот это чистый геноцид.

Последний аспект, который я хотел упомянуть, — это голод 32-го-33-го года. Мы не можем понять, что произошло, если мы не поймем, что особенно в 33-м году этот голод во многом был продуктом того, как функционировала, а точнее, не функционировала связь, информационный обмен между Центром и периферией. Сталин не хотел слушать местных руководителей, считая, что они руководствуются местническими интересами, а местные руководители к тому времени уже вполне были запуганы для того, чтобы не осмеливаться говорить ему всей правды.

В этом смысле, если голод 32-й года был по большей части незапланированным результатом коллективизации и завышенных норм хлебозаготовок, то 33-й год во многом был результатом проблемы отсутствия полноценной связи между Центром и периферией в этом имперском организме.

В заключение я бы хотел коснуться одного более общего аспекта нашей темы. Мне представляется, что, обсуждая проблему памяти, памяти о ГУЛАГе, о Большом терроре, об Освенциме и т.д., мы не коснулись одной, возможно, самой сложной, проблемы. Хорошо, всех поименно назвать — нет вопросов. Памятники — нет вопросов. Музеи — нет вопросов. А как об этом вообще можно рассказать? И в этом смысле я бы не бросал камень в огород историков, к каковым себя отношу. Я бы сказал иначе. Солженицын в этом смысле в большей сте-

пени историк. Историк не может справиться с этой задачей. Да и из писателей по настоящему ее решить пытались немногие. Я считаю, что есть три человека, которые пытались рассказать то, что рассказать нельзя. Это Шаламов, это Тадеуш Боровский, это в лучшем своем произведении «Без судьбы» Имре Кёртеш. Это попытка передать опыт, который непередаем.

В свое время была дискуссия, в том числе с сотрудниками «Мемориала», может быть, отчасти рожденная непониманием или недопониманием, когда я пытался сказать, что о ГУЛАГе рассказывать нужно, но рассказать правду о ГУЛАГе нельзя. И я имел в виду именно это, что рассказать адекватную правду о ГУЛАГе нельзя, потому что если человек пытается переживать память о ГУЛАГе или об Освенциме в ее полноте», то он кончает самоубийством, как Боровский, он живет в десятилетиях депрессии, как Кертеш, который сделал это состояние невозможности передать весь ужас лагеря, невозможность вернуться к нормальной жизни, не забыв лагерь, предметом всех своих последующих произведений. Известно, что было с Шаламовым.

Мы неизбежно избирательны в своей памяти о том ужасе. Я как раз предлагал обсуждать, что и как мы можем передавать, но вместо этого меня обвинили в попытке «замолчать» правду об истории.

И последнее. Мы как-то, видимо, по-разному с Валерием Подорогой читали Ясперса, потому что у Ясперса очень четкий и ясный тезис, что невозможно ставить вопрос о коллективном покаянии, во-первых, потому что это вообще против христианских принципов. Покаяние может быть только индивидуальным. И переживание греха может быть индивидуальным. Как человека подтолкнуть к этому, к этой внутренней работе? Потому что весь этот чемпионат в коллективных покаяниях и извинениях, в котором участвует масса людей по всему миру, это, может быть, полезная вещь, извиняться не вредно, в том числе государственным деятелям и от имени государства и от имени народа. Но мы этим не решаем главных проблем. Главные проблемы внутри отдельного человека.

Большой террор в корне изменил национальное мировоззрение

Александр Даниэль,
Мемориал

Мое выступление будет отчасти пересекаться с темой Валерия Александровича (Подороги). Я намерен говорить об исторических смыслах Большого террора и о мифах, которые возникали и возникают вокруг него.

Трагизм российской истории, — в особенности, истории советского периода, — совершенно уникален. Именно шекспировская мощь этого трагизма делает нашу историю таким же национальным достоянием, как русская классическая литература XIX века или русский балет. Но в чем, собственно, заключается эта уникальность?

Что, в XX веке мало было в Европе диктатур, которые уничтожали собственных граждан? Полным-полно их было. Ни регентство Хорти, ни режим Антонеску или Салазара не отличались гуманизмом и вегетарианством, не говоря уже о Муссолини или диктатуре Франко. Но и во многих других странах Европы порядки были достаточно далеки от демократических — что при Пилсудском в Польше в период режима санации, что при Сметоне в Литве. И так далее. Есть такая организация — «Freedom House», которая каждый год выпускает «карты свободы». Они там как-то по определенным формализованным критериям определяют уровень свободы в каждой стране и соответственно закрашивают карту: одни страны закрашены черным цветом, другие — серым, третьи в полосочку, четвертые, которые считаются свободными, — кажется, синим. Так вот, если бы они делали такую карту Европы для 30-х годов, то синих пятен на ней почти что и не было бы — где-то там, ближе к Атлантике они бы теснились. А уж за пределами Европы... Одна кровавая история Мексики чего стоит. Или Япония. Или Китай. И ведь это не кончилось после Второй мировой войны! Возьмите резню, учиненную в начале 1970-х армией в Восточном Пакистане — нынешней Бангладеш. Или правление «чер-

ных полковников» в Греции. Еще ближе к современности — Аргентина в годы военного режима.

И, тем не менее, два режима — Сталина и Гитлера — выпадают (возможно, ретроспективно) из этого ряда и рассматриваются памятью человечества в ином событийном ряду — там, где армянский геноцид 1915 года, убийства сотен тысяч в Камбодже, резня в Руанде и тому подобное. Иными словами, там, где речь идет не просто о недемократическом образе правления и даже не просто о террористических диктатурах, а о гуманитарных катастрофах. И в этом ряду Сталин и Гитлер определенно возглавляют перечень. О Пол Поте или Талаат-паше сегодня не всякий слышал; имена Гитлера и Сталина знает каждый — ведь они не просто организаторы двух главных гуманитарных катастроф XX века, они играли заглавные роли в театре мировой истории.

Но где та грань, то ключевое событие, которое отделяет в памяти человечества нормальную, простите за оксюморон, террористическую диктатуру от диктатуры-организатора гуманитарной катастрофы? Давайте ограничимся европейской историей, то есть, гитлеризмом и сталинизмом. С гитлеризмом всё ясно: здесь работают два обстоятельства — роль гитлеровской Германии в развязывании Второй мировой войны и, конечно, Холокост. А за счет чего в этот ряд попадает сталинизм (точнее — должен бы попасть, ибо в западноевропейском сознании он занимает, к сожалению, место, недостаточно соответствующее его значению)?

Мне представляется, что два исторических события выводят коммунистический террор сталинского периода за пределы европейского понимания того, что есть «норма» государственного террора. Во-первых, коллективизация. Подчеркиваю: не раскулачивание как таковое, а коллективизация в целом, то есть не только репрессивная кампания, но вся грандиозная социально-экономическая контрреволюция, организованная Сталиным и большевиками в 1929–1932 гг. И, во-вторых — Большой террор.

Уникальность Большого террора — вовсе не в той явной, всем известной его компоненте, которая началась где-то году в 1934-м и уничтожила или провела к покорности правящую элиту. Это как раз обычная, будничная практика истории, по

всем известной формуле: «революция пожирает своих детей». Это мы еще в 1793 году проходили. Ну да, в СССР и эта чистка элиты, обычная для второй фазы многих революций, прошла с особым размахом, с особой жестокостью, и поразила воображение современников. Но все же главная составляющая Большого террора — это его «подводная», тайная часть, так называемые массовые спецоперации НКВД, которые начались в августе 1937 года и длились сравнительно недолго, всего 15 месяцев. Но эти 15 месяцев в корне изменили национальную психологию.

Не буду пересказывать специфику этой, на мой взгляд, главной составляющей всей кампании; наше представление об этой специфике изложено в «Тезисах Мемориала» о Большом терроре, которые опубликованы, в частности, в газете «Тридцатое октября». Только на одном я хотел бы остановить ваше внимание: спецоперации были тайными, приказы были суперсекретными.

О трех «больших процессах» или о «деле маршалов» писали все газеты страны, на собраниях и митингах принимались кровожадные резолюции. Так или иначе, имена Тухачевского, Зиновьева, Пятакова или Бухарина были всем известны. Именно эти судебные процессы составили образ 37-го в народном сознании. Именно они приводили в смущение и замешательство западную интеллигенцию. Именно они становились, в первую очередь, предметом догадок, гипотез, исторических реконструкций. Позже, через 20 лет, Хрущев заговорил и о других расправах — тех, что сопутствовали «большим процессам», повторяли их на провинциальном, региональном уровне. Но и у Хрущева речь шла об элите; грубо говоря — о тех, кто был приговорен Военной коллегией Верховного Суда, спецколлегиями областных судов и военными трибуналами; таких было тысяч 40–45. И когда в 1960-е, 1970-е, 1980-е говорили о Большом терроре, то говорили в первую очередь об этих сороках тысячах.

Отсюда рождается главный миф о Большом терроре — тот миф, который мы, в частности, слышали в некоторых выступлениях первой сессии. Миф о том, что 37-й год, ежовщина — это всего лишь расправа Сталина с элитой. То ли большая кровавая точка в борьбе за абсолютную единоличную

власть, то ли чистка в преддверии большой войны, то ли даже азиатский вариант ротации кадров.

Сталин уничтожал честных коммунистов. Вот формула, предложенная Хрущевым, и мы до сих пор не можем вырваться из плена этой формулы. Когда-то это считалось главным преступлением Сталина и Ежова — то, что они уничтожали честных коммунистов. Ныне эту же самую формулу многие наполняют противоположным содержанием. Ну да, Сталин уничтожал честных коммунистов — вот и молодец: так им и надо, этим честным коммунистам, которые за несколько лет до того уничтожили российское крестьянство, «отлились кошке мышкены слезки». Оценки поменялись на противоположные, но они основаны на одной и той же посылке, ложность которой стала понятна только за последние 15 лет. Когда было обнаружен оперативный приказ Ежова №00447, «национальные приказы», когда было поднято ведомственное делопроизводство НКВД, — вот тогда в общих чертах стала известна суть Большого террора, его статистика и его истинная направленность.

Теперь мы знаем, что на каждую жертву ВКВС и военных трибуналов приходится приблизительно 40 человек, осужденных «тройками» и «двойками». Об эти «тройках» раньше только смутные слухи ходили. И что из этих сорока двадцать было казнено, а двадцать отправлено в лагерь. И что эти 700 тысяч казненных и 700 тысяч отправленных в лагерь — это никакая не советская знать, никакая не элита, а вполне себе рядовые граждане: крестьяне, рабочие, мелкие служащие.

Почему этого раньше не заметили? Почему этого не заметили современники? Во-первых, потому же, почему население Германии не заметило Холокоста. Замечать было страшно и для жизни вредно. Одно дело «большие процессы». Паны дерутся где-то там высоко, нас это не касается. Другое дело, когда исчезают сослуживцы, родственники, друзья. Этого невозможно не заметить.

Но есть еще одно соображение. Вы посчитайте, через Большой террор в этом узком смысле слова прошло около двух миллионов человек. Из 170 миллионов — каждый 80-й житель страны, ну, из взрослого населения каждый 50-й, наверное. Это очень много, это безумно много. Но при желании это вполне возможно «не заметить». Ну да, в моем круге обще-

ния исчезли два-три человека — а про других таких же я ничего не слыхал. В информационном пространстве — те же Камнев, Бухарин, Радек, Тухачевский, ну еще два подряд секретаря обкома той области, где я живу, да три подряд директора завода, где я работаю; вредители, наверное (вот почему у нас на производстве бардак, а в магазинах ничего нету). Вот еще про дело «Заготзерна» и «Алданзолота» в газетах пишут.

Удивительно не то, что Большой террор в своей массовой ипостаси был замечен мало. Удивительно то, что он все же был довольно-таки замечен и запомнен народом. Слово «ежовщина» осталось, остался в языке «1937-й» как имя нарицательное. Повторяю вопрос Ирины Анатольевны Флиге, Валерия Александровича Подороги: что это было? Зачем это было нужно?

На этот счет уже сейчас существует несколько вполне остроумных и убедительных гипотез. Но для меня это — не самое важное. Мне не очень важно знать, какие цели ставили перед собой организаторы и инициаторы этой террористической кампании. Мне важно, прежде всего, знать, что она значила, говоря марксистским языком, объективно для моей страны, какое место она занимает в ее истории, что она значит для ее сегодняшнего дня и для ее будущего?

Мне представляется, что если вписывать массовые спецоперации НКВД в какой-то исторический контекст, в какую-то диахроническую цепочку, то эта цепочка будет такой: сначала — террор гражданской войны, красный, и белый тоже, но все-таки по преимуществу красный. Второе звено цепи — коллективизация и раскулачивание. Третье звено — Большой террор. Каждая из этих кампаний по отдельности кажется совершенно необъяснимой, но невысказанной, невозможной, кроме террора гражданской войны, вероятно, который, пожалуй, как-то можно объяснить самим фактом гражданской войны (а можно — мировой войной и всеобщим озверением, ею вызванным). Но на фоне предыдущей кампании каждая последующая уже становится не столь невозможной и невысказанной. Если был красный террор, расстрелы заложников, военный коммунизм и реквизиции — то что уж такого невысказанного в коллективизации? А если была коллективизация, чистка деревни и депортация 1,8 миллионов крестьян на Крайний Север (да ведь и в лагеря отправляли «кулаков» сотнями тысяч, и, между прочим — тоже

«тройки» этим занимались, и «лимиты» на раскулачивание и аресты сверху спускались, в этом плане 1937-й ничего нового не изобрел), — то что такого необычного в столь же масштабной, но еще более жестокой чистке населения в целом? Это ведь та же самая социальная инженерия, в сущности.

Мне не кажется случайным, что самая массовая из массовых операций 1937–1938 гг. получила в документах Политбюро и НКВД название «кулацкая», и что для ее осуществления прибегли к тем же репрессивным механизмам, которые были опробованы в ходе раскулачивания, а именно к «тройкам». Уж насколько она соответствовала этому названию — «кулацкая», какую долю жертв в этой так называемой кулацкой операции составили не крестьяне даже, бежавшие из деревень от голода и колхозов, а природные горожане, это, наверное, должно стать предметом особого исследования. (Навскидку можно сказать, что, по-видимому, в разных регионах и на разных фазах «кулацкой операции» эта доля была разной: где-то дольно высокой, где-то незначительной). Но, в любом случае, преемственность — и не только символическая — налицо.

А теперь — о сегодняшней памяти.

Современные общественные дискуссии о Большом терроре в корне отличаются от тех, которые были лет 20 или даже 10 тому назад. Раньше спорили о фактах: этого не может быть, откуда такие цифры, эти антисталинисты все в разы преувеличивают. Всё, споры закончены, вот документы. Ну, разумеется, находятя городские сумасшедшие, которые еще спорят, еще издают книжки, где доказывают, что ничего этого не было. В этом нет ничего особенного: вот, Валерий Александрович уже упоминал сегодня западноевропейских историков-«ревизионистов», которые утверждают, что Освенцима не было. Бог с ними, не о них речь.

Сегодня наблюдаются другие массовые реакции отторжения памяти. Мне кажется, их можно разделить на два основных типа. Первую я предложил бы условно назвать: «И всего-то...». Оказывается, всего-то 700 тысяч убил Сталин, да еще 700 тысяч в лагеря отправил. Ну и какая же тут национальная катастрофа? Не надо преувеличивать: нехорошо, конечно, — но вовсе не катастрофа. Наши жертвы в Отечественной войне — во много раз больше.

Это я не придумываю, это говорят люди с учеными степенями, профессора. Это так определяет свое отношение к Большому террору высокопоставленный педагог-историк, который, по всей видимости, станет у нас в ближайшее время главным по части написания школьных учебников.

И вторая реакция. Я ее называю: «Но зато...». Особенно часто и особенно ярко она проявляется у молодежи. У той молодежи, которая выросла уже в эпоху Путина. Ну да, Сталин убил 700 тысяч. Жалко их, конечно; но зато он обезопасил страну в канун войны, привел ее к победе и выстроил великую державу.

(Как Сталин обеспечил своими репрессивными кампаниями безопасность страны в канун войны, — это, на мой взгляд, показал 41-й год. Впрочем, о 41-м годе сейчас не принято вспоминать. Нынче больше любят говорить о 45-м. Но я даже не об этом).

Эта логика наглядно демонстрирует один из отдаленных, но очень важных результатов Большого террора, полную перестройку системы ценностей. Это — полный отказ от европейской системы ценностей, сложившейся в Новое время, и замена его даже не варварским средневековым и даже не «азиатским», а, простите за неpolitкорректность, каким-то центральноафриканским миропониманием.

Вот главный результат 37-го года. Он в корне изменил национальное мировоззрение. Сначала террор, как таковой, изменил, а потом — необходимость вписать его в определенную историко-политическую концепцию.

Понятно, что эта «теодицея террора» означает полный разрыв с европейской системой ценностей и возникновение новой, основанной на аксиоме о нулевой ценности человека, человеческой жизни и свободы.

Это и есть главное доказательство того, что какие бы конкретные цели ни ставили перед собой инициаторы Большого террора 70 лет назад, сегодня мы вынуждены признать: террор оказался успешным. Он был успешным тогда, превратив страну в то, чем она стала, он остается успешным и сегодня, побеждая в умах.

«Что это было?» История после травмы

Ольга Здравомыслова,
Горбачев-Фонд

Когда мы задумывали с «Мемориалом» этот круглый стол, то сразу решили избежать формы докладов или формы доклада с последующим обсуждением. Мы сознательно избрали форму Круглого стола не потому что нам нравится дискуссия, как таковая, но потому, что в теме «Большого террора», несмотря на огромный фактический материал, который собран исследователями, несмотря на огромное количество написанного и сказанного — в этой теме нам явно не хватает объяснений.

Мне кажется очень продуктивным переформулирование вопроса: не как это было, а что это было? Потому что объяснений все-таки недостаточно, а непомерность содеянного — именно так можно говорить о событиях Большого террора — их действительно требует.

Уже много раз приводились настораживающие, даже пугающие результаты социологических опросов, которые говорят о желании людей не ворошить прошлое. Это желание смыкается со стремлением, если не замолчать, то сгладить, сбалансировать прошлое, извлечь из него прагматические и идеологические смыслы. Однако речь идет не только о том, что растет число людей, положительно оценивающих историческую роль Сталина или все более спокойно относящихся к событиям террора, пытающихся найти им оправдание. Главное, что я хотела бы подчеркнуть — в обществе усиливается раскол по поводу оценки сталинского периода истории. Социологи на протяжении нескольких лет фиксируют же, что доли тех, кто положительно и отрицательно оценивают роль Сталина, сближаются.

Одновременно, мы видим, как умножаются линии несогласия, раскалывающие общественное мнение — и фактически, нет уже ни одного значимого исторического факта, по которому было бы выработано общественное согласие. Сейчас

трудно назвать какое-либо крупное историческое событие в российской истории, по поводу которого в публичном пространстве шел бы конструктивный диалог, расширяющий солидарность на базе общих ценностей, а не спор, раскалывающий людей на противостоящие друг другу группы «наших» и «несогласных». Умножаясь, количество «несогласий» угрожает превратиться в «черную дыру», которая всасывает в себя историю и тем самым поглощает будущее. Поскольку, без истории, ставшей осмысленно обсуждаемым опытом, общество теряет ориентиры.

Возникает вопрос: что же лежит внутри, в основании этого процесса? Процесса, пугающего и общество, и, вероятно, власть, которая начинает изобретать способы объяснения трагических событий советской истории, подобные тем, что представлены в новом пособии для учителей или в школьных учебниках, о которых говорили Н. Соколов и И. Щербакова.

Когда А. Даниэль заявляет, что в результате событий Большого террора «изменилась национальное мировоззрение», с этим, кажется, многие согласны. Но нужно все-таки обозначить, что именно лежит в основе изменения национального мировоззрения, и каковы последствия этих изменений.

Возможно, что одним из объяснений Большого террора, может стать его интерпретация как культурной травмы. *Травма* звучит как психологический, даже психиатрический термин, но это понятие сразу перемещает фокус внимания на глубокие культурно-психологические последствия Большого террора.

Здесь упоминали Шаламова. Именно Шаламова я хочу еще раз назвать и обратить внимание, что хотя он описывал лагерь как особый быт и особое бытие (это уже отметил В. Подорога), ему же принадлежит мысль, что опыт лагеря, опыт ГУЛАГа абсолютно отрицателен. Шаламов говорит в связи с ним о страдании, которое уничтожает в человеке человечность. Вероятно, в истории, как и в человеческой жизни, также возможен *непродуктивный* опыт, который не обогащает культуру новыми смыслами, а является для нее травмой, требующей от общества, пережившего ее, мучительной и даже героической «переработки прошлого».

Обладая способностью продолжаться в истории, травма передается через поколения, закрепляясь в коллективной памяти — и в этом состоит разрушительный механизм ее работы в культуре. Я хотела бы вспомнить здесь результаты исследования К. Беккер и Ю. Гиппенрейтер, которые установили, что сталинские репрессии конца 30-х годов продолжают быть значимым фактором, влияющим на образ мышления и поведение членов семей репрессированных, по меньшей мере, в трех поколениях. Исследователи утверждают, что травматичность опыта, пережитого дедами, столь велика, что он способен влиять на «базисные аспекты» жизни внуков: тревога, страх, недоверие, которые рождает в них социум, препятствуют личностному становлению представителей третьего поколения семей репрессированных.

Автор концепции культурной травмы в социологии П. Штомпка считает, что существует несколько стратегий «совладания с травмой». Не все из них одинаково продуктивны. Если выздоровление связано со способностью воспринимать новые ценности, расширяющие горизонт мышления и возможности жизненного выбора (инновационная стратегия), то следование «двойным стандартам» в оценке травмирующих событий, связанное с их отторжением и желанием забыть, ведет к саморазрушению (ритретистская стратегия).

Тем не менее, пока культурная травма не преодолена, она является мощным препятствием становлению общественной солидарности, не давая гражданам усваивать новые ценности, а обществу — развиваться. В этом состоит одно из объяснений той внешней легкости, с какой люди, в конце 80-х — начале 90-х годов с энтузиазмом принимавшие демократизацию, ценности свободы и прав человека, переходят к разочарованию в их действенности и значении для российского общества. До тех пор, пока травма не преодолена и продолжает «работать» в культуре, новые смыслы не могут быть ею усвоены, новые ценности не становятся частью культурной идентичности, а преобладает стремление опереться на традиционные (существовавшие до того, как произошла травма) культурные образцы — даже, если эти образцы несоразмерны новым историческим вызовам.

Кажется, что в советской истории и в нашем настоящем мы имеем дело с механизмом работы *культурной травмы сталинизма*, сконцентрированной в явлении Большого террора. Вызванные ею ценностные деформации глубоко затронули культуру, выразившись, прежде всего, в двоемыслии и сужении сферы доверия в обществе, в крайней прагматизации ценностей и поведения политической элиты, в убеждении, транслируемом через различные каналы формирования общественного мнения, что в политике нет и не должно быть гуманизма. Что гуманистическое измерение делает ее неэффективной и приводит политика к поражению.

В такой культурный контекст Сталин вписывается как «эффективный менеджер», а Большой террор — как одна из крайних, но возможных стратегий политической борьбы. Однако опасность этой логики в том, что событие, ставшее травмой, получает в культуре легитимность и начинает рассматриваться как один из возможных образцов мышления и действия в «чрезвычайных» исторических обстоятельствах.

Память о репрессиях — это мы сами

Наталья Кигай,

ст.н.с. Института США и Канады

Культурная травма, которую перенес наш народ, создана войнами и репрессиями, но также тем, как общество относится к пережитому. Страдание, которое невозможно оплакать и осмыслить, воссоздает самое себя ежедневно. И, хотя само слово «травма» здесь не звучало с самого начала, о ней так или иначе говорили все выступавшие. Травмой становится не только пережитое, но и отсутствие переживания — «похищенная история», забвение.

Однако с моей точки зрения травма эта не только культурная, но по преимуществу, психологическая. Она создала и продолжает создавать особые виды душевного неблагополучия, которые сказываются в частной и общественной жизни.

А. Даниэль сказал, что террор оказался успешным, что он «побеждает в умах». Как психотерапевт, я вижу каждый день (и убеждаюсь в этом снова и снова), что террор и должен побеждать потому, что террор создает умы, в которых он побеждает. И создает именно за счет травмы.

В. Подорога говорил об Освенциме как особом, вне-историческом событии, которое трудно вместить в исторический опыт. В нашей истории числится не только Освенцим, в ней было много других чудовищных событий. С психологической точки зрения травмой является любое событие в жизни человека, которое отличается такой интенсивностью, что его невозможно осмыслить и на него невозможно адекватно отреагировать. Оно отличается долговременным разрушительным действием, которое оказывает на психическую организацию человека.

С физиологической точки зрения травма создает возбуждение такой силы и природы, которое субъект не в состоянии выдержать и переработать психологически.

Раньше о разрушительном действии травматического переживания говорили на метапсихологическом уровне, но работы в области нейропсихологии и применяемые в них методы визуального исследования мозга позволяют утверждать, что травма воздействует непосредственно на структуры мозга, которые отвечают за развитие специфических высших функций. Она затрагивает отделы мозга, отвечающие за установление близких, интимных и теплых отношений с себе подобными, за регуляцию аффекта и за определенные аспекты познавательной деятельности.

Человек, который пережил травму и никак от нее не вылез и с ней не справился, отличается определенными чертами. Ему свойственны острые вспышки паники, дисфории, на фоне хронического чувства оцепенелости, эмоциональной отчужденности, избегание деятельности и ситуаций, напоминающих о травме.

У травмированного человека преобладают такие защитные психологические механизмы, как расщепление и проекция, отрицание и избегание, идеализация и обесценивание. Его отличает эмоциональная нестабильность, склонность к формированию симбиотических связей с другими (и непере-

носимость одиночества), неспособность к зрелой конфронтации. Следствием этого становятся зависимость от чужого мнения, нестабильность самооценки, склонность попадать в зависимые и со-зависимые отношения. Для него проблематичными становятся альтруизм и эмпатия, интимность и привязанность, формирование долговременных целей, толерантность к фрустрации. У такого человека часто нарушены тестирование реальности, стратегическое мышление. Созданное неизжитой травмой невыразимое переживание изолирует человека от других. Он оказывается неспособен отстаивать свои интересы, добиваться независимости, заботиться о других, находить удовлетворительный компромисс в ситуации, где полное удовлетворение невозможно. Из такого человека не получается ни хороший семьянин, ни гражданин, ни реформатор.

Здоровая адаптация и зрелость предполагают способность к настойчивости и терпению, сопереживанию и альтруизму, к любознательности и дальновидности. Они требуют иногда способности к конфронтации и конфликту, если это необходимо для защиты внутренней целостности, выживания, желательных социальных и культурных перемен. Здоровая адаптация не может вырасти из отчуждения, расщепления и отрицания. Она предполагает ощущение родства и близости себе подобными, постижение внутренней логики и связности происходящего. Адаптированный человек знает, что уязвим: когда страдает мой ближний, могу так же пострадать и я. Кажется, Хайдеггер писал о том, что смерти «вообще» не бывает, что «каждая смерть — это всегда моя смерть». У человека, который пережил травму, ослабляется или исчезает это чувство. Поэтому опыт других, даже если тревожит, ничему не учит. Диссоциация позволяет ему дистанцироваться и от собственного, лично переживаемого опыта.

Травма создает определенные психические состояния, нарушающие социальную и эмоциональную адаптацию, познавательную деятельность. Это, в свою очередь, воздействует на тех, кого растит травмированный человек — возникает так называемая трансгенерационная, или межпоколенческая, травма. Катастрофа, пережитая родителями, отзывается тем или иным дефицитом в поколении детей.

Б. Дубин говорил о том, что наше общество становится плоским, что хотелось бы, чтобы оно было глубже и сложнее устроено. Но не может общество быть лучше, чем его составная часть. Получившие широкое распространение посттравматические пограничная и нарциссическая патологии затрагивают структуру личности, приводят к ее уплощению и обеднению. Опыт нерепрезентируемого страдания и унижения побуждает людей к насилию и жестокости.

И. Щербакова говорила о разрыве связи между поколениями, о том, что детям можно было бы гордиться тем, что их родители выжили в нечеловеческих условиях. Чтобы гордиться, нужно знать. Я думаю, разрыв связи между поколениями в нашем обществе являлся стратегией выживания. И. Флиге продемонстрировала в своем докладе, как страх заставляет уничтожать материальные свидетельства пережитого. Но в первую очередь и прежде материальных свидетельств он заставляет уничтожать эмоциональную память, отношение к произошедшему. Когда поезда шли в Освенцим, детей выкидывали в окно, чтобы их кто-то подобрал и воспитал. И точно так же семьи, которые жили здесь в ситуации психологического, эмоционального и физического насилия, не рассказывали детям ни о потерях, ни о тревогах, ни о хороших, замечательных эпизодах семейной истории. Они таким образом «спасали» ребенка, потому что были убеждены: человеку без лица, без семейной истории легче выжить в эпоху исторических катастроф. Но таким образом мы теряли связь между поколениями, и несколько поколений детей, по словам И.Бродского, «черным ходом в будущее вышли». А выйдя, они оказались в доме с привидениями, потому что «фигуры беспамятства» (по словам Б. Дубина), неуловимые призраки все равно дают знать о себе и не позволяют комфортно себя чувствовать. Они стыдят, пугают, связывают, лишают спонтанности и чувства права на собственную жизнь. Они не позволяют видеть свою жизнь как единое связанное целое.

Сегодня много раз звучала мысль, что мы пережили невероятный опыт, который никак нельзя символизировать или репрезентировать, и что у нас «похищают историю». Я думаю, у травмированного человека очень легко похитить историю: чтобы она к нему вернулась, невыразимое должно быть выражено, выброшенное и отрицаемое — интегрировано, должна

быть проделана так называемая «работа горя». Однако все эти процессы вызывают огромное сопротивление в индивиде и в обществе. Респонденты Б. Дубина говорили «Кончайте грузить» не только потому, что предпочитают легкие и приятные сюжеты, а потому, что рассказ о прошлом рождает в них глубокую тревогу, с которой они не могут справиться. Только если мы преодолеем это сопротивление и проделаем эту работу, мы сможем построить общество разнообразное и глубокое — то есть зрелое.

Г. Явлинский сказал, что «память нужна не только, чтобы помнить, но чтобы понимать». Он подчеркнул необходимость «свободы высказывания мыслей». К сожалению, одной такой свободы нам недостаточно. Слишком часто приходится видеть, как мысль ходит по кругу, не нарушая его границ, и ей уютно в этих границах, и она не удивляется, что не может за них выйти. Это работа защит, работа нашего сопротивления. Такая работа мысли, которая одновременно становится работой памяти и работой понимания, мучительна и болезненна. Каждый психотерапевт знает, насколько сильный мотив требуется человеку, который берется за такую работу, и какая большая помощь ему нужна.

Но что бывает, когда такой работы не проделывают? Непрепрезентированное страдание должно быть выражено, должно быть как-то отреагировано. И если оно не репрезентировано, оно не может быть описано. Оно не может быть сообщено никаким символизированным образом. Единственный способ, которым травмированный человек может попытаться избавиться от непереносимого переживания, — это создать такое же переживание в другом.

Когда после Второй мировой войны психологи пытались осмыслить ужасы нацизма и холокоста, они, в частности, много времени и внимания уделили изучению того, как получилось, что «сосед доносил на соседа и сосед казнил соседа» (по словам А. Антонова-Овсеенко). Откуда взялось такое огромное количество нормальных, по видимости, людей, живших обычной обывательской жизнью, которые оказались готовы мучить, пытать и убивать других людей.

На эту тему было написано много книг. И, в частности, швейцарский психоаналитик Алиса Миллер, бывшая участ-

ница Варшавского восстания, написала работу на эту тему. Она и ее коллеги возвели зверства нацизма, массовую готовность немцев мучить себе подобных, к прусской системе воспитания, созданной некогда известным педагогом Шребером. Эта система воспитания основывалась на принципе, что впервые же месяцы жизни младенца необходимо любой ценой (как правило, ценой «подавления всех его оральных потребностей» и физическими наказаниями) добиться его полного послушания и отказа от плача. А. Миллер выстроила стройную систему рассуждений, показывающую, что такое невыразимое, рано усвоенное страдание не могло никак быть выражено и только ждало какого-нибудь разрешения. И, когда этим людям вдруг стало возможным мучить других в лагерях, оказалось, что настал их час. Они вдруг почувствовали невыразимый момент свободы, они могли от чего-то избавиться в себе, и потому взялись за труд палача с такой готовностью.

В России было огромное число жертв и огромное число палачей. Память о репрессиях — это мы сами. Настало время и нам задуматься о том, каким образом мы к этому пришли и как сделать так, чтобы катастрофа не повторилась.

Как общность мы находимся сейчас в процессе поиска ценностей

Александр Аузан,

Института национального проекта «Общественный договор»

Большой террор, конечно, явление глубоко укорененное. В обычных представлениях, когда оно связано просто с поведением власти, с тем, что некто начинает сверху какую-то кампанию, обычно не учитывается аспект, который экономисты вынуждены учитывать всегда — ресурсы. Для того, чтобы осуществлять террор, нужны ресурсы, а террор в таких масштабах как сталинский тем более требует ресурсов. Причем речь идет совсем необязательно о денежных ресурсах, но речь

идет о том, что невозможно осуществлять такую систему подавления, не имея достаточно серьезной поддержки в обществе для такой системы. Это прежде всего человеческий ресурс, который поддерживает схему Большого террора.

Я могу только напомнить о том, что с Большим террором связана целая система хозяйственной жизни, связанная с ГУ-ЛАГом. Направление освоения, продвижения на восток и север и т.д., и т.д. То есть, фактически, это такая многосторонняя система, которая создала себе довольно прочное основание.

Поэтому мы, конечно, говорим не о конкретных лицах и конкретных политиках, а говорим о правилах, на которых сложилась общественная жизнь.

Я бы сказал, что есть три, на мой взгляд, черты того социального контракта, на котором возник тоталитаризм в советском варианте, сталинский тоталитаризм. И они создавали и силу, и ограниченность этой системы. Во-первых, обмен. Свободу, индивидуальные права массы людей охотно сдавали власти в обмен на возможности развития. Даже не на социальные льготы, потому что они возникли сильно позже. А на возможности продвижения к новой жизни.

Во-вторых, в этой системе была колоссальная подвижность, и отлично работал вертикальный лифт. То есть можно было снизу вверх подниматься очень быстро. Это система карьеры для крестьянских детей, для людей в рабоче-крестьянской Красной Армии, причем ускоренная тем, что террор ротирует руководство, и это, конечно, придавало мощную энергетику всему движению.

В-третьих, особая ситуация с доходами в этой системе, потому что доходы высших слоев были условны, были связаны с системами распределения, которые до того не существовали. Сейчас мы их понимаем, поскольку застали следы этих систем, а, скажем, западные исследователи, по-моему, абсолютно не понимают, как это было устроено. Только один из них М. Олсон пришел к интересному выводу о том, что существовал инфрамаржинальный налог: чем выше ты поднимался, тем фактически меньшую долю вносил; чем ты ниже, тем больше из тебя «вынимали». Но это всё очень трудно понимаемые вещи. Формально всё выглядело уравнилельно.

Согласие на развитие, возможность быстрой карьеры плюс определенная видимая справедливость уравнительности — это всё мощные основания. В них, правда, заложены ограничения. Такие системы долго не существуют. Не очень долго может существовать такой тип сверхмобилизации, — просто ресурсы исчерпываются. Элиты, в конце концов, все равно приходят к заговору, (и мы понимаем, что элемент его в системе был), потому что они понимают, что закон смены элит является законом такого террора. Здесь ограничены возможности стимулирования развития. Поэтому я бы сказал: то, что эта система сама себе стала ставить какие-то пределы, довольно закономерно следует из этих основ.

Теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что когда мы говорим о внешней результативности этой системы, мы не учитываем, что ее результативность надо считать не по короткому времени ее существования, а по тому «хвосту», который следует за этой системой. Причем это же не первый раз в российской истории. Успехи эпохи Петра надо мерить не тем, что было до 1725 года. Посмотрите, что произошло после 1725 года. Посмотрите, какой глубокий спад произошел! Посмотрите, что произошло после Ивана IV в России. Фактически это очень похожие механизмы, и есть даже некоторые близкие социально-экономические основы.

Я считаю, что самодержавие и крепостничество в этом смысле сквозные институты, когда подъем промышленности мануфактурной или промышленности XX века идет на закреплении человека за ресурсом. Вы это обнаружите, как при Петре в отличие от кольберовской Франции, так и при Сталине.

Что из всего этого следует? По-моему, всех нас интересует, что делать с этим наследием. Понятно, что отторжение личной свободы в обмен на что-то — это всегда очень опасная операция. И вроде бы мы лучше сейчас застрахованы от этой операции, потому что ценность личной свободы, как экономисты утверждают, растет по мере роста имущественного и образовательного ценза населения. На этом рост всех ценовых демократий был основан. Но я бы не обольщался, когда мои очень уважаемые коллеги-экономисты говорят: вот смотрите, средний класс растет, всё будет хорошо...

Средний класс в России уже один раз вырос к 1997, например, году. Куда он потом подевался в 1998 году? А страна, где средний класс не имеет политического влияния, будет жертвовать этим средним классом на любом экономическом повороте. Не потому что он опасен демократическим потенциалом, а потому что всегда жертвуют «наименее ценными участниками экспедиции». Нет влияния, зато есть некоторое имущественное накопление. Он будет экспроприирован в очередной раз. Автоматизма развития здесь нет.

Поэтому, во-первых, я бы сказал, что если разрушение межпоколенных и личностных связей есть одна из причин того, что происходило, то восстановление межпоколенных и личностных связей, может быть, есть один из инструментов против повторения этого.

Я поэтому по-прежнему с очень большой верой смотрю на ту работу, которую «Мемориал» ведет и которую, по-моему, надо вести гораздо шире всем, — работу по восстановлению семейной истории. Потому что легко отдать 700 тысяч жизней за достижение чего-то в стране как выражение абстрактного и символического успеха страны. А вот когда отдаешь своих детей, и понимаешь, как это произошло, это уже немножко другая операция. В это я верю, честно говоря, больше, чем в автоматический рост среднего класса.

Второе обстоятельство. Я не думаю, что эта историческая задача исцеления решается только в рамках XX века. Я имею в виду, что в исследовании обсуждения, национальной дискуссии по этому поводу надо выходить за пределы XX века, потому что до тех пор, пока мы считаем, что при Петре I и Иване Грозном всё было в порядке, а вот при Иосифе Сталине, который имеет очевидную преемственность с этими образцами всё вдруг переломилось, в сознании это не может уместиться.

Хочу сказать, что месяц тому назад в Перми мне довелось дискутировать с иерархами православной церкви. И знаете, что составило точку дискуссии? Там, когда подняли формулу православия, самодержавия и народности (а профессор Андрей Кураев вспомнил фильм Лунгина «Остров»), я напомнил, что Лунгин снимает новый фильм, который называется «Царь Иван», хотя посвящен митрополиту Филиппу Колычеву. Поче-

му церковь не говорит о митрополите Филиппе Колычеве — о человеке, который встал против самодержавного террора и стал такого рода символом?

Я не случайно привожу этот пример, потому что я считаю, что кроме восстановления семейных историй важны еще вещи символические. Нужна новая линия героики, если хотите. Не только по прошлым векам, но и по XX-му, мы не можем одним фактом страдания людей убедить, что это было неправильно, потому что в ответ мы слышим: они виноваты сами, многие из них сами были палачи.

Поэтому до тех пор, пока мы не скажем: посмотрите, какие замечательные люди! — с конкретным образом мысли мы вряд ли что-то сделаем.

Последнее. Я думаю, что мы находимся сейчас как общность в процессе поиска ценностей, в процессе формирования нации. Нация и есть определенный набор ценностей. И не надо думать, что эти ценности есть просто продолжение некоторых свойств этноса. Посмотрите на американцев. Да, либеральные ценности очень высоко стоят для американского общества, но, я бы сказал, по предрасположенности, американец отнюдь не либерал. Посмотрите, как они походом идут против холестерина или против курения — как раньше против индейцев. Либеральные ценности — противовес и инструмент решения этой самой проблемы.

Ценности и есть те институты, которые должны спасти от каких-то проявлений, которые были катастрофическими в национальной истории. Я думаю, что это надо делать предметом национальной дискуссии.

Мы почувствовали драматизм того времени

Михаил Горбачев

По масштабу постановки вопросов, которые мы обсуждаем, по экспертному уровню, конференция получилась такой, что мы должны, действительно, использовать всё, что здесь было сказано.

Мне думается, мы еще раз почувствовали драматизм времени, о котором мы сегодня говорили. Многое решилось в этом 1937-ом, когда стало явно, каким крутым, диким, жестоким образом изменен путь. Я все-таки защищаю Ленина — не безоговорочно, у меня к нему тоже есть свои замечания, но я защищаю Ленина потому, что он к концу гражданской войны понял ошибочность пути, на который встали, и НЭП — это корректировка. Серьезная корректировка на деле. Реальный проект. Посмотрите, как этот проект Новой экономической политики, т.е. принцип, который в нем заложен, работает в других странах — и везде дает свои результаты. То есть НЭП можно было развивать, наращивать.

Говоря о Сталине, мы говорим о тиране, о личности мстительной, коварной, хитрой, но мы имеем дело и с нашим обществом, с нашими людьми, с нами самими. Здесь еще не все исследовано.

Мне понравилось, что на Круглом столе были попытки и с философских позиций, и с исторических, и с психологических позиций подойти к рассмотрению большого комплекса вопросов. Здесь прозвучали интересные, точные определения, которые схватывали в нескольких словах суть вопроса. Поэтому, мне думается, мы получили хороший результат.

Мы, общество, должны быть готовы к тому, чтобы ставить вопросы по-настоящему, с национальных позиций и опираясь на наш горький и поучительный опыт.

Из выступлений в дискуссии

Антон Антонов-Авсеевко,
Государственный музей истории ГУЛАГа

Сегодня мы отмечаем не одну только дату. 100-летие первой российской революции, 90-летие Октябрьской революции, 70-летие 37-го года. Эти даты взаимосвязаны. Ведь Сталин уничтожал не просто революционеров, соратников, а героев Первой российской революции (1905 г.) А если эти же лица участвовали в Октябрьской революции, то все они погибли в годы репрессий.

Одна деталь очень важна. Когда прозвучали выстрелы на Дворцовой площади 9 января, кровавое воскресенье подняло всю Россию тогда. Начались стачки в городах, рабочие движения. В последних дальних деревушках крестьяне поднимались. Восстания на флоте, в армии. Всеобщая политическая стачка. И спустя 20 лет с лишним — в расстрельные годы — народ промолчал. Это сегодня с грустью и со стыдом нужно констатировать. Промолчал, но это был уже другой народ. Сосед доносил на соседа, сосед казнил соседа, сосед грабил соседа. Это был другой народ, воспитанный, возвращенный в страхе, в тотальном страхе, возвращенный в поклонении кремлевскому идолу, заживо обожествленному. Вот такая связь этих революций с террором.

Мы говорим о Большом терроре. Он, конечно, начинался, если строго говорить исторически, именно 1 декабря 1934 года. И Сталин тогда выдал себе индульгенцию на массовые казни сам себе, издав этот указ, по которому расстреливали без права на апелляцию, на пересмотр и т.д., совершенно невинных людей. Вот такое своеобразное это 1 декабря. Как сигнал прозвучал. Аналогия, конечно, рискованная — это поджег рейхстага.

Теперь надо говорить о том, что это было. Мне сдается, что это было истребление интеллигенции прежде всего: голо-

ву снять народу собственному, грузинскому народу Сталин тоже снял голову. Голову интеллигенции. Интеллигенции военной — Гражданская война, это и тридцатые годы. Интеллигенция техническая — Шахтинский процесс, промпартия. Интеллигенция научная — мы с вами всё это знаем хорошо по книгам, по публикациям. Это интеллигенция творческая — поэты, писатели, художники, актеры, режиссеры. Расстреляли Бабеля. Кому писатель помешал? Видно, Бабель Бабий яр уже тогда предвосхищал. Вот такие строчки, они просто больно ударяют в сердце. Но так было, уничтожали всё лучшее, что было в России. Одних художников — цифра страшная: 600 художников с лишним погибло. Не 60, не 6 и не 160. Вот такой был терпор целенаправленный.

Если мы с вами сейчас в повседневной жизни очень редко встречаем в кабинетах руководителей пару умных глаз, а пару добрых глаз — еще реже, наверное, это всё метастазы сталинщины. Мы сегодня переживаем эти метастазы. И не только в области экономики, но и в духовном мире. И когда мы говорим с сожалением о том, что молодые люди — и школьники, и студенты — как-то равнодушно, как-то отчужденно относятся к прошлому, что опять нарождается новое поколение, духовно недоношенное — не по нашей ли с вами вине? Что же кого-то винить?

Был как раз такой пример на днях. Приходит студент исторического факультета, нынешний студент. Он спрашивает: что такое НКВД? Студент — профессионал будущий. И когда ему заикнулись о Молотове, то он спросил: это какой Молотов? — Вы не знаете Молотова? — Ах, это тот, который значок «Серп и Молот» сделал.

Это не анекдот, это не смешно. Действительно, поколение за поколением поднимается. И наша работа — не покладая рук, работать и публиковать и просвещать. Я все время печатаюсь в периодической печати и стараюсь выступать, где только можно.

Рой Медведев,
историк

У нас, у историков, нет претензий к публикациям на тему о репрессиях, о памяти, потому что уже в моей библиотеки накопилось несколько сот книг, напечатанных в конце 80-х и 90-е годы, и сборники, и книги памяти, книги памяти по областям. Всё прочитать очень трудно.

Бывает очень трудно издать в провинции. Я помогал уральским исследователям напечатать три тома Книги памяти о репрессиях в Свердловской области, и книга вышла маленьким тиражом (всего тысяча экземпляров). Пришлось искать спонсора. Уже в Омской области издание разошлось тиражом только в 300 экземпляров. В некоторых областях рукописи лежат и до сих пор не изданы.

В этой связи я хочу сказать о своем убеждении, что память будет сохраняться только тогда, когда этим займется государство, когда это будет государственным мероприятием, когда не надо будет искать спонсора для издания Книги памяти в 300 экземпляров.

Я не стану говорить о недостойном поведении нашего российского государства в этом вопросе. Оно в отношении памяти, в отношении жертв репрессий позорное и недостойное. Я это даже по собственному опыту знаю. Но я бы не стал упрекать наше российское государство, если бы я недавно совсем не увидел совершенно другой опыт другого государства — Казахстанского государства.

Я побывал в Казахстане и с удивлением увидел, что, например, при сооружении столицы Казахстана — Астаны (новый совсем город) первыми мемориалами, которые были воздвигнуты в Астане для всеобщего поклонения и уважения, был Мемориал памяти Великой Отечественной войны (полтора миллиона казахстанцев ушли на войну и половина не вернулась) и памятник жертвам политических репрессий. В Астане огромный мемориал, большой холм с большой стелой, с аллеей и парком памяти, и главы разных государств, которые приезжают в Казахстан сажают там елки памяти. Первую посадил Назарбаев, другие главы государств. Общественные органи-

зации в Казахстане тоже делают эту работу, но главную работу делает государство. Все главные книги (а я увез оттуда пакет книг о политических репрессиях в Казахстане) издает архив Президента Республики Казахстан.

В Казахстане 9 мая отмечается День победы. 31 мая отмечается День памяти жертв политических репрессий как государственный День памяти. Выступают все, организуют мероприятия. Закон требует организовывать мероприятия, связанные с памятью жертв политических репрессий.

Четыре года назад в этот день, 31 мая, под Алма-Атой, в пригороде Алма-Аты, был открыт огромный мемориал памяти жертв политических репрессий. Открыл его Президент и выступал, говоря о политических репрессиях, не делая никакой разницы между казахами, немцами, русскими, евреями, литовцами — жертвами политических репрессий времен коллективизации и после войны.

Этого в России нет. Прекрасную, замечательную работу делает «Мемориал», некоторые другие общественные организации, но это частная в какой-то степени инициатива. Люди работают, не пользуясь помощью государства. До сих пор 80 процентов архивных документов времен Сталина не рассекречено. И работа эта длится так долго, что еще сотни лет понадобится для того, чтобы раскрыть советские архивы времен Сталина, а многие документы не зафиксированы в архивах. Они могут быть восстановлены только по памяти.

С памятью о Великой Отечественной войне вопрос, кажется, решен. Здесь тоже было много всякого рода наслоений. Каждый год 9 Мая государственные мужи возлагают венки и цветы к Памятнику Неизвестному солдату. Но нет такого места, где могли бы государственные мужи, возложить цветы к памятнику жертвам репрессий. Соловецкий камень — это дело общественности, а не государства. День памяти жертв репрессий, 30 октября — тоже отмечает общественность, для государства его нет.

Память, конечно, уходит. Я помню гораздо больше. Для моего сына это уже не проблема. Но для государства это должно быть проблемой всегда, и я призываю над этим подумать.

Лев Нетто,
Мемориал

В этой аудитории я выступаю первый раз, поэтому два слова о себе.

В моем жизненном багаже 8 лет ГУЛАГа. Более конкретно — особорежимный лагерь в Норильске, член лагерной подпольной политической организации, участник Норильского восстания 1953 года.

Сегодня в выступлениях многократно звучали различные определения, раскрывающие суть ГУЛАГа. Но, говоря об общественном сознании и национальной памяти, выпала из дискуссии такая страница истории как Сопротивление режиму.

Пытали, расстреливали, издевались над человеком в тюрьмах и лагерях. И народ нес свою «Галгофу» покорно склонив голову? Нет, нет и нет!

С первых дней октябрьского переворота 1917 года и до 80-х годов коммунистическая власть не чувствовала к себе доверия народа. Сегодняшнее старшее поколение помнит магические слова, которые красовались повсеместно: «Народ и партия — едины». А ведь партия это и была реальная власть. Да, от народа скрывался весь спектр государственного террора. Единичные аресты только тайком, преимущественно ночью.

Подавление массовых выступлений против власти осуществлялось с крайней жестокостью. Так что, обычно, некому было разглашать такие карательные операции. Пресса сообщала только о тех процессах, которые предписывались для гласности на самом верху. Вот народ дружно и поддерживал судебные процессы над агентами империализма, изменниками и предателями интересов трудового народа. Власть, т.е. коммунистический режим, при такой народной поддержке убивала сразу двух зайцев — устраняла неугодных и вселяла в людей страх на все годы жизни человека. А безропотное следование за властью болезнь заразная, передается поколениям, лишает людей понятия человеческого достоинства. 70 лет травили в народе гены сопротивления и результат налицо. Но для надежности молодому поколению сейчас делают прививки пассивности. Отвлекают массовым психозом на различных шоу,

воспитывают на телефильмах ужасов, на азартных игорных роликах, приковывающих молодежь к бездушному проведению времени. Совсем недавно, в сентябре, я был в трех регионах нашей страны. Встречался в основном со своими друзьями — ветеранами ГУЛАГа.

В Новосибирске живет Борис Дроздов, ему в этом году исполнилось 85 лет. В Норильске мы с ним были вместе и во время восстания. Вспоминали общих знакомых, причем еще выживших к тому времени к тому времени ветеранов Большого террора. Но на мое предложение записать на диктофон свою ГУЛАГовскую эпопею Дроздов вежливо отказался. Пояснил, что полтора года тому назад он дал откровенное интервью французскому журналисту. А через два месяца после этого ему пришлось давать объяснения в местном ФСБ. Борис дал себе зарок не ворошить те годы и что-то записывать тем более.

А в Кемеровской области семья Ивана Горбунова, которому сейчас тоже 85 лет вообще в страхе. Ведь за его плечами Норильск, а после восстания Колыма, активный участник сопротивления власти. Иван реабилитирован, но его родственники считают это просто бумажкой, и лучше молчать, от греха подальше. Жена так и заявляет — мы не хотим, чтобы его еще раз арестовали.

Все это меня поразило. О каком уровне десталинизации может быть речь, коль такой настрой не дает людям спокойно спать.

Когда я возвращался из этой поездки в Москву невольно вспомнил Круглый стол 15 февраля 2006г. здесь в этом зале. Тогда также как и сегодня самым болезненным вектором выступления была десталинизация. Но это было что-то далекое, очень нужная, но не до конца ясная в своей конкретике деятельность. Тогда же здесь прозвучало предположение, что 20 лет тому назад российское общество еще не было готово проводить в жизнь идеи Перестройки. Оно блуждало. Когда наступит новый подъем, демократическая интеллигенция должна востребовать его более подготовленной. Чтобы наше общество не было застигнуто врасплох в третий раз.

Я согласен с предложением Александра Аузана, что надо рамки круглого стола расширять как во временном, так и причинном аспекте. Тогда более ясно, более конкретно будет видно — Что делать!

Наталья Огородник,
РОД «Мемория-Память»

Региональное общественное движение «Мемория-Память» юридически зарегистрировано как общественное объединение Министерством юстиции РФ по г. Москве 18 июня 2004 г. Создано детьми и близкими родственниками преданных земле на месте массовых захоронений бывшего Спецобъекта НКВД «Бутовский полигон» политзаключенных, репрессированных ВМН-расстрелом, на основе инициативной группы реабилитированных жителей Арбата.

Коллектив поставил перед собой конкретную и, казалось, простую задачу: учреждение Мемориального Некрополя «Спецобъект “Бутовский полигон”» как недвижимого памятника истории Федерального значения со статусом государственного учреждения. Работа в этом направлении ни одним из уже существовавших в г. Москве к тому времени общественных объединений реабилитированных не проводилась.

Место захоронений на «Спецобъекте “Бутовский полигон”» уникально: численность захороненных более 25 тысяч человек, из которых известны имена 20765 посмертно реабилитированных, около 60 различных национальностей, представители различных вероисповеданий, атеисты. Родственники захороненных сегодня проживают по всему миру.

Не смотря на официальное признание Минроскультурой статуса захоронения историческим объектом Федерального значения, единственным достигнутым положительным результатом деятельности РОД «Мемория-Память» сегодня можно считать лишь оформление органом прокуратуры официальное Представление об имеющих место грубых нарушениях действующего законодательства на территории Спецобъекта «Бутовский полигон»: не произведены установление границы территории захоронений и постановка на кадастровый учет как земли историко-культурного назначения, что повлекло за собой «нецелевое использование земель памятника, осуществление на указанных землях деятельности с нарушением режима содержания данной территории, возмож-

ность совершения незаконных сделок с участками, расположенными в границах памятника».

Исходя из выше изложенного, а также анализируя общую сложившуюся ситуацию в вопросах исторических исследований, издания мемуарной и научно-просветительской литературы, мартирологов, мемориализации мест захоронений, сохранения и увековечивания различных видов недвижимых памятников, являющихся свидетелями эпохи «красного террора», или созданных позднее с целью увековечивания памяти об этих событиях, следует отметить, что наиболее узким местом в перечисленных направлениях деятельности является вопрос мемориализации мест захоронений жертв политических репрессий, относящихся в соответствии с Земельным кодексом РФ к землям историко-культурного назначения.

Как правило эти территории находятся в зеленых зонах и становятся особенно дефицитными вблизи больших городов. Местная, региональная администрация не заинтересована в кадастровой регистрации этих земель историко-культурного назначения с наложением ограничений по их использованию. Очевидно также нежелание администраций всех уровней нести впредь расходы по содержанию недвижимых памятников истории.

Широко применяется практика передачи территорий мест захоронений жертв политических репрессий в постоянное (бессрочное) или безвозмездное срочное пользование общинам православной Патриархии, весьма односторонне и неполно, а в ряде случаев недостоверно освещающей ход исторических событий.

Государственная политика сегодня направлена на замалчивание исторической правды о периоде «красного террора». Ход времени уже отнес эти события в прошлый век. Уходит поколение, востребовавшее и читающее мемуарную литературу. Если не активизировать деятельность по увековечиванию памяти о жертвах политического террора, эти мемуары могут оказаться на пыльных полках библиотек или в запасниках невостребованными.

Представляется весьма актуальной необходимостью создать школьные и вузовские учебники, содержащие четкие и недвусмысленные оценки преступлений сталинского режима

против своего народа. И как наглядные пособия, свидетельствующие о прошлом — недвижимые памятники истории, в том числе, Мемориальные Некрополи жертв политических репрессий со статусом государственных научно-исследовательских учреждений, с координацией их работы в дальнейшем Общенациональным Научно-Исследовательским Центром.

Существующая в настоящее время законодательная база Российской Федерации достаточна для оформления землеустроительной документации на территории, являющейся местами упокоения жертв политических репрессий, но находится в неупорядоченном состоянии. Практически повсеместно проблемы установления в натуре границ захоронений, их межевание и кадастровая регистрация с наложением обременений по использованию земель не решаются. Законы практически не работают.

Разрозненность общественных коллективов реабилитированных граждан, а также отсутствие спонсорской поддержки уставной деятельности в этой области со стороны отечественных меценатов из-за отсутствия интереса или нежелания войти в противоречие с проводимой политикой администрацией, государственными органами всех уровней, а также зарубежных из-за опасения быть обвиненными во вмешательстве во внутренние дела государства Российского, усложняют положение дел. Однако, проведение даже частичного археологического обследования, межевания границ территорий захоронений — мероприятия дорогостоящие.

Необходимо создание закона российской Федерации «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий», по аналогии с изданными 14 января 1993 года по инициативе Министерства обороны Законом РФ «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества». Данный вопрос требует консолидации усилий общественных объединений реабилитированных граждан.

Два в равной степени эпохальных события: Великая Отечественная война 1941–45 гг. и «красный террор» 1937–38 гг. в разной степени освещаются в отечественной истории. Отношение государства к ним также различно.

Однако, ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы века, как Освенцим и Хиросима.

К примеру, уместно вспомнить слова известного писателя, неоднократного узника Соловецкого ГУЛАГа Волкова О.В., который в своей книге «погружение во тьму» писал: «Этот остров можно посещать лишь совершая паломничество как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных скорбных дат, как Освенцим или Бухенвальд».

Эмма Раутбарт,

Клуб учителей «Доживем до понедельника»

Я хорошо помню то время, о котором мы сегодня говорим. Я помню, как мы просыпались утром и выясняли, кого еще из соседей забрали ночью. Я помню, как людей увозили, арестовывали, их детей забирали. Ведь в то время половина сидела, а половина доносила. Я помню, как нас предупреждали, чтобы мы никому не говорили, что отец строил КВЖД, потому что всех строителей КВЖД сажали за то, что они были японскими шпионами. Историки это хорошо всё знают.

Надо сказать, что реакция молодых людей на то, что было, и то, что есть сейчас, очень разная. Я недавно разговаривала с человеком (ему лет 25–27), и он спрашивает: Что вы все говорите, что Сталин — палач? Он что, каждого сам расстреливал? Мне пришлось ответить ему, что если бы он сам расстреливал каждого, ему пришлось прожить лет триста... Но есть и другая молодежь. Человек получил квартиру в Южном Бутово. Он полтора года занимался обменом квартиры. Он сказал: я не могу, чтобы мои дети жили на костях расстрелянных людей. Есть и такой народ у нас.

Надо сказать, что, как и «Мемориал», мы, Клуб учителей, уже 9 лет проводим Всероссийский конкурс детских научно-исследовательских работ. У нас есть номинация «История времен и народов». Надо сказать, что по этой номинации приходит очень много работ по теме репрессий. Даже на такие темы, как, например, «Малолетний заключенный в СССР в период сталинских репрессий 1926–1953 гг.» (работа пришла из Алтайского края). Много работ приходит из города Норильска по истории лагерей. Причем дети используют архивный матери-

ал, фотографии, документы. Дети всерьез этим интересуются. Поэтому очень хочется, чтобы изменилось отношение к учебникам истории, чтобы мы могли рассказывать правду нашим ученикам.

Борис Славин,
доктор философских наук

Истина в отличие от мифа всегда конкретна. Если мы ищем причины, породившие сталинизм и Большой террор, то нужно прямо сказать — они являются плодом не революции, а контрреволюции, осуществленной Сталиным и его приспешниками на рубеже 30-х гг. прошлого века. Большой террор есть прямое отрицание идеалов Октябрьской революции, 90-летие которой отмечается в этом году. Здесь говорили: «Революция пожирает своих детей». Но у нас не революция пожирала своих детей, а контрреволюция, термидор, осуществленный Сталиным и его командой. Сталин — не интернационалист, Сталин — не революционер в точном смысле этих слов. И когда пытаются отождествлять Сталина со всей плеядой революционеров ленинской школы, происходит фальсификация истории.

Известно, что Сталин активного участия в Октябрьской революции не принимал. Мало того, позднее в 1924 году в ходе борьбы с Троцким он фальсифицирует протоколы заседания ЦК партии о подготовке к восстанию, вписав в них свое имя как одного из руководителей этого восстания. Сталин всегда был далек от революционной нравственности и идеалов революции. В ссылке и тюрьмах он больше общался с представителями уголовного мира и полицейскими надзирателями, чем с революционерами. Привычки такого общения он сохранил надолго. Он ненавидел старых большевиков за то, что они знали о его неблагоприятной роли в революции и Гражданской войне (участие в насильственных «эксах», сотрудничество с охранкой, санкционирование убийства «царской семьи», уничтожение пленных белоказаков и т.д.). В 1930-е гг. он ликвидирует многих из них.

В последнее время в научной среде и во многих средствах массовой информации стал распространяться миф о Сталине как «творческом» или, как здесь говорилось, «эффективном» менеджере, проведшим успешную индустриализацию и коллективизацию страны, в отличие, например, от марксистского догматика Ленина. С подобными утверждениями можно согласиться только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию и практику НЭПа, которые реализовал Ленин, а сталинский возврат в начале 30-х годов от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный со сталинской коллективизацией, наконец, не проект демократизации советского государства, предлагавшийся в последних работах Ленина, а создание Сталиным тоталитарной системы и соответствующей ей теории обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму.

На мой взгляд, утверждение о якобы «творческой натуре» Сталина напоминает известное «творчество» Воланда из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Отличие только в том, что Воланд в писательском воображении применял метод «секир башка» только к отдельным нехорошим персонажам романа, а Сталин пользовался им в реальной действительности применительно к сотням тысячам не в чем не повинных людей. На самом деле, никакого «творческого», а тем более «эффективного менеджера» в лице Сталина не было. Он был хитроумным, но во многом недальновидным политиком, допуская на практике весьма грубые ошибки. Это от него исходили нереальные цифры пятилетних планов, абсолютизация чрезвычайных мер в политике, стратегические просчеты в оценке предвоенной ситуации накануне 1941 года, полное пренебрежение ценностью человеческой жизни на крутых поворотах истории и т.д.

Сталин, в конечном счете, предложил свой доморощенный проект строительства социализма, чуждый марксизму и научно обоснованному проекту Ленина. Как известно, основные идеи индустриализации, кооперации и культурной революции, принадлежали Ленину, а не Сталину. Напомню, Ленин предлагал провести индустриализацию страны, прежде всего за счет средств, освобождаемых при сокращении госаппарата,

а кооперацию — за счет строгого соблюдения принципа добровольности и механизации сельского хозяйства путем создания и передаче деревне не менее двухсот тысяч тракторов. Ни тот, ни другой завет Ленина не были выполнены Сталиным. Напротив, волюнтаристски превратив индустриализацию в «сверхиндустриализацию», Сталин стал осуществлять ее на основе насильственного взимания «дани с крестьянства» и прямого «выжимания пота» из рабочих. Что касается кооперации на селе, то она также свелась к известному силовому раскулачиванию не только кулаков, но и середняков с последующим формальным обобществлением примитивного сельскохозяйственного инвентаря (сохи) и изъятия в пользу колхоза нередко единственной лошади или коровы, без которых, вообще, невозможна нормальная жизнь крестьянской семьи. Темпы коллективизации были такие, что у «правых», по выражению Сталина, «глаза лезли на лоб». На самом деле, темпы и методы сталинской коллективизации были омыты слезами и кровью миллионов сельских тружеников. Результаты такой политики хорошо известны: ничем неоправданные человеческие жертвы, семейные трагедии, голодомор в большинстве регионов страны, многолетняя стагнация сельского хозяйства, полная дискредитация идей социализма в аграрном вопросе.

Разрушительные последствия такой политики естественно порождали сопротивление сталинизму, начиная с многочисленных крестьянских восстаний на юге страны, и кончая антисталинскими выступлениями представителей «левой оппозиции», программным демаршем Рютина, открытым обличительным письмом Раскольникова, критическими высказываниями Крупской, политическими протестами Бухарина и других ветеранов партии.

Чем должны гордиться школьники, изучая советскую историю? Думаю, многим. Известно, что наша история развивалась противоречиво. В ней хорошо прослеживается противоположность ленинской и сталинской линии развития советского общества, борьба сторонников демократии и тоталитаризма. На мой взгляд, в советской истории можно и нужно гордиться как простыми тружениками, на плечах которых держалась наша страна, так и выдающимися представителями отечественной науки и культуры, которые творили историю, не запятнав себя

порочным сотрудничеством со сталинским режимом власти. Особенно следует гордиться теми людьми, кто сознательно сопротивлялся этому режиму, кто был предан идеалам революции, кто сознательно боролся с ложью властных структур и насилием над народом. Только не надо противников тоталитарного сталинского режима автоматически превращать в антисоветчиков, как это часто делал сам Сталин: они ими не были. Я думаю, что можно и нужно гордиться, например, такими людьми, как Рютин, Шаламов, Раскольников и др. Напомню, эти люди никогда не отрицали свою связь с Лениным и Октябрьской революцией. В то же время, они видели в Сталине подлинного душителя революции. Известно, например, восторженное письмо Шаламова в связи с проведением XX съезда партии, в котором он с радостью отмечал, что, наконец-то, идол разбит и «преступления названы преступлениями».

Большой террор, на мой взгляд, был своеобразным ответом Сталина на принципиальную критику его политики, исходившую от представителей ленинской гвардии большевиков. Острие этого террора было направлено, прежде всего, против них и связанных с ними людей. Этот ответ был расчетливым и жестоким. С его помощью Сталин решал двойную задачу: с одной стороны, переложить на своих оппонентов провалы собственной политики, с другой, физически устранить свидетелей этих провалов. «Дело Кирова» и последующие за ним знаменитые Московские процессы должны были реализовать этот иезуитский замысел.

Для осуществления его в ход были пущены все дозволенные и недозволенные средства (фальсификация фактов, клевета, пытки, шантаж, самооговоры). Мало того, по логике «держи вора», Сталин обвинил своих бывших товарищей по партии в попытках осуществления террористических актов, связанных с покушением на его личность, якобы олицетворяющую собой идеалы партии и Октябрьской революции. В итоге большого террора были превращены во «врагов народа» и уничтожены тысячи выдающихся деятелей советской власти, ликвидированы организации ветеранов революции, была произведена полная «зачистка» ближайших соратников Ленина, упомянутых в его Политическом завещании: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова. Сталин фактически уничтожил

весь «тонкий слой» революционеров, на авторитете которого во многом держалась советская власть. Тем самым уже тогда были заложены глубинные предпосылки ее будущего падения. В этом смысле Сталин был не героем Октября, а могильщиком революции и дела Ленина. Только за связь с «врагами народа» поплатились миллионы ни в чем не повинных граждан. По данным доклада комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК за 1937–1938 гг. было репрессировано по обвинению в антисоветской деятельности 1 548 366 человек, из них расстреляно 688 503 человек. По современным данным «Мемориала» цифра расстрелянных вырастает до семисот с лишним тысяч. Таких «чисток» и жертв не знала мировая история.

Не смотря на это, современные поклонники Сталина (как, впрочем, и его либеральные противники) не устают вновь и вновь повторять различные мифы и фальсификации Московских процессов, выдавая их за сенсационные открытия. При этом они совершенно не утруждают себя предъявлением общественности каких либо новых научных фактов, аргументов и доказательств. Например, до сих пор существует и пускается в ход некогда популярный миф, созданный в 30-е гг. о том, что «Ленин — это Сталин вчера, а Сталин — это Ленин сегодня». Ничего более нелепого себе нельзя представить.

В действительности, Ленин был принципиальным противником Сталина, а не его учителем. Да и Сталин, мягко говоря, не любил Ленина. Он презрительно о нем говорил до 1917 года, а потом постоянно завидовал его мировой славе вождя Октябрьской революции. Ленин, в свою очередь, тоже не случайно называл Сталина «поваром, который может готовить только острые блюда». Сталин, на самом деле, их постоянно готовил как при жизни Ленина, так и после его смерти. Так, в начале 20-х гг. при явном поощрении Сталина возникло известное «грузинское дело», связанное с рукоприкладством Орджоникидзе в Грузии. Он же активно выступил против осуществления ленинского плана образования СССР. В последние годы жизни Ленина, под видом заботы о здоровье создателя советского государства, он фактически полностью изолировал его от политики. При этом он позволял себе грубо оскорблять Крупскую, что не могло не сказаться на ухудшении здоровья Ленина. Случайно узнав о таком поведении Сталина, Ленин

потребовал извинений с его стороны, в противном случае он предлагал порвать с ним всяческие отношения.

Вместе с тем, конфликт Ленина со Сталиным не следует трактовать в сугубо личном плане: они были, по существу, политическими антиподами, Интерпретируя по своему известное письмо Ленина XII съезду партии, Сталин говорил, что в нем лишь указывалось на его грубость. При этом он соглашался: «Да, я груб, но груб с врагами Советской власти!». Однако суть ленинского письма состояла в другом: это был важнейший политический документ — своеобразное завещание великого революционера, в котором осмысливалось будущее развитие партии и советского государства. Дело в том, что в последние годы своей жизни Ленин расходился со Сталиным по многим принципиальным вопросам политики. В частности, они совершенно по разному понимали национальный вопрос и способ образования СССР, проблему реформирования политической системы, реорганизацию Рабкрин, вопросы, связанные с монополией внешней торговли, ролью Госплана в обществе и т.д. Ленин считал и писал в Завещании, что Сталин не только груб и капризен, но и не лоялен к товарищам по партии. Его отношения с Троцким были настолько враждебны, что могли, по мнению Ленина, способствовать расколу в партии и даже ее возможному падению. Исходя из этих фактов, Ленин в 1923 году приходит к выводу о необходимости снятия Сталина с поста генсека, о чем он и хотел публично заявить (взорвать «бомбу») на XII-ом съезде партии. Однако очередной приступ болезни не дал ему этой возможности, а соответствующее письмо, которое он адресовал этому съезду, Сталин фактически скрыл от партии. Учитывая все сказанное, у меня нет сомнения в том, что Сталин своим поведением ускорил кончину Ленина. По мнению Троцкого, высказанному незадолго до его собственной смерти, Сталин, наблюдая явное улучшение здоровья Ленина к началу 1924 года, мог его отравить.

Однако со смертью Ленина, не исчезло стремление Сталина развенчать или «подмочить» высокую нравственную репутацию вождя Октябрьской революции, и тем самым повысить авторитет собственной личности. Это тайное стремление открыто проявилось во время подготовки Московского процесса по делу Н. Бухарина. Сегодня очень популярен миф,

кстати, опровергнутый серьезной наукой, о том, что Ленин приехал в Россию не только в немецком опломбированном вагоне, но и с немецкими деньгами для совершения революции. Современные распространители его, видимо не знают о том, что Сталин, по свидетельству Александра Орлова, стремился навязать этот миф арестованному Н. Бухарину в качестве некоего откровения. Так, Бухарину было предложено подписать соответствующее письменное признание, а затем выступить с ним на суде. В этом признании говорилось, что Ленин якобы имел «секретное соглашение» с немецким правительством, по которому оно в 1917 году предоставило ему железнодорожный вагон, для проезда через Германию. Верный этому соглашению Ленин, после захвата власти, настоял на заключении унижительного сепаратного мира с немцами. Мир, достигнутый таким образом, конечно, возмутил Бухарина и он начал разрабатывать план убийства Ленина. Прочитав проект такого «признания», Бухарин вне себя от негодования, воскликнул: «Сталин хочет и мёртвого Ленина тоже посадить на скамью подсудимых!». Надо отдать должное Бухарину в том, что он решительно отказался подписать проект такого признания, хотя под влиянием шантажа следователей, соглашался признать многое из того, что требовал от него Сталин.

Конечно, Сталин открыто никогда не выступал против Ленина, тем более против идеалов революции и социализма. Мало того, он широко использовал последние для оправдания своих политических ошибок и реализации собственных властных интересов. Так, Сталин подводил под Московские процессы и связанные с ними массовые репрессии уже упоминавшуюся псевдомарксистскую теорию «обострения классовой борьбы» и «усиления государства» по мере приближения к социализму. Этим же целям служила фальсификация истории партии и Октябрьской революции в «Кратком курсе истории ВКП(б)», принятие так называемой «сталинской Конституции», провозглашавшей успешное построение социализма в еще недавно отсталой стране, наконец, этим же целям служил отказ Сталина от Коминтерна, введение консервативной «державной» символики в армии и других сферах общественной жизни. Все это, взятое вместе, должно было идейно оправдать сталинскую политику, поднять в глазах общественности

величие и неповторимость его роли в истории. На эти же цели работал и поощряемый им, особенно в последние годы, культ собственной личности.

Парадоксально, но факт: сегодня многое из этих сталинских «новаций» фигурирует у отдельных политиков и публицистов как характерное доказательство его мудрости и подлинно патриотической позиции. По их мнению, именно Сталин помог восстановить в стране русские национальные ценности в отличие от космополитизма Троцкого и интернационализма Ленина. При этом совершенно забывается, что эти «новации» Сталина имели явно монархический привкус, полностью противоположный духу социализма, которому он на словах присягал.

Нам сегодня нужна *вся* правда о Большом терроре. При этом не следует абстрактно, тем более конъюнктурно трактовать смысл и значение сталинских репрессий конца 30-х гг. Здесь присутствуют люди, которые пережили эти репрессии. Являясь, как и их отцы, противниками сталинского режима, они мечтали о социализме с человеческим лицом. И к этому социализму история вплотную подошла на XX съезде КПСС, надломившему сталинский тоталитаризм, и особенно в годы перестройки, нанесшей ему последний смертельный удар. Без понимания этих переломных явлений советской истории, на мой взгляд, нельзя понять ни нашего прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Юрий Примаков,
историк

После выступления Н.С. Хрущева на XX съезде, моя мать Мария Ароновна Довжик, жена командира Первого конного корпуса Червоного казачества Виталия Марковича Примакова, и я подали документы о реабилитации. Отец был арестован в августе 1936 года и расстрелян вместе с Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими командирами РККА. Были казнены или сосланы почти все командиры Червоного казачества.

После того, как мы получили в 1956 году документы о реабилитации отца, началась работа советов ветеранов Червон-

ного казачества в Москве, Ленинграде, во многих городах Украины. В этой работе принимали участие прославленные генералы Красной Армии — маршал И.Т. Пересыпкин, генералы А.В. Горбатов, Я.А. Хотенко, Е.П. Журавлев, академик И.И. Минц, все родные В.М. Примакова. Началась большая работа по сбору материалов и восстановлению исторической правды. Собранные материалы передавались в музеи (только школьных музеев было более 30), в архивы, использовались при создании художественных и документальных фильмов.

Восстановление исторической правды было тем более необходимо, что в стране сохранялся миф о том, что в 1937 году была расстреляна маленькая группа малозначащих людей, и их гибель никак не отразилась на судьбах страны, сумевшей под руководством Сталина одержать великую победу в войне. Многим и сейчас кажется, что события 1937 года — внутреннее дело жителей СССР и массовые казни миллионов людей, ссылки и лагеря никак не повлияли на судьбу человечества, на ход мировой истории.

Война против Красной Армии, которую будущий генералиссимус начал в 1918 году под Царицыным, продолжил в 1930 году и не прекращал до своей смерти, была главной причиной Второй мировой войны. Тесная связь с Германией, подготовка немецкой армии (в том числе генералов) на советской территории, позволила немцам использовать опыт маневренной войны, накопленный РККА, ознакомиться с новейшими теоретическими разработками красных командиров.

Будучи в Германии командиры РККА, в том числе мой отец, не раз сообщали в Москву о том, что немцам куда больше выгод от такого сотрудничества, а Гитлер непрестанно утверждал, что его главный враг — большевики, СССР. В своей книге о тактике германской армии, Примаков подробно описал возможную схему действий наступающей германской армии на территории западных областей Украины и Белоруссии. В 1937 году были ликвидированы партизанские базы в Украине и Белоруссии, созданные по инициативе Якира, расстреляны подготовленные кадры партизан, расстреляны или посажены в лагеря сотни талантливых конструкторов и создателей военной техники, разведчиков и ученых. Огромная работа по перевооружению армии и страны, начатая М.Н. Тухачевским,

И.П. Уборевичем, Р.П. Эйдеманом была прекращена. И все это происходило в то время, когда гражданская война была проиграна республиканцами в Испании, Квантунская армия выдвинулась на советско-китайскую границу, а ось Рим-Берлин-Токио стала действенным инструментом агрессии.

О том, что происходит в СССР, знали во всем мире, но лучше всех об этом были осведомлены в Германии. Офицеры и генералы возрожденного вермахта уверены — на востоке им ничто не угрожает. У СССР нет союзников. И, действительно, когда в 1939 году СССР попытался вести переговоры с Англией и Францией о военном союзе, переговоры провалились. Кто будет заключать военный союз со страной, в которой генералы — изменники и шпионы?

Работа Сталина по изоляции Советского Союза прошла успешно, а договор Молотова-Риббентропа закрепил этот успех. Война с Финляндией подтвердила информацию об ослаблении Красной Армии, расстрелы командиров продолжались, и Гитлер мог не сомневаться в победе. Именно эти обстоятельства сделали вторую мировую войну неизбежной, а чудовищные потери нашего народа закономерными. За годы войны Англия потеряла 250 тысяч человек, США 360 тысяч, а СССР 27 миллионов. После вступления советских войск в Прибалтику были сосланы тысячи латышей, эстонцев, литовцев, расстреляны польские военнопленные. Товарищ Сталин всегда был большим интернационалистом. Красной Армии был обеспечен враждебный тыл в первые дни войны. Первым приказом Сталина было распоряжение сдать все оружие и приемники в милицию. Население было обезоружено.

Почему это происходило? В чем была причина такого отношения к людям? Может быть, сказались традиции русского самодержавия, для которого увеличение размеров империи было определяющей идеей, а цена этих действий значения не имела?

События 1937 года еще раз подтвердили очевидную истину — главное богатство каждой страны это люди, это способность и умение государственных структур разумно и эффективно использовать интеллектуальную и трудовую мощь жителей страны. Там, где люди «простые винтики», как говорил Сталин — там наступает катастрофа.

Юрий Афанасьев,
доктор исторических наук

Я здесь с утра, и должен сказать, что я испытал праздник души за этот день, потому что я убедился, что, несмотря на то, что такой ухабистый путь проходит всё наше общество и мыслящая его часть, тем не менее, все-таки продолжается продвижение по направлению к постижению истины продолжается.

И в этой связи я особо хотел бы, конечно, сказать про вклад в этот процесс и в то, что это происходит, и «Мемориала» и Фонда Горбачева. «Мемориал», поскольку он упорно продолжает сохранять места памяти нашего общества — советского и современного российского, и Фонд Горбачева, остающийся верным тому главному, с чем связывается имя Михаил Сергеевич, — это свобода, возможность думать, размышлять и исследовать те темы, которые являются наиболее значимыми для нас. Вот это сегодня, по-моему, здесь отразилось, и это, действительно, не может не радовать.

Если подвергнуть такому углубленному анализу то, что было произнесено, сказано сегодня, мне кажется, что никакого монолита, никакого единства не обнаружилось. Наоборот, были зафиксированы, как мне кажется, в разной степени продвижения к истине в интеллектуальном освоении всего нашего прошлого.

Я думаю, что ничего страшного не будет, если именно эти разные продвижения и будут представлены так, как они есть. Но то, что это будет, безусловно, полезно, в этом сомневаться совершенно не стоит.

В сущности, когда мы говорим о терроре, мне кажется, на самом деле, мы говорим о формировании советского социума, которое продолжается и сегодня. Мне кажется, хорошо бы было опубликовать результаты этого круглого стола, как можно раньше. Дело в том, что сейчас — пик дискуссии по поводу отношения к учебникам истории, прошлому. Власть заявила свою позицию. Общество, как всегда, робко пытается как-то отреагировать некоторым несогласием, а то и согласием тоже. И было бы хорошо, конечно, эти результаты издать срочно, а не в обычном порядке.

ДОКЛАДЫ,
присланные участниками конференции

Трагедия 1937 года

З.Л. Серебрякова

Д.И.Н.

С начала двадцатых годов, сделавшись Генсеком, Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, направив ее на борьбу негодными и с какой бы то ни было оппозицией своему режиму, себе лично.

В 1927 год в юбилей Октябрьской революции дошло до прямых столкновений. Когда старый большевик Е.А. Преображенский выступал с речью, сталинисты начали бросать в него камни, ранив Преображенского в голову. Кровь залила ему лицо, но он продолжал речь, провидчески воскликнув: «Сталин жаждет крови; сегодня он всунул в руки своих хулиганов камни, завтра он вооружит их орудиями истребления».¹

После XV съезда партии, высылки Льва Троцкого нарастали репрессии, тюрьмы, ссылки, все более беззастенчивая травля оппозиционеров. Дорога к сталинскому террору, — писал Троцкий, шла: «от фальшивых цитат и сокрытия подлинных документов... к 58-й статье», т.е. обвинению в контрреволюционных преступлениях».²

До 1934 г. было лишь несколько случаев расстрела коммунистов — на фронте, в 20-е годы сотрудников ЧК — ОГПУ за связи с оппозицией, Я.Г. Блюмкина после его встречи с Троцким в 1929 г.

В 1932 г. был арестован М.Н. Рютин, автор революционной «Платформы марксистов-ленинцев», где Сталин сравнивался с провокатором Азефом и резко критиковалась его преступная политика. Взбешенный генсек добивался расстрела Рютина, —

¹ Павлов И. 1920-е. Записки оппозиционера. М., 2001, с.92

² Троцкий Л.Д. Письма из ссылки. М., 1995, с.173.

но власть его в то время еще не была столь абсолютной, чтобы он мог нарушить один из важнейших неписанных заветов В.И.Ленина — не казнить большевиков, чтобы не уподобляться в этом Французской революции «пожиравшей своих детей». На казнь Рютина политбюро тогда не дала своих санкций.³

1 декабря 1934 г. одновременно с известием из Ленинграда об убийстве С.М. Кирова, появилось заранее заготовленное Сталиным и подписанное секретарем ЦИК А.С. Енукидзе постановление — оно так и не было утверждено сессией ЦИК СССР как то требовалось конституцией и, однако, несмотря на свою нелегитимность было названо Законом от 1 декабря 1934 г.

Следствие надлежало вести ускоренным порядком, не принимая ходатайств о помиловании, а высшую меру наказания приводить в исполнение немедленно «по вынесению судебных приговоров».

Готовясь к осуществлению своих чудовищных замыслов, Сталин всячески укреплял не только фактическое единовластие, но и полный контроль над Политбюро ЦК ВКП(б).

24 июля 1934 г. было принято постановление о распределении обязанностей секретарей Центрального Комитета. За Сталиным закреплялись: 1) Культура (идеология); 2) Особый сектор (личная тайная полиция Сталина); 3) Политбюро ЦК (его непосредственная деятельность).⁴

Секретным решением ЦК 13 мая 1935 г. создавалась особая комиссия для ликвидации «врагов народа». Кроме Сталина туда вошли Маленков, Шкирятов, Вышинский и Ежов. Ягода включен не был.

Позднее, 14 апреля 1937 г. для решения вопросов секретного характера при политбюро создается еще одна комиссия в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова.⁵

Трагедия 1937 г. происходила не стихийно и не в ответ на чьи-то действия, а по заранее разработанному сталинскому плану. В июне 1935 г. на встрече с Р. Ролланом, в ответ на его сомнения Сталин говорил, что, мол, необходимо было принять закон,

³ «Известия ЦК КПСС». 1989. № 3, с.138.

⁴ Сталинское политбюро в 30-е годы. М., 1995, с.55.

⁵ Ваксберг А. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., с.83.

грозящий детям, начиная с двенадцатилетнего возраста, уголовной ответственностью вплоть до расстрела. Закончил он многозначительными словами о том, что понадобится два или три года, чтобы искоренить этих преступников.⁶ Два-три года: 1936, 1937, 1938 годы, включая и 1937 г. — эпицентр кровавой драмы.

В 1935 г. угроза была услышана — до сих пор помню с трудом скрываемую тревогу, и скорбь на лице моего отца Леонида Петровича Серебрякова, его неудачную попытку пошутить, когда он, в те очень далекие времена, говорил о моем двенадцатилетии и том страшном Законе. Отец слишком хорошо знал Сталина, его непомерное властолюбие, жестокость, полное отсутствие морали и какой-либо человечности, чтобы не предвидеть трагическое будущее. В канун 1937 г., в Лубянской тюрьме после трех с половиной месяцев отказа признавать дикие вымышленные обвинения, он внезапно все подписал, не имея сил отдать на муки и меня, свою дочь.

Наблюдая за происходящим в нашей стране, Л.Д. Троцкий с удивительной прозорливостью писал 30 марта 1935 года: «Подготавливается какой-то новый этап, по отношению к которому убийство Кирова было лишь зловещим предзнаменованием.»⁷

Однако в 1935-м и первой половине 1936 года приближающаяся катастрофа чувствовалась лишь по отдельным признакам. Тогда я впервые услышала слово — политизолятор, узнала, что Сергей Зорин, умный, славный старый большевик, часто бывавший у нас в доме, теперь находится в суздальской тюрьме. Невольно обращало внимание и то, что гостей становилось все меньше, а смех звучал все реже.

Весной 1936 года произошел запомнившийся на всю жизнь случай. Мама попросила меня уточнить почему не отвечает телефон декана исторического факультета МГУ Г.С. Фридлянда. Он жил на первом этаже одного из Домов Советов; приподнявшись на карниз, я увидела в комнатах разбросанные на полу вещи и повсюду книги, книги. Мой вывод был — в квартире побывали грабители. Но когда я рассказала об этом моей маме Галине Серебряковой — она неузнаваемо изменилась в лице, поняв то, что мне тогда еще было неизвестно.

⁶ Штурман Д. Из редакционной почты «Новый мир», 1992, № 4, с.249.

⁷ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994, с.107.

В августе 1936 г. прошел первый, так называемый московский процесс, закончившийся казнью ближайших соратников В.И. Ленина Л.Д. Каменева, Г.Е. Зиновьева и всех остальных подсудимых. Получив от них нужные показания, Сталин не выполнил данное обещание сохранить жизнь не только обвиняемым, но и их детям и другим бывшим оппозиционерам.

По воспоминаниям известного советского разведчика Александра Орлова, даже сотрудники НКВД были неприятно поражены тем, что вскоре после процесса, Сталин приказал расстрелять еще 5 тысяч человек, главным образом старых большевиков, оппозиционеров, находившихся уже в тюрьмах и лагерях.⁸

В конце сентября 1936 г. новый нарком НКВД Ежов и Прокурор СССР Вышинский представили список в 585 человек, обреченных на смерть. 4–5 октября тайно проходили казни — наступал сталинский большой террор.

Начало 1937 года ознаменовалось вторым московским процессом. Одним из осужденных был Г.Л.Пятаков, о котором Ленин писал в своем «Завещании», среди других участников якобы существовавшего «центра» был Л.П.Серебряков член Оргбюро, секретарь ленинского ЦК партии и Г.Я. Сокольников также видный старый большевик, автор блестящей экономической реформы начала 20-х годов.

В то время особенно часто на подсудимых, не дававших нужных Сталину показаний, действовали, угрожая жизнью их детей.⁹ Некоторые сыновья уже были арестованы и, по рассказам А. Орлова: «они использовались следствием как заложники и именно это способно было сломить даже самых стойких. Многие старые большевики, готовые умереть за свои идеалы, не могли переступить через трупы собственных детей — и уступали насилию».¹⁰

⁸ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Интернет версия.

⁹ Показательно, что надзирать за законностью, проводить судебные процессы и подписывать списки на казнь, Сталин поручил Вышинскому с его формулой «Признание обвиняемого — царица доказательств». К тому же в его более чем темном прошлом была и такая знаменательная страница — Вышинский комиссар Якиманского района г.Москвы летом 1917 года подписал приказ по району о розыске и аресте Ленина и Зиновьева. («Известия». 2003, 10 декабря).

¹⁰ Орлов А. Указ.соч., интернет версия.

Для большего воздействия в камеры подследственных под видом арестованных подсаживали агентов НКВД, которые рассказывали другим заключенным как десяти-двенадцатилетних детей выводили на расстрел вместе с родителями.¹¹ Кстати, одним из таких «подсадных уток» был бывший оппозиционер Сергей Кавтарадзе.¹²

Обвинения 1937 года были абсурдны, противоречили действительности. Видный революционер Виктор Серж, лично знавший многих подсудимых, писал: «В урезанных отчетах о процессах я находил сотни нелепостей, противоречий, грубых искажений фактов, просто безумных утверждений. Этот бред лился потоками...».¹³

Однако, готовя преступные инсценировки, Сталин был уверен: «Европа все проглотит», а в самой стране страх все более и более парализовал любые проявления недоверия и протеста.

В феврале 1937 года был убит или доведен до самоубийства влиятельный член политбюро Г.К.Орджоникидзе. Через несколько дней открылся Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б). В основном докладе Сталин объявлял беспощадную борьбу с врагами — «важнейшим приоритетом партийной работы на современном этапе».¹⁴ Во время пленума, 27 февраля 1937 г. Ежов представил генсеку список из 479 человек с фамилией, именем и отчеством, без указания каких бы то ни было обвинений.¹⁵ Впредь, в 1937–1938 гг., только после утверждения подобных списков Сталиным и его ближайшими подручными, чаще всего Молотовым, дела поступали на формальное рассмотрение Военной Коллегии Верховного суда и там попросту штамповались смертные приговоры.

¹¹ «Огонек», 1989, № 49, с.25

¹² Цитирую: «Кавтарадзе находился под стражей и использовался в качестве внутрикамерного агента. В последующем Кавтарадзе был из тюрьмы освобожден и работал в МИДе СССР — Б.С. Попов, В.Т.Оппоков, Бериевщина (по материалам следствия). Берия: Конец карьеры. М., 1991, с.344.

¹³ Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001, с.420.

¹⁴ Характерно, что из 73 человек, выступавших на пленуме 56 вскоре были расстреляны, 2-е покончили жизнь самоубийством. («30 октября». 2007, № 74).

¹⁵ Там же.

В 383 списках более 40 тысяч человек, которые были казнены по собственному росчерку сталинского «За» первую категорию — расстрел. Один из таких списков особенно красноречив. Написан он на клочке бумаги: «Тов.Сталину. Посылаю списки арестованных, подлежащих суду Военной Коллегии по первой категории. Ежов».

Резолюция гласила: «За расстрел всех 138 человек Ст(алин), Мол(отов)». В числе этих людей бессудно обреченных на смерть, были: Алкснис Я.И., Антипов Н.К., Берзин Я.К. и Берзин Э.П., Бубнов А.С., Вацетис И.И., Верховский А.И., Дыбенко П.Е., Кнорин В.Г., Крыленко Н.В., Межлаук В.И., Пятницкий И.А., Рудзутак Я.Э., Уншлихт И.С., Урицкий С.П., Чубарь Т.Я., Шумяцкий Б.З. и другие ведущие участники Октябрьской революции и строительства Советского государства.¹⁶

Даже в революционное время, в эпоху Гражданской войны, несмотря на острые разногласия с большевиками, ни один меньшевик не был ими расстрелян; из числа эсеров казнены единицы. Совсем иным стало судопроизводство в сталинское время. С 29 апреля 1937 г. предписывалось немедленно приступить к «быстрому и полному уничтожению меньшевистского подполья». Подобное постановление было принято и о бывших эсерах и анархистах. Подчеркивалось, что особое внимание следует уделить тем из них, кто как и многие меньшевики вступили в ряды ВПК(б).¹⁷

В 1937 году значение имели не те или иные проступки или нарушения существующих законов, а принадлежность (обычно былая) к той или иной партии, сословию, национальности, тем самым определение — политические репрессии, т.е. наказания, расплата за содеянное, совершено не соответствует сути происходившего. Об этом же говорит и зловещая риторика: выкорчевать, истребить, искоренить, расправиться, уничтожить.

Вместе с тем по определению В.Кривицкого: «Сталин продолжал использовать в своем лексиконе магические слова: «социалистический», «пролетарский», «революционный»

¹⁶ «Исторический архив». 1993, № 3, с. 18.

Сталинские расстрельные списки, компактдиск.

¹⁷ «30 Октября». № 74, 2007.

— и верилось, что каким-то чудом социализм все же может родиться из чрева этой чудовищной и кровавой тирании». ¹⁸

Знаю, что в те же годы совершались и значительные для кого-то радостные события, но главным лейтмотивом в стране была ненависть. Культ Сталина внедрялся через повсеместную пропаганду, грубую ложь и пролитую кровь.

Неведомый страх проникал всюду, парализуя волю, порождая безотчетный ужас, поддерживаемый постоянно повторяемым призывом уничтожать врагов народа, уничтожать тех, кого называли троцкистами, бесчисленными шпионами всех возможных и невозможных разведок, вездесущих злодеев вредителей и якобы вновь и вновь возникавших террористов, покушавшихся все на того же обожествляемого Иосифа Сталина.

Под этим предлогом его охраняло несколько тысяч человек, не считая воинских подразделений. ¹⁹

Также как осужденных по сталинским расстрельным спискам дела людей, предназначенных на казнь, обычно рассматривались не в судебном порядке, а заочно списками, тогда же образованными тройками, двойками, «альбомным» правом, где значились лишь фамилия, имя, отчество. Значительно большее число из всех вынесенных приговоров означало смерть, но и решение обрекавшее на лагеря или тюрьму, не всегда сохраняло жизнь. Кроме невыносимых условий существования, непосильного труда, для заключенных также существовала разнарядка на расстрел.

К лету 1937 г. террор разгорался все сильнее. Намеченная цифра 75 950 жертв показалась тирану недостаточной — по регионам страны распределяются, в дальнейшем все увеличивающиеся, лимиты-цифры узаконенных убийств. ²⁰

11 июня 1937 г. за один день приговариваются к смерти М.Н. Тухачевский, В.М. Примаков и ряд других прославленных полководцев. ²¹ Обращает внимание, что в день их суда

¹⁸ Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991, с.210.

¹⁹ Для сравнения — личная охрана Ленина состояла из двух человек. После покушения Каплан охрана увеличилась вдвое. (А.Орлов Указ.соч.).

²⁰ «30 Октября», № 74, 2007.

²¹ «Московские новости», 1992, 21 июня, № 25.

рассылается шифровка за подписью Сталина с рекомендацией организовать митинг с требованием расстрела обвиняемых.²² Вскоре погибли В.К. Блюхер, А.И. Егоров и другие герои гражданской войны, военнослужащие от рядовых до маршалов.

Выступая на заседании Военного Совета, генсек вновь призывает к расправам. Характеристика, данная им Ф.Э.Дзержинскому: «Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого», более чем близка к определению «враг народа».²³ Не случайно большинство дзержинцев, впрочем как ягодиных сотрудников НКВД были расстреляны в те же 1937–1938 годы.

Невосполнимые потери по сталинской воле понесла и внешняя разведка — погибли Я. Березин, А.И. Геккер и большинство других ее руководителей. А ведь то было в канун надвигавшейся войны. Положение усугублялось тем, что, обвиняя в сотрудничестве с гестапо других, Сталин сам готовил сговор с фашистской Германией, с Гитлером.

В недавних работах историков вновь приводятся убедительные данные о пагубном влиянии 1937 года на обороноспособность Советского Союза.²⁴

Кроме безжалостного уничтожения ленинской гвардии и тех, кого мы сегодня назвали бы элитой нашей страны, кровавые карательные операции проходили еще по двум основным направлениям. Первая называемая «кулацкая», включала в себя не только кулаков и близких к ним по социальному положению, но и представителей иных категорий: социалистических партий, бывших белых, священство.

Второе направление шло по «национальной линии». Среди немцев осуждено было 55 005 человек, из которых 41 898 — приговорены к расстрелу. С 11 августа проводилась широкая компания против польских организаций, главным образом против польской социалистической партии. В течение 1937–1938 гг. среди поляков было осуждено 139 815 человек,

²² «Известия». 1992, 11 июня.

²³ Был ли Сталин агентом охраны? Сб. статей, материалов и документов. М., 1999, с. 159.

²⁴ Линия судьбы. Сб. статей, очерков, эссе. М., 2007, с. 382-392.

из которых 111 071 — были казнены, среди осужденных греков было 12 557 человек, приговорено к расстрелу 10 545 человек.

Всяческие кары распространялись на перебежчиков финнов, эстонцев, литовцев, болгар. По эстонской линии из 9735 осужденных, 7998 человек было приговорены к расстрелу, по финской — из 11 066 — к смерти приговорены 9078 человек.

С 30 ноября 1937 г. проводились массовые аресты и казни среди активистов латышских клубов и обществ, среди бывших латышских стрелков. В 1937–1938 гг. по латышской линии осудили 21 300, из которых 16 575 человек были приговорены к смертной казни. Тогда же начались и массовые переселения с Дальнего Востока корейцев, а также китайцев, иранцев и некоторых других народов. В сороковые годы Берия и другие сталинские приспешники шли уже по проторенной дороге.²⁵

На Пленуме ЦК ВКП(б) 23–29 июля 1937 г. в докладах и выступлениях снова главной темой были заговоры и «враги народа», якобы существовавшие во всех звеньях партии и государства. В директивах НКВД всячески подчеркивалось требование «решительности и беспощадности» особенно к тем, кого называли троцкистами.

Об одной из типичных, но малоизвестных трагедий сталинского времени рассказала Раиса Максимовна Горбачева. Ее мама была из крестьян, — землю получили после революции, хозяйство обустроивалось, но в начале 30-х годов семья деда была раскулачена, стала жить случайными заработками. Затем деда обвинили в троцкизме, арестовали и он бесследно исчез.

В дальнейшем Р.М. Горбачева выяснила, что дед был расстрелян. «Мама до сих пор не знает, кто такой Троцкий, а дед и тем паче не знал», — рассказывала Раиса Максимовна Горбачева. «Бабушка умерла от горя и голода как жена «врага народа». И оставшиеся четверо детей были брошены на произвол судьбы».²⁶

²⁵ Основные цифровые данные приводятся по опубликованному «30 Октября», № 74, 2007.

²⁶ Горбачева Р.М. Я надеюсь... М., 1991, с.27.

В 1937–1938 гг. можно было услышать — «расстрелян как троцкист». С именем Троцкого страх внушался на уровне подсознания, оставаясь там даже в оттепель, вплоть до перестройки М.С. Горбачева, когда были реабилитированы лидеры антисталинских оппозиций.

А ведь в те давние годы, только Лев Троцкий жертвуя собой, своими близкими и такие как Виктор Серж открыто выступали на Западе против кровавого произвола и сталинских преступлений.

Летом 1937 г. началось массовое осуждение жен «изменников Родны», их как правило отправляли на восемь лет в лагерь, но и среди них немало казненных. Расстреляли старую, совершенно больную первую жену Бухарина, первых жен Троцкого и Каменева, жен Пятакова, жен многих военачальников Красной Армии: Тухачевского, Гамарника, бывшего члена политбюро Чубаря и многих многих-других женщин.

ГУЛАГ поглощал осужденных, прежде всего родственников деятелей Октября и по той или иной причине негодных Сталину, например, сестру первой жены И.Джугашвили-Сталина, а ее брата — Сванидзе и его жену расстреляли, был казнен и младший брат Якова Михайловича Свердлова — убивали и «в особом порядке» без всякого судебного или внесудебного разбирательства.

Предписывались уголовные наказания детей официально, начиная с 15 лет. Но «детские» дела до сих пор, очевидно, под особым запретом. Во всяком случае мне так и не удалось увидеть записи моих первых допросов, отпечатки пальцев и фотографии 1937 г., тогда 14-летней девочки.

Общеизвестна судьба Пети — сына командарма Якира, с 14 летнего возраста пробывшего 17 лет в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылке. Еще более трагична участь сыновей, особенно ненавистных Сталину большевиков, которых он знал лично. Погибли два сына Троцкого, казнены сыновья Каменева — школьник Юра и его старший брат, два сына М. Рютина, единственный сын Зиновьева, сын Нестора Лакобы и сыновья его братьев. Были расстреляны несовершеннолетний сын П.П. Любченко, дети осужденных по второму Московскому процессу — 16 летний сын Муралова и сын Дробниса. Сгинули два малолетних сына Пяткова, внуки Троцкого — Лев и Волина, и очень многие другие.

В. Кривицкий, советский разведчик, порвавший со Сталиным выражал убеждение, что трагическая участь детей 1937 г. «никогда не исчезнет из памяти людей, даже если можно будет забыть все остальное».²⁷

Во второй половине 1937 года Сталиным планировалось не раскрытие каких-либо, хотя бы вымышленных, сфальсифицированных дел, а количество заранее намеченных убийств. Цифры людей, по его воле подлежащих расстрелу, лимиты на казни постоянно увеличивались как центром, так и по «ходатайству» с мест. Вот неряшливо написанное рукою Сталина указ на убийство нескольких тысяч человек, направленное в Красноярский край: «Дать дополнительно Красноярскому краю 6000 чел. Лимита по 1-ой категории. «За» И.Ст(алин). В. Мол(отов).²⁸

Нарастал террор и по двум основным направлениям. По национальной линии — с сентября 1937 г. он был распространен на служащих Китайско-восточной железной дороги — КВЖД, среди харбинцев — было осуждено 46 317, из них приговорено к расстрелу 30 992 человека.

Осенью 1937 года органам НКВД предписывался «оперативный разгром церковного и сектантского актива». В канун 20-ой годовщины Октябрьской революции, вновь было приказано форсировать массовость «кулацкой» и «национальной» карательных операций.²⁹

В 1937 г. до крайности ужесточился тюремный режим — камеры были переполнены, свидания и большинство передач отменены. Были глубоко скрыты и всячески маскировались ночные аресты и казни. Родственникам о них обычно сообщалось как об осуждении на «10 лет без права переписки», тем самым у близких поддерживалась надежда и ожидание. Версию эту подкрепляли нарочитым распространением слухов о том, что кого-то, где-то видели на пересылках или в лагерях.

Конец 1937 г. вновь ознаменовался кровавыми расправами, 29 декабря «двойка» Вышинский и Ежов по списку на тысячу человек осудила на смерть 992 человека. Списки подписы-

²⁷ Кривицкий В. Указ.сог., с.20.

²⁸ «30 Октября», № 74, 2007.

²⁹ Там же.

вались без всякой проверки, в «особом порядке», обрекая на казнь, на смерть.³⁰

В 1938 г. в стране продолжается кровавая вакханалия. На третьем московском процессе к смерти приговаривают Н.И. Бухарина, о котором Ленин писал в своем «Завещании», А.И. Рыкова, ставшего в 1924 г. председателем Советского правительства, Н.Н. Крестинского — секретаря ленинского ЦК и других подсудимых. Л. Троцкий также вскоре будет убит по приказу Сталина, единственного оставшегося в живых из упомянутых в ленинском «завещании».

31 июля Сталин от имени политбюро утверждает дополнительный лимит на казнь 12 тысяч человек, затем на Дальнем Востоке еще 15 тысяч человек. Лимиты на расстрел в ГУЛАГе, т.е. уже осужденных заключенных, будут и далее увеличиваться. Вскоре туда пришло указание расстрелять без всякого суда еще несколько тысяч обреченных «на выбор администрации».³¹ Чудовищность массовых расстрелов на Колыме поражает своей обыденностью.

К осени 1938 г. кровожадность Сталина еще не насытилась. За его личной подписью было приказано «Решение Особых троек по первой категории приводить в исполнение немедленно».³² 12 ноября Сталин и за ним Молотов санкционировали расстрел сразу 3167 человек. «Прочитали ли они этот список..., не говоря о том, что надо было спросить за что, кто этот человек?», которого посылают на смерть, — с гневом говорил Г.К. Жуков в 1957 году.³³

21 ноября 1938 г. НКВД представил список для санкции на расстрел 292 человек, среди них 45 бывших членов и кандидаты в члены ЦК, 12 бывших секретарей обкомов и крайкомов, 28 бывших членов КСК, членов Ревизионной комиссии, 26 бывших наркомов, зам.наркомов, председателей облисполкомов, 149 ответственных работников наркоматов.³⁴

³⁰ Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003, с.592. Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002, с.214.

³¹ «30 Октября». № 74, 2007.

³² «Известия» 1996, 3 апреля.

³³ «Исторический архив», 1993, № 3, с.81.

³⁴ Там же, с.17.

Сами цифры и положение казненных потрясает. Ни на одной войне, никакой враг не мог бы уничтожить такое количество руководящих работников партии и Советского государства.

После снятия Ежова и назначения наркомом внутренних дел Берия террор становится более избирательным, но не менее жестоким. По свидетельству Кагановича, в 1937 г. разрешение на пытки заключенных давалось в циркуляре, написанном рукою Сталина и им подписанном³⁵, 10 января 1939 г. рассылается телеграмма всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД о дальнейшем применении пыток. Сталин цинично разъяснял: «Метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, как совершенно правильный и целесообразный».³⁶

В общем направлении политики террора и в деталях происходившего, по-прежнему сквозила садистская особенность Сталина. А ведь по сей день некоторые кощунственно пытаются его оправдывать, сознательно «забывая» в каких невыразимых страданиях погибли замечательные писатели И. Бабель, Б. Пильняк, великий режиссер В. Меерхольд и сотни тысяч других замученных и расстрелянных при Ежове и затем при Берия по приказу их начальника.

По неполным официальным данным число расстрелянных, казненных в 1937–1938 годах превышает 725 тысяч человек — около миллиона, а если учесть убитых на допросах, в тюрьмах и лагерях, то и более миллиона самых разных людей, в расцвете сил, стариков и детей, подчас необыкновенно талантливых, переставших жить по воле одного залитого кровью преступника. Его человеконенавистническая тоталитарная политика в той или иной степени продолжалась до самой его смерти в 1953 году.

Катастрофа 1937 года неизбежно поднимает проблему ответственности. После 1991 г. принято во всем винить советскую власть, замалчивая, что после смерти Сталина в течение почти сорока лет, при той же общественной системе, ни один человек не был расстрелян по политическим мотивам.

Сталин обычно прикрывался именем коммунистической партии, той партии, в которой в 1937 году по неполным данным было репрессировано, т.е. главным образом убито 55 428

³⁵ Там же, с.86-88.

³⁶ «30 октября». № 74, 2007.

человек, а в 1938 — 61 457 — т.е. более ста тысяч наиболее активных деятелей.³⁷ Использовал же он имя Центрального комитета партии и его Политического бюро. Однако нельзя забывать, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного на ХУП съезде в 1934 г., 97 были казнены, двое покончили с собой.³⁸ Какой же дееспособностью мог обладать такой расстрелянный ЦК? В те же годы погибли и многие члены и кандидаты в члены сталинского политбюро: С.М. Киров, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, Р.И. Эйхе, П.П. Постышев, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор.

Стоит лишь задуматься над трагической участью большевистской партии, чтобы стало ясно, что несмотря на использование социалистических лозунгов, все карательное в политике Сталина решалось им единолично. Приказы Ежову о казнях, их сроках и количестве расстреливаемых давал сам тиран. Возможно некоторые аспекты сталинских планов уничтожения советских людей, и обсуждались совместно с наркомом внутренних дел. В 1937–1938 гг. Ежов побывал у Сталина более 270 раз, проведя у него в общей сложности более 840 часов.³⁹ Генсек всячески приближал Ежова и Вышинского еще накануне убийства Кирова, заметно отодвигая Ягоду. Он же единолично назначил Ежова главой НКВД и также единолично убрал его, заменив более близким Берия.

Однозначную оценку роли Сталина в трагедии 1937 года дала комиссия под председательством Н.М. Шверника в 1963 г.: Сталин использовал органы государственной безопасности «как орудие для укрепления личной власти путем расправы с негодными ему людьми, устрашении и проведении в стране массового террора», — говорилось в ее выводах.⁴⁰

С тех пор ставшие известными многочисленными неопровержимые документальные данные подтверждают преступления «прежде всего генерального идеолога и верховного организатора террора — Иосифа Сталина».⁴¹

³⁷ Реабилитация: как это было... с.668.

³⁸ Там же.

³⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы, М., 1996, с.208.

⁴⁰ Реабилитация. Как это было... с.668.

⁴¹ «30 Октября». № 74, 2007.

Вместе с тем, исследуя 1937 год, нельзя снова и снова с глубокой благодарностью не вспоминать, оттепель Н.С. Хрущева и перестройку М.С. Горбачева. Они раскрыли основную правду о чудовищных злодеяниях и реабилитировали миллионы казненных и прошедших сталинские застенки, тюрьмы и лагеря.

Будем же и далее восстанавливать истину, говорить и писать о катастрофе 1937 года, помнить и чтить ее неисчислимые жертвы.

Сталин после Сталина (концепт Сталина в рабочей практике президиума ЦК КПСС 1954–1964)*

Кирилл Юхневич

После смерти Сталин продолжал существовать в сознании своих современников. Еще задолго до 1953 года он стал существенной частью общественного сознания, важнейшим элементом советской идентичности (особенно после 1945 г.). Выросло целое поколение советских людей, которые никогда не жили «до Сталина» или «без Сталина». Активная стадия жизнедеятельности значительной части населения СССР целиком прошла «при Сталине».

Этим во многом объясняется та острота, с которой современники переживали любую коррекцию образа «отца народов» (особенно после XX съезда КПСС). Общество тогда разделилось. Для кого-то процесс развенчания культа личности стал настоящим откровением в связи с открывшимися фактами. Иные чувствовали торжество справедливости, подкреп-

* В основе статьи часть англоязычного доклада, прочитанного на российско-германском студенческом семинаре «Десталинизация в СССР: политика и повседневность // Die Entstalinisierung: Politik und Alltag» Москва, РГГУ (2004). Автор выражает глубокую признательность А.Д. Боронникову, Б.В. Дубину, Е.Ю.Зубковой, О.Л. Лейбовичу и А.Л. Юрганову, читавшим этот текст и высказавшим ценные замечания и советы.

ленное реабилитацией — актом, безусловно, нивелирующим эту несправедливость. Но две эти позиции носили полярный характер и встречались относительно редко. Большинство же населения находилось «в смешанных чувствах».

Практически каждый советский гражданин в той или иной степени сталкивался с репрессивными практиками — лично или опосредованно. В этом пограничном состоянии чаще преобладала характерная для традиционных обществ объяснительная схема, повествующая в русском варианте о «плохих боярах» и «добром царе», который попал в информационный вакуум и поэтому не в силах прекратить преступления и несправедливости.

С этой точки зрения доклад Н.С.Хрущева вызвал у современников переживания практически мистического свойства. «Сталинские бояре» рассказали не только о том, что в их «боярской» среде существовал коварный заговорщик — Берия. Новое руководство страны и Н.С. Хрущев в первую очередь, поставили под сомнение гениальность, непогрешимость, а в целом и сакральность фигуры «вождя-царя», который, как оказалось, не просто обо всем знал, но и сам творил несправедливость и преступления. «Народную любовь» назвали «культуром личности», «величайшего полководца» обвинили в «руководстве по глобусу» и пр... В любом социуме столь резкая смена политического кода/языка, а по сути ревизия ценностей, вызывает серьезные реакции и последствия. Люди просто недоумевали: почему еще вчера превозносили таланты «отца», а сегодня он уж не «отец», а практически преступник.

Это, по всей видимости, и лежит в основе того, что XX съезд КПСС и его итоги еще долго будут находиться в центре общественно-политических и научных дискуссий. XX съезд — это символ не только целого ряда исторических событий. Это знак, за которым кроются вопросы не потерявшие своей актуальности в глазах отечественного интеллектуального сообщества и политической власти и на современном этапе.

В этой связи еще более важным становится понимание механизмов «переваривания» вопроса о Сталине в среде высшей бюрократии, его ближайших сподвижников — т.е. «бояр». Ведь прежде чем сформулировать свою позицию для партии и страны, им нужно было разобраться сначала с собой, со сво-

им прошлым, а потом обсудить все это коллегиально. Только по итогам этих рефлексий и дискуссий могла быть выработана официальная позиция.

Это вовсе не означает, что результаты этой дискуссии полностью легли в основу секретного доклада Н.С. Хрущева. Однако активный анализ материалов тех лет позволяет зафиксировать функционирование советского властного аппарата, который был почти всегда закрыт для публичной сферы витринами «демократического централизма» и «нерушимости единства партии».

Общеизвестно, что решение о секретном докладе давалось нелегко. Оно не было доброй волей Н.С. Хрущева и его соратников. Сама общественная атмосфера требовала действий. Игнорирование вызовов повседневности чревато потерей политического контроля. Поэтому, фактически перед руководством страны стояла только проблема выбора стратегии и масштабов будущей компании. Нужно было объяснить людям: что же произошло в стране и ответить на самый главный вопрос «кто виноват?». Вариантов ответа на него было не так уж много. Среди них самые очевидные: «перегибы на местах» — т.е. местное руководство, «заговор шпионов» — т.е. Берия и пр. (уже отработанный вариант), соратники — «бояре» — т.е. нынешнее руководство страны (неприемлемый по понятным причинам вариант) и, наконец, сам Сталин. Был избран последний вариант.

Данный текст посвящен концепту Сталина в повседневной рабочей практике постсталинской высшей бюрократии.

Несколько слов об источниках и методе. Статья написана на основе рассекреченных и опубликованных черновых протоколов и стенограмм заседаний Президиума ЦК КПСС. Публикация охватывает период с февраля 1954 г. (чуть меньше года со дня смерти Сталина) по октябрь 1964 г. (снятие Н. Хрущева со всех постов)¹. Характер источника не позволяет детально

¹ Используются опубликованные материалы: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

сконструировать концепт (т.е. представление о чем-либо) во всей многомерности, присущей человеческому сознанию. Однако основные тенденции, «силовые линии» фиксируются достаточно определенно.

Метод работы с источником был максимально упрощен. Были собраны все упоминания имени Сталина и его эквиваленты, после чего путем сопоставлений и анализа контекстов был реконструирован искомый концепт. При этом отдавался отчет, что у каждого из членов президиума ЦК в памяти остался «свой Сталин». Вместе с тем, на протяжении этих 10 лет существовало и коллективное (общепринятое) представление о Сталине. Оно формулировалось и закреплялось отдельными личностями.

Дальнейшие рассуждения покажут, что концепт Сталина пережил в политике своих непосредственных авторов, выполнив при этом ряд конкретных политических задач.

Тема Сталина редко становилась центральной на каком-либо из заседаний. Пик обсуждений пришелся естественно на 1956 г. Но уже на заседании 5 ноября 1955 г. поднимался вопрос о масштабах празднования дня рождения Сталина 21 декабря². Вопрос о целесообразности самого празднования еще не стоял, однако, размах празднеств стал темой для дискуссии. Хрущев, Микоян и Булганин выступали за отмену традиционных собраний на предприятиях. Каганович и Ворошилов — за прежний порядок торжеств. На заседании раздавались эмоциональные реплики Хрущева. Скупой протокол зафиксировал одну из них: «*Кадры перебили...*»³.

Более серьезная дискуссия разгорелась 30 января 1956 г. при обмене мнениями о проекте отчетного доклада ЦК КПСС на XX съезде партии⁴. Не сказать о Сталине было нельзя. Важ-

² Документ №15 (Протокол №167 — Заседание 5 ноября 1955 г.) // Президиум ЦК КПСС 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. Стр. 56-57.

³ Там же. Стр. 57.

⁴ Документ №29 (Протокол №184 — Заседание 30 января 1956 г.) // Там же. Стр. 88-93.

но было определить место его имени в будущем документе. Хрущев поддержал относительно умеренный проект, в котором еще не было никаких разоблачений, но отсутствовал традиционный пиетет перед именем и словом умершего вождя.

Это, по всей видимости, не понравилось Молотову. Когда речь зашла об уместности использования одной из канонических цитат вождя он спросил: «*Почему не сослаться на Сталина?*»⁵. Одновременно Молотов уже признал, что некоторые другие высказывания Сталина могут быть недостаточными. Промежуточную позицию занял Булганин. Он также признал ограниченную универсальность сталинской формулировки, но все же отметил, что постсталинская формулировка «...не противоречит тому, что сказано у Сталина»⁶. Реплик Кагановича и Ворошилова относительно Сталина в тех документах не зафиксировано.

Пожалуй, самыми драматичными были заседания 1 и 9 февраля 1956 г. «Высокий градус» дискуссии передают даже сухие протоколы⁷. 1 февраля обсуждалось дело полковника госбезопасности Родоса. Он был арестован по обвинению в фальсификации уголовных дел, что безусловно создавало прецедент, ибо фальсификациями занималось большинство коллег полковника. Более того, дело Родоса рассматривалось в контексте общего отношения нового руководства страны к эпохе Сталина.

Поэтому, в ходе обсуждения сразу же началась настоящая дискуссия о Сталине: не о деталях и цитатах, как раньше, а по существу. Хрущев произнес ключевую фразу: «*Виноваты повыше. Виноват Сталин*». На том заседании сформировались две группировки. В первой: Микоян, Сабуров, Булганин, Суслов, частично Хрущев. Их аргументы одного порядка: «*Возьмите историю — с ума можно сойти...* (Микоян)»⁸; «*Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя* (Сабуров)»;

⁵ Там же. Стр. 89.

⁶ Там же. Стр. 90.

⁷ Документ №30 (Протокол №185 — Заседание 1 февраля 1956 г.). // Там же. Стр. 95-97; Документ №32 (Протокол №187 — Заседание 9 февраля 1956 г.) // Там же. Стр. 98-103.

⁸ Со стороны А. Микояна зафиксирована и такая фраза: «А ты, т. Молотов, поддерживал». Там же. Стр. 96.

*«Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет... Состав ЦК XVII съезда ликвидировал (Булганин)»; «Нельзя оправдать этого ничем (Суслов)».*⁹ Формулировки близки к приговору. Все обвинения носят конкретный характер.

Во второй группе Молотов, Каганович и Ворошилов. Они демонстрировали отличный от первой группы подход к оценке роли и будущего образа Сталина в истории. *«Но Сталина как великого руководителя надо признать. ... Сталин великий продолжатель дела Ленина. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм (Молотов)»; «Многое пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе (Каганович)»; «Период диктовался обстоятельствами. Но страну мы вели по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Доля Сталина была? — Была. Мерзости много, ...но надо продумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка (Ворошилов)»*¹⁰.

Видно, что у первых Сталин — это конкретный человек по чьей воле физически уничтожались люди и принимались ошибочные решения. Образ монолитен и однозначно отрицателен. Вторые сформулировали абстрактную концепцию легендарного лидера-героя, действовавшую в рамках идеологизированного представления об истории СССР как о площадке для строительства социализма. Сталин смело вел страну за собой по этому пути, но допускал некоторые ошибки, которые в целом, не могут перевесить символический безусловно позитивный вклад вождя в общий капитал страны.

Важно, что Молотов, Каганович и Ворошилов одновременно декларировали, во многом ритуально, свою верность курсу ЦК и согласие с Хрущевым. Их возражения сводились к попыткам сохранить достойный образ Сталина для истории страны и партии. Именно они артикулировали амбивалентный образ Сталина, в котором сосуществовали как положительные, так и отрицательные стороны.

Хрущев занял в том споре промежуточную позицию. В его заключительной и резюмирующей речи были представлены аргументы обеих сторон. По версии Хрущева на 1 января 1956 г.: *«Сталин преданный делу социализма..., На съезде не (следует —*

⁹ Там же. Стр. 96.

¹⁰ Там же. Стр. 96-97.

К.Ю) говорить о терроре, Надо наметить линию — отвести Сталину свое место»¹¹. В этой же речи Хрущев усиливает: «...все (делал — К. Ю.) варварскими способами, Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил»¹².

Позиция Хрущева удовлетворяла обе группировки. Представители каждой ритуально в своих выступлениях подчеркнули правильность слов Хрущева.

Корректировка концепта Сталина продолжилась на следующем заседании. Обсуждались результаты работы комиссии по расследованию репрессий¹³. Все безусловно поддерживали стремление дать новую оценку Сталину на XX съезде. Однако диспозиция несколько изменилась. Молотов придерживался той же версии лидера-героя. Он продолжал ставить его в ряд с безусловными героями советского мифа: «На съезде надо сказать. Но при этом не только это. ...по национальному вопросу Сталин продолжатель дела Ленина. 30 лет мы жили под руководством Сталина — индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией. Культ личности, но и о Ленине говорим о Марксе (Молотов)»¹⁴.

Менее категоричны стали высказывания Каганович и Ворошилова. Они переняли аргументацию оппонентов и спорили уже о конкретном человеке и его делах: «...мы были бы нечестны, если бы мы сказали, что борьба с троцкистами была неоправданна (Каганович)»¹⁵. Ворошилов: «Согласен довести до партии. Осторожным нужно быть, Сталин осатанел (в борьбе) с врагами, Тем не менее у него много было человеческого. Но были и звериные замашки»¹⁶.

Свой весомый вклад в дело корректировки концепта Сталина сделал Булганин. Он впервые (по документам) высказал идею не просто о неоднозначности образа Сталина, но и о его хронологической неравнозначности: «На два этапа роль Сталина разделить. На втором этапе перестал быть марксистом»¹⁷.

¹¹ Там же. Стр. 97.

¹² Там же.

¹³ Документ №32 (Протокол №187 — Заседание 9 февраля 1956 г.) // Там же. Стр. 98-103.

¹⁴ Там же. Стр. 99.

¹⁵ Там же. Стр. 100.

¹⁶ Там же. Стр. 100.

¹⁷ Там же. Стр. 100.

Эту идею поддержали и развили остальные. Микоян предложил считать рубежом 1934 г. До этого Сталин-герой «...вел себя героически», а после Сталин «...показал ужасные вещи»¹⁸. Поддержал идею о двух этапах и Суслов. С ними не согласились Маленков и Сабуров. Однако эта идея впоследствии была принята на вооружение Хрущевым.

Итак бюрократией был сформулирован амбивалентный концепт Сталина, хронологическая неоднозначность которого выразилась в разделении жизни вождя на два полярных этапа. Причем с обозначением конкретного рубежа. Качественная амбивалентность предусматривала выделение в личности Сталина полярных черт и свойств.

Прошел XX съезд. Далее была разоблачена «антипартийная группа». После 1957 г. Хрущев стал абсолютным лидером президиума и самым старшим из бывших соратников Сталина, оставшихся в политике. На правах лидера он практически монополично использовал концепт Сталина в своей повседневной работе.

Живая речь Хрущева того периода представлена наиболее полно в 22 стенограммах. Он не обсуждал напрямую Сталина, но высказывал свои суждения о нем и его эпохе. Иногда он приводил Сталина в пример, иногда просто рассказывал о нем. Следует вновь повторить, что не зафиксировано целенаправленных обсуждений Сталина со стороны Хрущева, как это было, например, в его мемуарах. В ходе заседания он реагировал на текущую рабочую ситуацию и в определенный момент считал актуальным и допустимым ввести в контекст суждения и реплики о Сталине.

Для Хрущева эпохи 1958–1964 гг. концепт Сталина обладает свойствами времени. В связи с именем Сталина не существовало времени «до него». Было время или «при Сталине» или «после Сталина». Это может свидетельствовать о значительности того места, которое занимала эпоха Сталина в сознании лидера советского государства. Однако через некоторое время и у него наметилась тенденция к корректировке сталинско-временных позиций.

¹⁸ Там же. Стр. 100.

Здесь примечательна следующая фраза Хрущева: *«Было время, когда Сталин был (1959)»*¹⁹. То есть уже не время протекало в рамках жизни Сталина, а он сам мог существовать во времени, как простой смертный. В последующие годы во фразах Хрущева о времени Сталина появились оценки и сопоставления. Например: *«скатимся к положению, которое было при Сталине (1960 г.), Мы что-то изменили после смерти Сталина, но не все до конца (1962 г.), Раньше при Сталине было не доверие, а страх, а сейчас страх исчез, а доверие выросло (1962 г.), Мы еще не отрешились от времен Сталина (1964 г.); и, наконец, финал: В те черные времена, когда был жив Сталин... (1964 г.)»*²⁰.

То есть эпоха Сталина в хрущевском сознании прочно занимала место общего негативного прошлого (тоже, кстати, одна из основ идентичности). В этой связи следует упомянуть о том, что в пропаганде хрущевского времени всегда делался акцент на новизне, модерне, стремлении к будущему. Все это выражалось не абстрактными формулировками, а новым языком, связанным с конкретными достижениями в научной, социальной и экономической сферах. Конкретность, материальность, а главное достижимость образов пропаганды делала ее значительно более эффективной.

Возможно предположить, что и сам Хрущев видел себя в роли некоего мессии, который выводит страну «из ужасного прошлого» и ведет «к коммунизму» — т.е. победе советского проекта, при чем, опять же в обозримом будущем.

В сохранившихся стенограммах выступлений Хрущева на заседаниях президиума практически нет его слов о личных характеристиках Сталина. Чаще Сталин-личность тесно переплетается со Сталиным-руководителем. Хрущев мог отзываться о нем и его политике положительно, особенно в контексте вопросов борьбы с преступностью, оппонентами, бюрократией: *«Как раз Сталин в этом отношении был очень строг и беспощаден (1959 г.) [в отношении неправильной местной кадровой политики]; В этих вопросах Сталин правильную зани-*

¹⁹ Там же. Стр. 369.

²⁰ Цитируется по тому же изданию, но из различных документов. Соответственно: стр. 447, 643, 828, 838.

мал позицию. Он перегибал палку, но преступников мы никогда не щадили. Бить по врагам надо беспощадно и метко (1961 г.); самое опасное — это Сталин говорил... я с ним в этом согласен. Потому, что для бюрократа больше ничего нет, он говорит «мы решили вопрос» (1962 г.)»²¹. Однажды Хрущев, сославшись на одно верное решение Сталина, прямо сказал коллегам: «Вы же знаете, какой у Сталина был острый ум»²².

Одновременно, иногда в рамках тех же смысловых блоков, могли присутствовать и обратные высказывания: «Поэтому нельзя делать так, как Сталин в 1938 г. ляпнул... (1961 г.); ...потому, что Сталин дал такую сумасбродную идею (1961 г.) ...это вероломство, подобно тому, что Сталин делал (1962 г.)»²³.

Следует отметить, что состояние основного источника не позволяет адекватно вычислить пропорцию между положительными и отрицательными контекстами при употреблении имени Сталина. Но смысловое наполнение «отрицательных» черт и «положительных» фиксируется достаточно четко.

Главное, что Хрущев в своем представлении о Сталине ретранслировал характеристики, данные Сталину его бывшими соратниками (Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин.). Для позднего хрущевского конструкта были характерны уже обозначенные в 1955–1956 гг. свойства.

Качественная амбивалентность — при которой образ Сталина содержал в себе противоречивые черты: «Мы культ личности осудили не за авторитет и заслуги, которые имел Сталин..., а за злоупотребления властью (1960 г.)»²⁴. Оппозиция: авторитет, заслуги <—> злоупотребления властью. Присутствовала и хронологическая неоднородность: «...говорят, что если бы Сталин умер лет на 10 раньше, как бы наша страна сейчас вздохнула. А ведь это факт, товарищи (1959 г.); Сталин раньше правильно понимал, а потом выжил из ума (1962 г.)»²⁵.

Таким образом, Хрущев в целом поддержал тот образ, который был сформулирован его бывшими коллегами. Это мо-

²¹ Там же. Соответственно: стр. 369, 528, 565.

²² Там же. Стр. 377.

²³ Там же. Соответственно: стр. 512, 517, 540, 829.

²⁴ Там же. Стр. 470.

²⁵ Там же. Соответственно: стр. 401, 799.

жет объясняться тем, что он, в свою очередь, естественно воспринял его от старших по возрасту товарищей, которые пришли в партию между 1906–1911 г. и стали членами ЦК в период 1921–24 гг. Сам же Хрущев был из следующего поколения партийцев (член партии с 1918 г., член ЦК с 1934 г.).

Также следует несколько слов сказать о функциональной роли концепта Сталина в политической борьбе 1964 г.

Когда Хрущева увольняли, его обвинили в создании собственного культа личности²⁶. Его наделили теми же чертами, что и Сталина: *«Характеристика, данная Лениным Сталину, полностью относится к вам (Шелепин); Ссылки на Сталина — ни к чему. Сам делает хуже (Подгорный)»*²⁷. Более того Хрущев тоже начал «строить» амбивалентным.

Наметилась качественная противоречивость Хрущева: *«Он к лучшему стремился и много сделано, (но — К.Ю) ...есть личные отрицательные качества (Гришин)»*²⁸. Его жизнь во власти оказалась и хронологически неоднозначной: *«Другой Хрущев стал. В первую пятилетку вел хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией, стал груб (Полянский)»*²⁹.

Все это Хрущеву говорили партийцы более молодого поколения. Большинство из участников того памятного заседания (кроме Хрущева и Микояна) пришли в партию в 1930–1940 гг., между 1952–56 гг. стали членами ЦК. Они мало общались с живым Сталиным, но активно взаимодействовали с хрущевским концептом Сталина.

Таким образом, концепт Сталина для высшей бюрократии был сформулирован Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Маленковым, Булганины, Хрущевым и др. Затем, на правах лидера Хрущев практически монополично использовал концепт Сталина. Хрущев годами хабитуализировал Сталина, «сцепляя» его с другими образами, символами и контекстами.

²⁶ О снятии Хрущева см.: Документ №320 (Протокол [без номера] — Заседание 13-14 октября 1964 г.) // Там же. Стр. 862-872.

²⁷ Там же Стр. 870.

²⁸ Там же. Стр. 867.

²⁹ Там же. Стр. 868.

«Святое» имя он наделил новыми современными ему смыслами и чертами. Концепт Сталина постепенно стал клише, стереотипом в сознании более молодых руководителей.

Более того, концепт стал функциональным. С его помощью Хрущев часто объяснялся с коллегами. С его же помощью отстранили от власти самого Хрущева.

В советской мифологии 1930–50-х гг. Сталин прочно занял место главы пантеона. Но «главный бог», был сброшен с пьедестала людьми долго знавшими его. Большинство же из снимавших Хрущева не были эмоционально сильно связаны со Сталиным. Поэтому, молодая бюрократия воспользовалась имевшимся концептом Сталина и превратила его в механизм лишения власти нового неугодного вождя. Это стало результатом постепенного формирования (во многом самим Хрущевым) смысловой связи: раз плохой руководитель, значит «как Сталин» — т.е. отрицательный пример.

Молодые партийцы понимали функциональную сторону концепта, и справедливо считали его опасным механизмом политической борьбы. В дальнейшем на заседаниях президиума ЦК обсуждался вопрос о том, как отделить в общественном мнении случай со Сталиным от случая с Хрущевым. Новый президиум опасался того, что механизм превратится в норму политической борьбы, ибо он уже два раза был освящен практикой. Так сначала Хрущев «сбросил» Сталина, а потом Сталин «сбросил» Хрущева.

Very dangerous

В.Л. Шейнис

Я не хочу ни возбуждать оптимизм, ни нагнетать пессимизм. Моя задача — передать чувство опасности, которое, на мой взгляд, не вполне оценивают наше общество и наша интеллигенция.

В 1859 году в «Колоколе» Герцен опубликовал статью, которая так и называлась: «**Very Dangerous!!!**» («**Очень опасно!!!**»).

И вел Герцен разговор о «развороте мысли», который разлагал сознание общества. И о тех, кто его насаждали — не только те, кто в этом был сословно, классово заинтересован, но и те, кто, занимаясь этим неблагоприятным делом спешили выслужиться перед самой реакционной частью тогдашних властителей.

Пришло время повторить эти герценовские слова. В год юбилея страшного 37-го года влиятельные политические силы развернули кампанию по «введению единомыслия в России». Это потрафляет вкусам и интересам влиятельных групп государственной бюрократии. Идеологическое пространство, на котором развернуто наступление, — наша история. Тяжелая техника, которая должна пропахать мозги подрастающих поколений, — это учебники истории: стабильные, «единообразные с точки зрения набора целевых установок». Об этом говорят открыто, этого не стесняются и, будьте благонадежны, это будет сделано.

О том, как будут выглядеть установки, реализуемые в последующих изданиях учебников истории, некоторое представление дает книга Филиппова, неоднократно здесь упоминавшаяся. Но это еще не самый худший продукт. Ибо если почитать стенограммы выступлений в августе и сентябре на обсуждениях того, как следует вести преподавание истории в школе, если учесть присутствие на этих обсуждениях высокопоставленных чиновников Минобрнауки и президентской администрации, если вспомнить, что избранные участники этих обсуждений были приглашены в Ново-Огарево и получили там соответствующее напутствие, то можно представить, что нас ожидает в преподавании истории. Эта государственная интервенция — самое опасное. Здесь уже звучали достаточно убедительные, опирающиеся на социологические замеры свидетельства того, как меняются представления об истории у наших граждан. Теперь, когда различия в трактовке исторических событий станут вытесняться тяжелой дланью государства, это будет происходить в удвоенном и утроенном масштабе.

Как видится рвущимся в школу наставникам этот «набор целевых установок»? Как собираются воспитывать патриотизм на историческом материале? Конечно, до назиданий Александра Христофоровича Бенкендорфа дело пока не до-

шло. (Напомню: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может представить себе самое смелое воображение». Наши охранительные службы всегда испытывали «влеченье, род недуга» порезвиться на поле идеологии). Может быть, и не дойдет. Применяется иной, прием: «с одной стороны... с другой стороны» — он позволяет демонстрировать видимость объективного подхода. Соответствующим образом интерпретируется самая болезненная тема нашей новейшей истории — тема Сталина и сталинизма.

Идеологически мотивированная цель очевидна: заслонить сталинизм, тоталитарно-крепостнический режим, в который Россия рухнула на три четверти века (и какого века!), увлекая за собой сопредельные и далекие страны, — героизмом, достижениями страны и народа. Нечто подобное уже было. Вспоминается статья в «Правде», которую в начале брежневской идеологической ресталинизации опубликовали три маститых академика: «культ личности» был (куда же уйти от формулы прошедших партийных съездов?), а «периода культа личности» не было! Револют Пименов, диссидент, сиделец, а впоследствии депутат российского парламента, по специальности геометр, заметил тогда не без сарказма: «Замечательно. Нам объяснили, что существуют явления вне времени. Мне недостает, чтобы в официальном партийном органе сказали, что таковые могут быть и вне пространства!» Почтенные ученые вертелись как карасы на сковородке, но тогда было другое время. Куда податься сегодняшним «воспитателям патриотизма», когда из уст генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева прозвучали слова: «Сталин — преступник!», и на общество обрушились колоссальные пласты разоблачительной литературы и документов? А сегодня в больших книжных магазинах полки ломаются от наскоро сварганенных поделок, воспевающих «великого вождя народов» и мизерабельность его критиков. Это одна линия. Но значительно более зловредна и опасна — поскольку получает государственное покровительство — другая версия, претендующая на научную объективность, политическую неангажированность: «с одной стороны и с другой стороны», как это представлено в пособии Филиппова.

Представим на минуту, как бы в Германии отнеслись к попыткам «объективно», «всесторонне» рассмотреть историческую роль Гитлера и его режима? Примерно так, как в замечательном фильме Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс» немецкие обыватели объясняли американскому судье Хейвуду: ведь Гитлер делал не только плохое: построил великолепные автобаны, покончил с безработицей. Они могли бы еще добавить то, что ласкает слух и наших неосталинистов: государство поднял с колен, униженную в Версале Германию уважать стали... В либеральной и демократической Германии действует закон: за восхваление гитлеризма можно угодить в тюрьму. Нашим «государственникам», к сожалению, такой закон не писан. Но ведь нетрудно показать на цифрах и фактах, что сталинский режим принес народам СССР больше зла, чем гитлеровский — немцам.

Любимый довод сталинистов — послушайте Черчилля: Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. Вот как нашего вождя оценил враг. Но, во-первых, Черчилль о Сталине говорил не только это. Во-вторых, Сталин оставил страну не только с атомной бомбой, но и с разоренными колхозами, закрепощенными крестьянами (да и горожанами), с перечеркнутыми Великими реформами Александра II, с миллионами людей в ГУЛАГе. Страна с сохой экспортировала зерно, а в стране с атомной бомбой выстраивались после войны (не во время, а после войны) очереди за хлебом. Я стоял в таких очередях не где-нибудь, а в Ленинграде даже в 1963 г.

И, наконец, для чего вообще нашему государству нужна была, как была использована атомная бомба? Ведь нужна она была как раз для того, чтобы законсервировать на 40 лет то, что и было главным для Сталина и его наследников итогом Второй мировой войны — линию Ялты и Потсдама. Наши депутаты, изнывающие, видимо, от безделья, вздумали наказывать не за восхваление сталинизма, а за то ли отрицание, то ли забвение позорного итога этой страшной войны — насаждения марионеточных режимов в Восточной Европе. Забывают о том, как в одночасье прекратило существование «великое социалистическое содружество», на сбережении которого концентрировалась внешняя политика советского государства.

Вот здесь и встает вопрос: на чем следует воспитывать патриотические чувства? На державности, которой так легко покупается молодежь, или на чем-то совершенно ином? Победа в Отечественной войне — великий подвиг нашего народа. Господство СССР, его политической агентуры в странах Восточной Европы, пронизанных после войны его спецслужбами, — это наше несчастье и позор. Что должно возбуждать наше чувство патриотизма, чем следует восхищаться и гордиться? Тем, что на какое-то время до Эльбы протянулась советская империя, или теми солдатами и офицерами (к сожалению, не многими), которые перешли на сторону восставших венгров в 56 году? Тем, как профессионально наши прославленные генералы Отечественной войны спланировали и осуществили в 1968 г. «защиту социализма» от чехословацких «ревизионистов», или семеркой диссидентов, которые вышли в августе 68 года на Красную площадь протестовать против подавления Пражской весны вооруженными армадами стран Варшавского Договора?

Михаил Сергеевич, открывая обсуждение, говорил об отношении к нашему обществу к Ленину. Не будучи ни его большим поклонником, ни ненавистником, я хотел бы напомнить известное высказывание Ленина о чувстве национальной гордости. Я вполне разделяю эту его позицию: предмет нашей национальной гордости в первую очередь — те, кто боролись против реакционного царского режима (хотя и не только они). Точно так же доброй памяти заслуживают не Сталин, его сатрапы и его наследники, а те люди, которые противостояли им. Так же можно и в перестройке видеть пролог к «величайшей геополитической катастрофе XX века» (мне не надо напоминать, чьи это слова). А можно видеть начало преодоления (пусть во многом неудавшегося) тоталитаризма — самого худшего из того, что знала история нашей страны. В частности, преодоления тоталитарного сознания, которое сейчас пытаются возродить и внедрить, маскируя его под патриотизм.

В ходу сегодня столь любезные патриотам-державникам стихи Пушкина: «Иль русского царя уже бессильно слово? Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?» Ответ на эти вопросы был дан через 23 года после того, как они были заданы, — поражением в Крымской войне. Пушкин

— великий русский поэт, «наше все», но не каждое его слово надо превращать в исповедание веры. Здесь я не с Пушкиным, а с Чаадаевым: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло». И еще: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине».

Но вернемся к тем, кто торопится изувечить историческое образование в школе. В книге Филиппова приводится информация: опрос ФОМа, проведенный в феврале 2006 г., показал, что 47% опрошенных полагали, что Сталин в истории России сыграл положительную роль. Из этого делается вывод: «Противоречивые оценки исторической роли Сталина имеют под собой очевидные основания» (с.93). Мой вывод другой: это сигнал тревоги, сигнал беды. Что может произойти завтра с обществом, в котором половина населения (если поверить опросу) не услышала, не хочет слышать все то, что было раскрыто для всех начиная с горбачевской перестройки? Где если не нравственное чувство, то элементарный инстинкт самосохранения нашего народа?

И последнее. Мне вспоминается, как на переходе от «хрущевской оттепели» к следующему, брежневско-андроповскому периоду, умудренный человек, академик Аксель Иванович Берг, обращаясь к более молодым людям, сказал: на вас наступают пещерные люди; ваша задача загнать их обратно в пещеры. Не получилось. И мы получили еще два десятилетия, в течение которых продолжался процесс — тот процесс, о котором здесь говорили: процесс переделки народа, порчи общества. Опасный и вредный процесс. И потому главный вопрос сегодня: сумеем ли мы остановить пещерных людей? Сумеем ли (каждый на своем месте, в пределах имеющихся возможностей — у нас ведь нет выхода на массовую аудиторию, на телевидение) противопоставить мысль и совесть наступлению пещерных людей? Тех, с позволения сказать, лиц интеллигентского сословия, которые насаждают «разврат мысли», служат подлому и грязному делу.

Могила неизвестного ээка

Григорий Померанц

Творчество Шаламова — один из ответов на вопрос, чем может быть искусство после Аушвица, Воркуты, Колымы? Ответ этот не изгладится ни из истории русской литературы, ни из мировой истории. Это свидетельство, которое до сих пор не до конца прочтено, свидетельство, адресованное каждому человеку на земле, на одном уровне с книгой «Ночь» — об Аушвице (Освенциме). И прежде всего — каждому гражданину России, не лишенному гордости и стыда за свою родину. Ибо патриотизм — это единство гордости и стыда. Гордость нашей страны — неслыханное напряжение сил народа, выдержавшего на своих плечах тяжесть четырех лет войны. И стыд — то, что почти все население страны закрывало глаза на аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей, на разрушения, вызванные террором в гражданском и военном управлении — и послушно повторяло сказки о врагах народа. Стыд нашей страны, что она поверила в Сталина, чуть не впустившего немцев в Москву, как в архитектора победы, поверила со страху, боясь подумать, сопоставить факты, поверила в чудовище, питавшееся ароматом человеческих страданий, поверила как в бога, обожествила одно из самых полных и подлых воплощений дьявольского в человеческом образе. И до сих пор половина народа считает, что победа все оправдала, победа все списала и нам нужен новый Сталин. Стыд, великий стыд и великий грех. Стыд, что мы не учимся на опыте немцев, не хотим вдуматься в процесс нравственного возрождения Германии, начавшегося с методического разрушения авторитета Гитлера, с настойчивого, многолетнего, ежедневного и еженедельного рассказа о гитлеровских зверствах и переключения немецкой гордости с военных побед на радость от простого доброго дела. Стыд, что дьявольский соблазн не разрушается в школах, с первого до последнего класса.

Сталин и его соучастники мертвы, но пока мы сами миримся с тенью Сталина, с величием его подлости, коварства и массовых убийств, наша страна остается нравственно больной и экономи-

чески неустойчивой, лишённой доверия к партнеру в хозяйственных соглашениях, страной, где вор у вора дубинку крадет.

Один из путей к выздоровлению — память о жертвах сталинских застенков, разворачивание пружин страшного опыта в сердцах людей, обреченных Сталиным на многолетнее умирание, на подобие средневековой «тысячекратной казни». Но можно ли писать о чудовищном, не нарушая литературных канонов?

Об этом спорили между собой два колымчанина — Шаламов и Демидов. Демидов считал возможным выбирать случаи, когда гибель заключенного становилась трагическим апофеозом. Шаламов возражал, что опыт Колымы не допускает катарсиса, очищения души страхом и состраданием. Духовная смерть заключенных, мозг которых был иссушен голодом, часто опережал физическую смерть; люди в мессе своей умирали сломленными, без сил подняться, с одной мыслью о куске хлеба.

Демидов доказал свою правоту делом. Уцелела пара его рассказов, где люди успевали что-то крикнуть перед смертью. Но Шаламов тоже доказал свою правоту. Его новеллы похожи на показания свидетелей обвинения в процессе, который до сих пор не доведен до конца. Но свидетельства эти нетленны, и они еще будут заслушаны. Они остались в искусстве слова как стиль, достойный эпохи. Пусть поэтика Шаламова не укладывается в канон Аристотеля. Есть и другие поэтики. Шаламов иногда очень близок к Беккету. Шаламов сам мог бы написать: пустое небо, каменная земля, сжавшийся человек.

Совершенство слова незримо веет здесь над отчаянием. Шаламов убирает все, похожее на литературность, она вымерзла в холодном Освенциме, она невозможна в разговоре об Аушвице, Воркуте, Колыме. Внешние приметы художественности доведены почти до нуля. Метафоры шаламовской прозы — естественная образность языка. Они не производят впечатления украшенной речи, не задерживают внимание на эффектном обороте. Целое полностью господствует над частностями, и каждое слово просто ставится на свое место, — так, как Ахматова объясняла тайну своего стиля. Люди гибнут без поэтического взлета, но дух поэзии остается в суровом лаконизме языка, в классическом языке новеллы, где чувство всегда скрыто за фактами и искусство — за расположением фактов. У Демидова иногда заметно, что ему хочется что-то сказать, а повествование

Шаламова как бы само собой сказывается. Это искусство особого жанра, жанра новеллы-свидетельства. Каждый рассказ — юридический документ, и каждый документ — образец новеллы. Их сдержанность в разговоре о неслыханном и чудовищном делает свидетельство еще сильнее. И когда автор тетяет свою сдержанность и кричит — этот крик тоже свидетельство.

Русская литература на вершинах своих, в XIX веке, не единожды отходила уже от эпического беспристрастия. А в XX веке литература вся вырывается за рамки классики... Закричал Мандельштам. Закричала Цветаева:

*Пора, пора, пора
Творцу вернуть билет!*

Закричала и Ахматова, которую всегда противопоставляли Цветаевой:

*Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград...*

И когда Шаламов пишет, что хотел бы быть обручком и плюнуть в красоту, — это смотрится в рамках эпохи, когда были написаны «Шерри-Бренди», «Квартира тиха, как бумага» и другие, совсем безумные стихи Мандельштама.

Проклятия не могли не вырваться из уст Иова. Проклятия приводили и будут приводить в ужас богословов, знающих умом все, что следует. Но Бог осудил не Иова, а его друзей, не сумевших разделить муку Иова и по Писанию возложивших на Бога ответственность за каждый волос, упавший с человеческой головы. Именно это богословие встало стеной между Шаламовым и Богом; богословие, которое после Освенцима и Колымы обязано было измениться. Между отрицанием богословия и утверждением культуры (где неизбежно всплывали библейские и евангельские образы) возникло поле напряжения, и какие-то огоньки веры могли там вспыхивать. Вспыхивать и гаснуть. Ибо маленький огонь ветер гасит и только большой огонь раздувает. А колымский лагерь смерти задувал почти все огни.

Шаламов чувствовал Божий след в кусте стланика, поднявшемся к свету, но не мог найти его в оборотнях, называе-

мых людьми, в существах без человеческого сердца, охотно, со вкусом топтавших «врагов народа», отданных им на расправу. Их он ненавидит, им он не прощает.

Я немного знал Шаламова в жизни, помню его облик, не очень похожий на артистов, но шапочное знакомство не дало мне никакого знания его внутренней жизни. И сейчас я вижу Шаламова именно таким, каким он сыгран в фильме «Завещание Ленина». И этот образ встает передо мной, как ожившая память сотен тысяч, медленно угасавших на Колыме. Фильм сотворил им вечную память. И до нас дошла их воля — возжечь вечный огонь над могилой неизвестного зэка, одного из многих и многих, просто падавших на пути, как в стихах, которые я запомнил из самиздата, не зная имени автора — и цитирую по памяти:

*Я поднял стакан за лесную дорогу,
За падающих в пути,
За тех, кто идти по дороге не может,
Но их заставляют идти.
За их помертвелье, синие губы,
За одинаковость лиц,
За рваные, инеем крытые шубы,
За руки без рукавиц.
За чарку воды, за консервную банку,
Цингу, что навязла в зубах,
За зубы будящих их всех спозаранку
Раскормленных ражах собак.
За пайку сырого, липучего хлеба,
Проглоченную второпях,
За бледное, слишком высокое небо,
За речку Али-Урях.*

Умер на Владивостокской пересылке Мандельштам. Расстрелян Клюев. Умер в тюрьме Вавилов. Едва не умер от пеллагры Тимофеев-Ресовский, только в последний миг нашел его, в недрах собственного ведомства Завенягин, два года искавший всемирно известного ученого для продолжения его научных работ. Едва не погиб академик Конрад, тянувший срок дневальным в Каргопольлаге, пока не понадобился в институт военных переводчиков — после конференции в Ялте, обязавшей Советский Союз выступить против Японии. Это короткий список, сходу пришедший мне в голову. Другие, менее круп-

ные имена, и имена молодых, не успевших развернуться, никто не помнит. Они просто падали по дороге, и их пристреливали, как выбившуюся из сил собаку.

Демидов уцелел на Колыме, но архив его был изъят, и только немного опубликовано. Расхождения его с Шаламовым не очень велики. У них гораздо больше общего — в судьбе и в осмыслении ее. Эта общность связана с чертами того культурного слоя, который в 20-е годы еще не был полностью разрушен: подавленное, но внезапно прорывающееся чувство собственного достоинства, отсутствие самого вопроса о хороших и плохих народах, который ставится, хотя очень мягко, уже в «Одном дне из жизни Ивана Денисовича» и далее — во всем творчестве Солженицына.

Россия для Шаламова — культура, а не племя. Одна из редких радостей на Колыме — встреча с человеком, который помнит стихи Пастернака, прозу Бунина. Это его духовные земляки. И горечью на долгожданной воле были встречи с молодежью, усвоившей сталинскую антикультуру, сталинское деление на народ (трепетавший от любви к вождю) и врагов народа. Единственный народ, который Шаламов ненавидел, — это воры, ставшие союзниками плачей.

Некоторые интеллигенты, отбывавшие срок в других лагерях и в другое время, идеализировали воров, дружили с ними (об этом — в воспоминаниях Копелева). Но на Колыме воров сознательно использовали, чтобы унижать и уничтожать людей, сохранивших честь и достоинство. Можно считать неразумным напряженную ненависть к орудиям сталинского садизма. Ненависти скорее достойны те, кто этими орудиями ворочал. Но так рассуждать удобнее в кабинете. Палач всегда ненавистнее, чем судья, вынесший приговор. Мечь вообще нелепа, она только продолжает и увековечивает зло. Но сова Минервы вылетает в сумерках, а не в миг, когда тебя топчут ногами.

Разум бывает хитер. Сталин умер, а дело его живет. Блатной мир, раскормленный в лагерях, вышел сегодня за зону, разлился по всей стране. Он достиг небывалой власти и влияния. Блатные нравы, вкусы, словечки усваиваются журналистами, банкирами, депутатами. Черное слово, которого Шаламов избегал, засорило язык. И страницы Шаламова, окрашенные ненавистью к ворами, звучат сегодня с неожиданной силой. Это не только вопль больного человека. Это пророчество, опередившее свое время.

